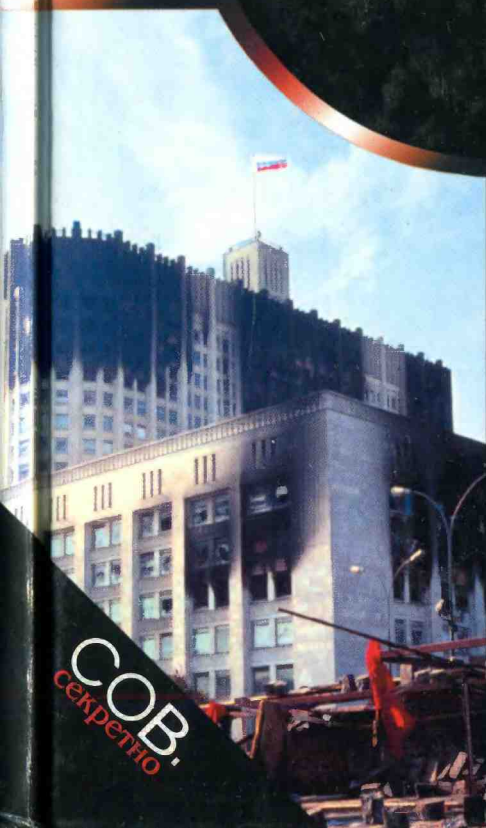

Семен
Чарный

ТАЙНЫ ОКТЯБРЯ
1993

Кремль против Белого дома

Хроника государственного переворота

•
Русский бунт –
бессмысленный
и беспощадный

•
Последняя русская
революция

•
Правда о второй
гражданской войне

•
Кто стрелял в Белый
дом

СОВ.
секретно

СОВ.
секретно

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

В серии
СОВ.
секретно

Ю. Кузнец
«ТЕГЕРАН-43»

А. Широкоград
«ТАЙНЫ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ»

В. Чиков
«ИУДА ИЗ АКВАРИУМА»

А. Первушин
«ОККУЛЬТНЫЕ ВОЙНЫ НКВД И СС»

С. Чарный
«ТАЙНЫ ОКТЯБРЯ 1993»

А. Широкоград
«ОГНЕННЫЙ МЕЧ РОССИЙСКОГО ФЛОТА»

Семен
Чарный

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2004

Оформление художника
С. Силина

- Чарный С.**
Ч 21 Тайны Октября 1993. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — 288 с., илл.
ISBN 5-87849-149-4

Книга рассказывает о событиях 21 сентября — 4 октября 1993 года — одном из самых ярких моментов в истории постсоветской России, определившем дальнейший путь ее развития — к президентской республике и управляемой демократии.

Уникальные, чудом сохранившиеся документы из государственных архивов, депутатские дневники, материалы общества «Мемориал», свидетельства очевидцев, впервые использованные автором в этой книге, позволяют по-новому взглянуть на события октября 1993 года и закрыть многие «белые пятна» этого двухдневного кровавого противостояния 3—4 октября 1993 года.

ББК 63.3(2)64

События 21 сентября — 4 октября 1993 года, без сомнения, — один из самых ярких моментов постсоветской истории России. Фактически можно говорить о том, что именно в это время Россия прошла одну из «точек бифуркации»¹, определивших ее дальнейший путь развития — в сторону президентской республики и управляемой демократии. Впрочем, надо отметить, что альтернативы этому были еще хуже — от возвращения в позднесоветскую эпоху до распада России, по примеру СССР, на удельные княжества, полной анархии и хаоса.

Как и положено всякому важному событию, «Черный октябрь» (это меткое название-характеристика было придумано уже в октябре 1993 года) за прошедшие десять лет успел превратиться в обязательный элемент политической мифологии — «расстрел парламента», став символом насильственных действий президента Ельцина. Заметим, что многие из депутатов «расстрелянного» Верховного Совета РФ здравствуют и по сей день (и не только здравствуют, но и занимают высокие должности — вроде губернатора Ленинградской области В.А. Сердюкова или главы ЦИК А.А. Вешнякова). В качестве такового события 21 сентября — 4 октября поминаются не только в речах радикальной лево-правой оппозиции, но и в устах, казалось бы, уж совсем респектабельных господ, вроде лидера «Яблока» Г.А. Явлинского, благополучно «забывшего» собственные призывы к жесткому подавлению «мятежников», звучавшие с телеэкрана. В результате за этим ми-

¹ Бифуркация — ключевой момент в истории (*прим. авт.*).

фологическим образом скрылось реальное событие, а точнее — цепь событий, приведших к печальному финалу.

Естественно, что подобные яркие события породили обширную литературу. Примечательно, что первая книга о событиях вокруг Белого дома — «Записки из Белого Дома» корреспондента «Коммерсанта» Вероники Куцылло — вышла практически сразу после окончания противостояния. Каждая из сторон сочла своим долгом издать сборник документов и свидетельств очевидцев о событиях тех двух недель. В 1994 — 1995 годах появились «патриотический» сборник «Кровавый Октябрь. Свидетельства очевидцев» и «демократический» — «Москва. Осень-93».

Событий 1993 года в той или иной степени касаются практически все политики, действовавшие в первой половине 1990-х, начиная с главных фигурантов событий — Ельцина, Руцкого и Хасбулатова. Скромнее всех оказался первый президент России, уделивший этим событиям лишь главу в своих «Записках президента». Александр Руцкой посвятил двум неделям 1993 года сразу две книги: «Лефортовские протоколы» и «Кровавая осень». А Руслан Хасбулатов сделал «Черный октябрь» центральным событием своей многотомной эпопеи «Великая российская трагедия». Естественно, не могли обойти эти события и персонажи более мелкие. Специальные разделы об этом есть в воспоминаниях Егора Гайдара («В дни поражений и побед»), Олега Попцова («Хроники времен царя Бориса»), начальника ельцинской личной охраны Александра Коржакова («Борис Ельцин: от рассвета до заката»), министра внутренних дел, а тогда командующего ВВ Анатолия Куликова («Тяжелые звезды»), депутата Верховного Совета Владимира Исакова («Госпереворот»), а также в коллективном труде бывших помощников российского президента («Эпоха Ельцина»).

Специально «Черному октябрю» посвящена книга, подписанная «русский разведчик Иван Иванов». Первоначально отрывки из нее публиковались на страницах газеты «Завтра», а затем, в 1997 году, она была выпущена отдельным изданием. При этом в предисловии сказано, что рукопись якобы была принесена в издательство «Московский литератор» неизвестным, что выглядело довольно комично, учитывая факт предшествующей публикации отрывков из этого опуса в газете «Завтра». В том же предисловии, написанном одним из лидеров тогдашней оппозиции Ельцину С. Бабуриным, высокопарно заявлялось: «Эта книга — свидетельство обвинения по организации правящим режимом в Москве массовых убийств во время государственного переворота 21 сентября — 5 октября 1993 года». Для придания большей достоверности сообщалось, что этот труд основан на «вынесенном из горящего Белого дома личном дневнике помощника генерал-полковника В.А. Ачалова и неизвестных, ранее никогда не публиковавшихся документах», в том числе и таких, как журналы оперативных донесений противоборствующих сторон. Автор, укрывшийся за псевдонимом, человек безусловно информированный, входивший в ближайшее окружение одного из «белодомовских силовиков» — генерала Ачалова, — дает вроде бы полную картину событий. Казалось бы, при подобном обилии источников уже давно могло быть создано исследование, в котором давался бы четкий ответ — что и как происходило в сентябре — октябре 1993 года.

Но тут перед нами в полный рост встает еще один вопрос — о достоверности свидетельств участников событий. Особенно это относится к «белодомовской стороне», представителям которой после своего проигрыша пришлось оправдываться перед своими сторонниками и общественным мнением. Практически все они — и Руцкой,

и Хасбулатов, и Исаков, и «Иванов» — заявляют, что при написании воспоминаний использовали свои дневники 1993 года. Однако это представляется маловероятным, поскольку на выходе из Белого дома практически все более или менее значительные лица были подвергнуты обыску, а их бумаги конфискованы.

Каждый из авторов-«патриотов» выходит из положения по-разному. Исаков сообщает, что спрятал свой дневник до выхода из Белого дома и смог получить его только через полгода. Подобная история довольно-таки сомнительна, поскольку все помещение тщательно обыскивалось в поисках документов, которые могли бы помочь при подготовке процесса Руцкой — Хасбулатов и их соратников. «Иванов» просто упоминает, что дневник был вынесен из «горящего Белого дома». Хотя здесь непонятно и само авторство. Автором, конечно, мог быть один из адъютантов Ачалова, имена которых, кстати, сохранились и приводятся в хранящихся в архивах документах «Министерства обороны Белого дома», но перечень возложенных на него функций (ответственность за раздачу оружия, участие в походе на «Останкино»), которые, как известно из других источников, были возложены на разных людей, позволяет говорить о том, что перед нами — лицо вымышленное. Еще один вариант — генерал Б. Тарасов. Однако его личный дневник как раз сохранился в архиве и уж точно не мог стать основой для написания огромного опуса.

Комичнее всего в этом отношении выглядит Хасбулатов. Сначала он пишет, что в ночь на 4 октября переправил свои бумаги через помощника «в надежное место». Однако через несколько десятков страниц мы вновь встречаем дневниковые записи, датированные... утром 4 октября. И только Руцкой честно пишет в предисловии к вышедшей в 1995 году «Кровавой осени», что его днев-

ники того времени «дополнены и переработаны», то есть фактически написаны заново.

Доверие к писаниям «патриотических» авторов подрывает еще и то, что все они, стремясь оправдаться за свои неудачи, срочно перекалывают ответственность на чужие плечи. Причем весьма часто это плечи недавних соратников по борьбе с Ельциным. Так, «Иванов» в качестве отрицательного героя, из-за бездействия которого якобы все и провалилось, выводит А. Руцкого. Последний же в своих мемуарах обрушивается на «Иванова», заявляя о том, что ему «хорошо известно имя этого человека, который отличался от остальных своих соратников только любовью к горячительным напиткам». Кроме того, стремясь снять с себя ответственность за трагическую ситуацию, они весьма часто преувеличивают жесткость и силы своих противников (вроде заявлений о 50 000 солдат и милиционеров, блокировавших Белый дом, сообщений о массовых убийствах и т. д.).

Стремясь показать события в выгодном для себя свете, «белодомовцы» не упоминали ряд составленных ими документов, будучи глубоко уверенными, что те погибли во время пожара в Белом доме 4 октября 1993 года. Они, кстати, часто объясняли этот пожар стремлением ельцинской администрации уничтожить невыгодные для себя документы, уверяя, что архив Верховного Совета был сожжен чуть ли не прицельным попаданием фугаса. Однако большая часть документов уцелела. Она была вывезена сотрудниками Росархива. Что не нашли архивисты, то обнаружили сотрудники МВД, оставившие соответствующие пометки на документах (поэтому, кстати, версии о спрятанных документах не выдерживают никакой критики). После нескольких лет кропотливой работы эти материалы были выставлены в свободном доступе в Государственном архиве РФ, где автор ими и воспользовался

для настоящей работы. Среди этих документов, кстати, было несколько депутатских дневников, в том числе дневник одного из лидеров антиельцинской оппозиции — генерала Б. Тарасова. Эти документы позволили закрыть немало белых пятен в истории «белодомовского» кризиса. Впрочем, вероятно, часть документов, упоминаемая в работах разных авторов, погибла или же была вывезена в куда более закрытый архив президента, куда доступ обычным исследователям закрыт.

Помимо материалов из госархивов в нашей книге использованы документы из собрания «Мемориала», любезно предоставленные его сотрудниками. Речь идет не только о свидетельствах очевидцев, но и о поистине уникальных материалах — расшифровках переговоров милиции 22 сентября — 3 октября, дающих возможность взглянуть на ситуацию в Москве с неожиданной стороны. Авторы приносят глубокую благодарность сотрудникам «Мемориала» А. Соколову, А. Черкасову, О. Трусевич и Г. Кузовкину за возможность ознакомиться с этими материалами.

Надо отметить, что в последние годы ситуация вокруг описания событий десятилетней давности начала постепенно меняться. В 2002 году появилось первое научное исследование событий 1993 года — в журнале «Отечественная история» была опубликована работа Р.Г. Пихои, в прошлом возглавлявшего Росархив и использовавшего как мемуарную литературу, так и архивные материалы, к которым он имел доступ. Однако небольшой объем работы привел к тому, что за скобками остался ряд сюжетов этого двухнедельного противостояния, а небольшой тираж журнала не дал возможности широким слоям россиян познакомиться с этим трудом. Надеемся, что данная книга заполнит этот пробел.

Соратники — соперники — противники

Когда 21 августа 1991 года рухнула последняя попытка с помощью военной силы и пресловутого ГКЧП сохранить в неизблемом виде советскую империю, казалось, что победившее в борьбе с путчистами российское руководство — только что одержавший победу на выборах президент Борис Ельцин, его «вице» Александр Руцкой и и.о. председателя Верховного Совета (ВС) России Руслан Хасбулатов — представляет собой единый монолит, который весьма выгодно смотрелся на фоне слабеющего не по дням, а по часам союзного центра.

Однако весьма скоро выяснилось, что единство это чисто внешнее. Вице-президент и председатель ВС считали себя в этом триумvirате равными партнерами, а президент, естественно, полагал главой страны себя, а своего «вице» и главу парламента считал лишь подчиненными ему чиновниками. Первый конфликт во властной верхушке разгорелся еще до окончательного исчезновения СССР. Поводом для него послужили события в Чечено-Ингушетии, когда в Грозном в результате сепаратистского мятежа во главе с генералом Джохаром Дудаевым были свергнуты местные власти и взят курс на создание независимой Чечни. Ельцин тогда подписал указ о введении в Чечне чрезвычайного положения, подготовленный Руцким. Однако ВС этот указ опротестовал, а прилетевшие в Грозный спецподразделения МВД были блокированы.

Ельцин ничего не сделал для того, чтобы защитить своего вице-президента от нападков. Вероятно, он хотел дать понять последнему, что его задача — выполнять протокольные функции, а не лезть в политику. Окончательно же карьера Руцкого пошла на спад после того, как во время поездки по Сибири в ноябре — декабре 1991 года он имел неосторожность назвать новое российское правительство и вице-премьера Егора Гайдара «мальчиками в розовых штанишках». Этот звучный перл и стал началом конца его политической карьеры. После этого президент предпочел отставить своего «вице» от реальных дел.

В результате Руцкой затаил обиду на Ельцина. Недоволен был и Хасбулатов. Его все дальше оттесняли от президента и от принятия важных решений по экономике члены созданного в ноябре 1991 года кабинета реформ во главе с Егором Гайдаром.

Однако простое недовольство двух высокопоставленных политиков, возможно, так и осталось бы безобидным фрондерством, если бы не несколько обстоятельств.

Во-первых, с 13 января 1992 года российский Белый дом (БД) стал местом работы ВС Российской Федерации. Официальная резиденция президента была перенесена в Кремль, правительство въехало в комплекс зданий бывшего ЦК КПСС на Старой площади. Депутаты остались без «присмотра» президента и его сторонников.

Во-вторых, начавшиеся 2 января 1992 года радикальные реформы привели к скорому появлению в стране значительной группы, как сказали бы сейчас, протестного электората, в том числе и из элитных слоев населения. Правда, эта группа объединяла людей совершенно разного положения и политической ориентации. Кроме коммунистов и ультранационалистов к ней примкнули некото-

рые недавние союзники Ельцина, а также старый директорский корпус, только что получивший в собственность громадную советскую промышленность и, естественно, не желавший расставаться с полученными буквально за копейки, а то и бесплатно, благами. Недовольство населения ростом цен (напомним, что в 1992 году инфляция составила 2600% в год), высказываемое при встречах с депутатами, привело к тому, что на сторону оппозиции перешла и часть депутатского «болота». Именно эти группировки и стали «низовой» опорой ВС.

Впрочем, следует оговориться, что опорой весьма условной, поскольку количество претендентов в вожди нации в эти годы было просто умопомрачительным. Экономический курс, который предлагали эти группы (и соответственно Руцкой и Хасбулатов), был рассчитан на массивную накачку деньгами «отечественных товаропроизводителей», введение высоких импортных пошлин и т. п. То, что подобная стратегия в российских условиях может привести лишь к беспрецедентному воровству, глашатаи этих группировок понимать отказывались (если, конечно, отбросить циничное предположение о том, что они были щедро «проплачены» заинтересованными лицами).

Кроме того, похоже, что в столкновении присутствовал и личный момент. Как пишет в своих мемуарах бывший начальник охраны Ельцина А. Коржаков, противостояние спровоцировал следующий эпизод: «Руслан Иманович иногда парился в сауне вместе с шефом, но однажды пригласил в эту узкую компанию своего массажиста. Он, видимо, почувствовал себя на равных с Ельциным, оттого и позволил роковую бестактность. Борис

Николаевич присутствие массажиста вытерпел, но я уже знал — самого Хасбулатова он долго терпеть не станет».

Как бы то ни было, сразу же после того, как депутаты ощутили себя полновластными хозяевами здания на Краснопресненской набережной, на состоявшемся в тот же день заседании ВС России Р.И. Хасбулатов критиковал начатую за десять дней до этого либерализацию цен и назвал «чудовищной глупостью» намерение правительства ликвидировать колхозы и совхозы и провести к весне 1992 года «фермеризацию республики». Встречаясь в этот же день с делегацией итальянского сената, Хасбулатов заявил, что ВС России необходимо «или предложить президенту сменить практически недееспособное правительство России, или, в соответствии с конституционным правом, самим сменить это правительство». Подобные заявления вызвали, естественно, резкую отповедь со стороны правительственных чиновников. Занимавший тогда посты государственного советника по правовой политике, заместителя председателя правительства России С. Шахрай охарактеризовал оценки Хасбулатова как «по меньшей мере безответственные». Эти оценки Шахрая развил вице-премьер Г. Бурбулис, назвав ВС России «оплотом тоталитарной системы».

Буквально в течение нескольких месяцев отношения двух ветвей власти доходят до противостояния. 3 февраля 1992 года, выступая на съезде Ассоциации крестьянских хозяйств России, Хасбулатов заявляет, что ВС будет жестко критиковать правительственный курс, но в критические минуты поддержит правительство. Это не означает, продолжил Хасбулатов, что ВС избрал тактику критики президента. «Если у меня появится когда-нибудь соблазн его критиковать, — сказал далее спикер, — я лучше уйду из

парламента». Уже через две недели радикальный депутат С. Бабурин, чуть ли не единственный, кто голосовал против ратификации в ВС Беловежских соглашений о роспуске СССР, говоря о кабинете Гайдара, впервые употребляет термин «правительство национальной измены».

Открывшийся 6 апреля 1992 года VI съезд народных депутатов стал первым, на котором конфронтация между ветвями власти выплеснулась наружу. Все тот же Бабурин заявляет с трибуны съезда, что нарушения Конституции, допущенные президентом в последнее время, «чудовищны». Съезд признает деятельность правительства по осуществлению экономической реформы неудовлетворительной. В результате 12 апреля первый вице-премьер российского правительства Е.Т. Гайдар заявляет на пресс-конференции о невозможности продолжать курс реформ после решений, принятых VI съездом народных депутатов, и зачитывает заявление кабинета об отставке. Ельцин просит кабинет выполнять свои обязанности до конца работы съезда и обещает за это время «принять соответствующие решения». Не на шутку перепуганные депутаты, осознавшие, что в случае отставки кабинета вся ответственность за ситуацию в стране ляжет на них, предпочли отступить. 15 апреля съезд принял Декларацию о приверженности курсу реформ, призванную нейтрализовать предыдущее постановление, вызвавшее заявление об отставке правительства. В Декларации правительству было рекомендовано выполнять постановление съезда поэтапно, с учетом реальных экономических условий.

Однако президент, естественно, не забыл нанесенной обиды. Буквально через две недели после окончания съезда, беседуя с рабочими цеха холодной прокатки Черепо-

вещкого металлургического комбината, Ельцин назвал съезд народных депутатов «большой говорильней, где мало что решается». Отвечая на вопрос рабочих, как следует решить судьбу съезда, президент говорит, что своей властью он этого сделать не может, и предлагает собрать миллион подписей избирателей за проведение референдума по новой Конституции, в которой не будет места съезду. Он неоднократно повторяет это предложение, добавляя тезис о необходимости сильной президентской власти «в переходный период», что опять же, естественно, вызывает ответную реакцию — координаторы 11 депутатских фракций парламента России 5 июня 1992 года подписывают обращение к президенту, в котором высказана обеспокоенность по поводу его заявления о необходимости «разогнать съезд». Авторы обращения писали: «Мы убеждены, что в случае разгона съезда незамедлительно последует цепная реакция распада России... Если с Вашей подачи будет разогнан съезд, то и Вы как президент будете обречены».

Затем скандалы несколько стихают. Идея референдума не стала слишком популярной и на время была похоронена. Кроме того, летом политическая жизнь в стране традиционно затихала. Новое обострение противостояния началось уже осенью. 16 октября во время встречи с зарубежными журналистами соратники Ельцина М. Полторанин, А. Чубайс, А. Козырев, Г. Бурбулис заявили, что считают крайне серьезной опасность консервативного реванша со стороны ВС РФ. Когда же разъяренные депутаты потребовали объяснений, министры подтвердили, что считают подобную опасность крайне серьезной. Они были вызваны в ВС для объяснений, где подтвердили,

что считают эту опасность крайне серьезной. Апофеозом скандала стало прозвучавшее в конце заседания заявление депутата В. Волкова о том, что Хасбулатов ведет заседание в состоянии наркотического опьянения.

Впрочем, если министры и преувеличивали, то не очень сильно — опасность реванша существовала. Только исходила она не столько от ВС, сколько от «улицы». Напомним, что к тому моменту уличная оппозиция уже успела отметиться такими акциями, как столкновения на Манежной площади 23 февраля 1992 года и блокада «Останкино» в июне того же года. Ее костяк составили движение «Трудовая Россия» и Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) во главе с тогдашним кумиром люмпенизированной толпы Виктором Анпиловым (или Ампиловым, как иногда писали его фамилию).

Двадцать четвертого октября 1992 года свершилось событие, до того невиданное и единственное в своем роде — все многочисленные оппозиционные Ельцину коммунистические и националистические группировки объединились в организацию, назвавшую себя «Фронт национального спасения» (ФНС). Параллели, честно говоря, просматривались зловещие — именно такое название носила группировка, осуществившая в 1989 году переворот в Румынии, успешно закамуфлированный под народное восстание.

Руководство новоявленного «Фронта» не скрывало желания пойти путем своего румынского собрата в борьбе против «временного оккупационного режима». Отныне кабинет Ельцина в рупоре «фронтовиков», газете «День», именовался исключительно так, и даже было объявлено о начале формирования «народного ополчения». Самым

опасным для Ельцина было то, что Конституционный суд (КС) опротестовал его указ о запрете ФНС, фактически выдав этой организации «охранную грамоту». Кроме того, в состав руководства «Фронта» вошел ряд оппозиционных депутатов.

Седьмой съезд народных депутатов, прошедший в первую декаду декабря 1992 года, в первый раз ставит Россию на грань большого политического кризиса. В первые же дни разыгрывается словесная дуэль между Гайдаром и Хасбулатовым. Съезд аннулирует чрезвычайные полномочия, которыми Ельцин был наделен, и высказывает намерение поставить правительство под свой контроль. В ответ команда Гайдара угрожает отставкой, а Ельцин 10 декабря выступает на съезде с резким обращением к народу, призвав к проведению референдума по вопросу о том, какому курсу доверяют россияне — президента или же съезда, ВС и его председателя. Президент также призвал своих сторонников покинуть заседание съезда и собраться в Грановитой палате. Однако вместо 400 — 450 депутатов, как он рассчитывал (именно столько депутатов проголосовало накануне за сохранение Гайдара на его посту), за ним ушло по разным оценкам от 30 до 100 человек. В результате на съезде сохранился кворум, необходимый для принятия решений. Ельцина не поддерживает вице-президент А. Руцкой, который, заявив о поддержке реформ, резко осуждает «кучку политических деятелей» из окружения Ельцина, оказывающих, по его мнению, отрицательное влияние на президента.

Впрочем, от сползания в пропасть Россию на тот момент удержал откровенный нейтралитет «силовиков». Руководители министерств безопасности, внутренних дел и

обороны — соответственно Баранников, Ерин и Грачев — заверили съезд, что силовые структуры верны Конституции и законам РФ.

Для выхода из тупика председатель КС В. Зорькин, с этого момента начинающий свою собственную политическую игру, предлагает немедленно начать консультации между председателем ВС и президентом с участием главы КС с целью поиска компромисса и преодоления кризиса власти. 12 декабря эти переговоры завершаются подписанием документа «О стабилизации конституционного строя РФ». Документ регулирует взаимоотношения исполнительной и законодательной властей, аннулирует предпринятые в последние дни обеими ветвями власти резкие заявления, «замораживает» принятые накануне поправки к действующей Конституции. Документ, согласованный двумя «командами», одобрен на съезде простым большинством голосов. Также предусмотрено проведение 11 апреля 1993 года всероссийского референдума по новой Конституции. Однако вскоре Хасбулатов отказывается от достигнутых договоренностей, простодушно объясняя депутатам, выяснявшим, зачем же он подписывал этот документ: «Бес попутал».

Пятого февраля 1993 года Хасбулатов делает достоянием гласности пересмотр своего отношения к личности президента. На встрече с премьер-министром Швеции К. Бильдтом спикер российского парламента заявляет: «Правительство надо освободить от опеки президента, который не справился со своей задачей...», «референдум нам навязал президент, и теперь сам не знает, как вылезти из этой ситуации...», «Гайдар со своим правительством нанес экономике огромный ущерб...», «Россия стреми-

тельно движется по латиноамериканскому пути, причем в его худшем, колумбийском варианте...». Ответ президентской стороны на эти оценки Хасбулатова был дан в форме заявления пресс-секретаря Ельцина В. Костикова. Сам Ельцин все еще пытается решить дело миром, делая упор на проведение референдума по Конституции. Однако собравшийся 10 марта 1993 года VIII съезд народных депутатов окончательно отменяет референдум. Сам Хасбулатов позже писал, что отмена референдума была вызвана тем, что официальная пропаганда, мол, взяла крен в сторону превращения референдума в попытку «окончательного решения вопроса «кто кого?» и даже якобы была согласована с Ельциным. Хотя если кто и взял крен, то это сторонники ВС и радикальной оппозиции. Обосновывалась отмена референдума весьма просто: он не соответствует Конституции.

Вместо этого депутаты предпочитают вносить все новые и новые поправки в Конституцию (всего за три года было внесено около 2500 поправок), делая ее все более нестабильной и забывая собственные же решения о скорейшей разработке новой Конституции. В Основной закон в том числе вносится и статья 121-б. В соответствии с этой статьей президент мог быть отрешен от должности в «облегченной» форме — если он попытается в одностороннем порядке изменить государственный строй или распустить высшие представительные органы власти, то есть съезд. Параллельно Хасбулатов шаг за шагом убирает из руководства ВС сторонников Ельцина, заменяя их своими ставленниками. При этом обставлялось все весьма помпезно — как с трудом принятое решение отпустить ценного сотрудника в Администрацию Ельцина. Так, к

примеру, было организовано устранение первого заместителя Хасбулатова — Сергея Филатова, ставшего главой администрации президента.

В этот момент Ельцин в первый раз пытается одним ударом разрубить гордиев узел противостояния. 20 марта он выступает по телевидению, оглашая Указ об «Особом порядке управления страной» до преодоления кризиса власти, и назначает на 25 апреля 1993 года голосование о доверии президенту и вице-президенту Российской Федерации. В выступлении президент также сообщал, что будут приняты дополнительные особые указы и распоряжения.

Указ немедля был признан ВС неконституционным. К этому заключению присоединяются КС, Генеральный прокурор Степанков, секретарь Совета безопасности (СБ) Скоков и, естественно, Руцкой. КС признал указ Ельцина неконституционным. Однако президентская сторона пошла на хитрость. Официальный текст указа был обнародован лишь после того, как КС сделал свое заключение и многие «вызывающие» места были отсюда убраны.

С этого момента противостояние становится еще более жестким с постепенной взаимной демонизацией. Основная тема спешно собранного 26 марта IX внеочередного съезда — импичмент Ельцину и замена его Руцким. Однако для успеха подобной акции депутатам не хватает примерно 30 голосов. Впрочем, по воспоминаниям бывшего начальника охраны Ельцина Александра Коржакова, президент все же принял определенные меры на случай импичмента. План, разработанный 23 марта комендантом Кремля (и большим другом Коржакова) Михаилом Барсуковым, предполагал, что в случае принятия реше-

ния об импичменте будет немедленно оглашен указ о разгоне съезда. В случае если депутаты окажут сопротивление, предусматривалась даже небольшая газовая атака для выдворения их из зала с помощью хлорпикрина. Кроме того, Ельцин перед голосованием по вопросу об отрешении его от должности на съезде собрал митинг на Васильевском спуске, где четко и ясно обозначил свою позицию: «Не им, этим шестистам, решать судьбу России. Я не подчинюсь, я подчинюсь воле народа».

Впрочем, как пишет далее Коржаков: «Указ зачитать не пришлось. Примерно за час до объявления результатов голосования мы их уже знали. Тогда Михаил Иванович (Барсуков. — С. Ч.) позвонил президенту и сообщил:

— Импичмента не будет.

Ельцин сказал:

— Надо службу заканчивать. Пусть они там еще побьются, поголосуют, повыступают... Давайте быстро ко мне.

Барсуков отдал президенту заклеенный конверт с указом. Так никто и не услышал этого текста. Шеф положил конверт в письменный стол, обнял и расцеловал Михаила Ивановича:

— Спасибо за службу».

В конечном счете съезд закончился тем, что депутаты все же назначили на 25 апреля референдум, существенно изменив его вопросы. Теперь они звучали так:

1. Доверяете ли вы Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?

2. Одобрите ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Съезд определил, что решения по вынесенным на референдум вопросам считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, имеющих право быть включенными в списки для голосования. При этом депутаты надеялись, что большинство населения, разгневанное реформами Гайдара, проголосует против Ельцина.

После IX съезда Руцкой окончательно дистанцируется от Ельцина. С этого момента его окружение начинает продвигать идею о равной легитимности президента и вице-президента. А для большей компрометации Ельцина Руцкой делает знаменитое заявление о наличии у него 14 чемоданов документов о коррупции в ближайшем окружении президента. Чемоданы эти становятся неиссякаемым источником шуток в СМИ, а русский язык пополняется словом «компромат».

Итогом этих колоссальных усилий стали шокирующие для депутатов результаты референдума — большинство голосовавших поддержали Ельцина и его экономическую политику, высказались против досрочных выборов президента и за досрочные выборы депутатов. Один из лидеров ВС, Николай Травкин, которого Хасбулатов, как он сам писал позже в мемуарах — «всегда уважал за незаурядный ум, оригинальность суждений», после референдума отказался от депутатских полномочий, посчитав, что воля народа была выражена достаточно ясно. По признанию того же Хасбулатова, это был «тяжелый удар» для

ВС. Впрочем, депутаты в большинстве своем так и не признали результаты референдума, лукаво объясняя, что для того, чтобы действительно считать это волей народа, необходимо, чтобы за досрочные выборы депутатов проголосовало 50% всех избирателей (а не только участников референдума).

Практически сразу же после оглашения результатов референдума Ельцин, выступая по телевидению, объявляет, что направил свой проект Конституции в ВС и в ближайшее время представит проект нормативного документа о выборах в федеральный парламент, не позже осени 1993 года, а также сообщает, что он утратил доверие к Руцкому. В мае подписываются два Указа о начале работы Конституционного совещания по доработке президентского проекта Конституции.

Начало его работы, 5 июня, было омрачено скандалом с «захлопыванием» Хасбулатова, пытавшегося выйти к трибуне в нарушение установленного президентом регламента, и с выносом из зала охраной Ельцина автора одного из альтернативных проектов Конституции депутата Слободкина, попытавшегося пробиться к трибуне в нарушение регламента. К середине июля проект Конституции был доработан. Однако возник вопрос — как он будет приниматься? В попытках склонить лидеров российских регионов способствовать принятию Конституции прошли июль и август. Хасбулатов в это время также пытается склонить региональные элиты на свою сторону, разъезжая по стране и выступая с программными речами. Уличная оппозиция, проведшая в Москве 1 мая демонстрацию, закончившуюся кровавым побоищем, и объявившая о возможности вооруженного востания против

«оккупационного режима», тоже готовится к горячей осени.

Летом 1993 года разыгрывается шумный детектив под названием «борьба с коррупцией». Обе стороны — исполнительная власть и Верховный Совет — обвиняют друг друга во взяточничестве, используя в качестве основного свидетельства показания так называемого генерала Димы — авантюриста Дмитрия Якубовского, сделавшего в 1992 — 1993 годах головокружительную карьеру в Кремле.

По постановлению ВС создается спецгруппа следователей во главе с зам. генерального прокурора Макаровым по расследованию обвинений в коррупции против вице-премьера (и бывшего заместителя Хасбулатова) В. Шумейко и министра печати М. Полторанина. Ответ Ельцина и его команды был сокрушительным. В июле 1993 года на всю страну транслировалась пресс-конференция специально созданной Межведомственной комиссии по борьбе с коррупцией, которая, потрясая документами, обвиняла в получении комиссионных от международного бизнесмена Б. Бирштейна министра безопасности Баранникова, зам. министра внутренних дел Дунаева и вице-президента Руцкого. Часть документов, как позже выяснилось, оказались фальшивыми, но свое дело они сделали — Баранников и Дунаев в конце июля были сняты со своих постов (и таким образом Ельцин мог не опасаться удара в спину), а имидж Руцкого оказался серьезно подпорчен подозрениями во взяточничестве.

Тринадцатого августа в Петрозаводске проходит заседание Совета глав республик с участием президента Ельцина. На этом заседании принимается решение о создании

Совета Федерации как консультативно-совещательного органа при президенте с целью выработки предложений по ключевым направлениям государственной политики. Однако предложение президента о скорейшем принятии новой Конституции откладывается «на потом». Верховный же Совет всячески противится ее принятию, поскольку хорошо понимает, что разработанная Ельциным новая Конституция будет означать конец его полномочий. Вероятнее всего, именно с этого момента президент и принимает окончательное решение о силовом способе решения конституционной проблемы.

«Ровно в 20.00, 21 сентября»

Прогнозы о том, что «Ельцин разгонит парламент», появились в различных СМИ еще начиная с мая. Летом 1993 года Хасбулатов едва ли не еженедельно объявлял о подготовке Ельциным переворота, а Руцкой в книге «Мысли о России», написанной в то же время, призывал признать действия Ельцина «волюнтаризмом, способствующим формированию в стране крупного капитала с элементами космополитизма».

Но реально Ельцин окончательно утвердился во мнении о необходимости роспуска ВС не ранее второй декады августа. За день до заседания в Петрозаводске, где было принято решение об образовании Совета Федерации, включавшего по два представителя от каждого региона, 12 августа Ельцин встретился с представителями государственных теле- и радиокompаний России и руководителями российской печати. Именно на этой встрече прозвучало сверхжесткое заявление президента: «По сути дела, через высший законодательный орган страны реализуется установка Второго конгресса, так называемого «Фронта национального спасения», на упразднение поста президента, на приручение законодателей, на развал реформ. Почти все последние решения ВС — вызов президенту, вызов воле народа, выраженной на референдуме... Сейчас политические оппоненты зашли столь далеко, что готовы довести до абсурда тему здоровья самой

страны. В этом вопросе нужно быть очень и очень аккуратным и, в общем-то, готовиться к решительной схватке... Я думаю, что эта борьба и схватка решительная наступят в сентябре. Август надо использовать для артподготовки. В том числе и средствами массовой информации». Это было воспринято оппозицией как объявление войны.

Практически сразу же после совещания в Петрозаводске начинается работа по подготовке указа о конституционной реформе, предполагавшей роспуск ВС и съезда. Для тех, кто скажет, что Ельцин намеренно нарушал закон, заметим, что к этому моменту ситуация стала патовой — стране нужна была новая Конституция, но принять ее можно было только с помощью съезда, съезд же принимать Конституцию не желал. При этом продолжение противостояния между ветвями власти грозило стране реальной потерей управляемости и дезинтеграцией. Выйти из ситуации, к сожалению, можно было лишь силовым путем, что Ельцин и сделал.

Вероятнее всего проект указа о роспуске съезда готовился в августе — начале сентября. По некоторым данным, в его подготовке принимало участие около 40 юристов. К середине сентября Ельцин заручился поддержкой армии, объехав с визитами отборные дивизии, стоявшие в окрестностях Москвы и традиционно использовавшиеся при переворотах — Таманскую, Кантемировскую, а также Отдельную мотострелковую дивизию особого назначения (ОМСДОН), бывшую дивизию им. Дзержинского. А.С. Куликов, командовавший тогда внутренними войсками, а впоследствии ставший министром внутренних дел, вспоминал, что во время этого визита Ельцин достаточно тактично прощупывал настроения в войсках. «Несколько раз Ельцин задавал мне уточняющие вопро-

сы, среди которых был один, которому я не сразу придал должное значение: «А.С., а если потребуется применить войска в какой-то критической ситуации, вы способны — и дивизия, и другие соединения — выполнить приказ Верховного Главнокомандующего?» Я ответил: «Конечно! Ведь мы для этого и предназначены!» А при осмотре техники МВД, как вспоминал Куликов, «взгляд Бориса Ельцина прочно зацепился за водометы. Тут он даже приостановился и, обращаясь к Ерину, сказал: «Вот что надо применять... Ты понял?» Однако поддержка военных была во многом условной. Генералам не очень-то хотелось вмешиваться в политику.

В сентябре же, после того как текст указа был подготовлен и собственноручно заперт Ельциным в сейф, начались совещания с участием силовых министров и иных сановников.

Первое такое совещание началось в 12.00 в воскресенье, 12 сентября 1993 года, в Ново-Огареве. На совещании присутствовали Ельцин и его министры: Козырев (МИД), Грачев (МО), Ерин (МВД) и Голушко (МБ). Министры поддержали президента и поставили свои подписи под проектом указа. Затем там же и по этому же поводу состоялось совещание президента с комендантом Кремля Михаилом Барсуковым и Коржаковым. В 11.00 в понедельник, 13 сентября, Ельцин переговорил в Кремле с Виктором Черномырдиным и получил его согласие. 14 сентября в 15.00 на президентском Совете Ельцин предложил его членам подумать над вариантами возможных действий в случае сопротивления ВС РФ «конституционной реформе», подчеркнув, что в сентябре — октябре необходимо «остановить разрушительное влияние двоевластия на Россию». В тот же день на встрече с группой

московских писателей Ельцин обозначил 28 ноября в качестве даты новых выборов. В среду, 15 сентября, состоялось совещание Совета безопасности, возглавляемого Олегом Лобовым, на котором члены СБ обсуждали конкретные технические аспекты роспуска ВС. И наконец, 16 сентября к Ельцину были вызваны Грачев, Коржаков и Барсуков.

По итогам этих совещаний было решено, что президент выступит по телевидению в воскресенье, 19 сентября, в 20.00 и огласит свой указ. После этого милиция и ОМСДОН должны были занять пустой в нерабочий день Белый дом и таким образом лишить депутатов места работы и центра сопротивления, превратив их, по позднему выражению Ельцина, в «горстку крикунов». Как вспоминал Александр Коржаков, «надеялись без осложнений перекрыть входы в здание и не пустить депутатов на работу. Указ никому не показался ни антиконституционным, ни экстремистским. Верховный Совет сам сделал столько антиконституционных шагов, что противостояние с президентом достигло апогея <...> К тому же Конституция явно устарела и не соответствовала изменившимся отношениям в обществе».

Параллельно президент избавляется от людей, могущих в самый неподходящий момент нанести ему удар в спину. 1 сентября, воспользовавшись тем, что Руцкой стал фигурантом уголовного дела о взяточничестве (по тем самым подложным документам, привезенным Якубовским), Ельцин подписал указ о его временном отстранении от должности. А чтобы противникам президента не к чему было придаться, подобному же временному отстранению подвергся один из сторонников президен-

та — вице-премьер Шумейко, проходивший по другому уголовному делу.

Ход оказался очень удачным. Это решение ударило по основным планам оппозиции и вызвало ее невиданное возмущение. ВС даже обратился в Конституционный суд с вопросом о конституционности подобного указа. 18 сентября Ельцин делает следующий ход, который должен был помешать Хасбулатову продвинуть Руцкого в ферзи. Появляется Указ «Об осуществлении вице-президентом РФ отдельных полномочий президента РФ», прямо запрещающий вице-президенту принимать какие-либо решения без санкции Президента России. «...Установить, что постановление вице-президента РФ об осуществлении им отдельных полномочий Президента РФ оформляется указами и распоряжениями Президента РФ.

Решение о замещении Президента РФ на время его отсутствия оформляется указом Президента РФ...». Таким образом, даже в случае, если на президента нападет какой-нибудь фанатик, власть уже не перейдет автоматически к Руцкому. Вице-президент фактически теряет остатки своих полномочий. В тот же день, находясь с визитом в ОМСДОНе, Ельцин делает заявление о том, что в ближайшее время будут назначены новые выборы.

Шестнадцатого сентября Ельцин делает символический ход, показывающий, что он готов идти до конца. В правительство на должность первого вице-преьера возвращается Егор Гайдар, чье имя для большинства оппозиционеров было тогда (как, впрочем, и сейчас) что красная тряпка для быка.

Все эти перемещения, указы и совещания, слухи о которых гуляли по Москве, естественно, вызывали тревогу у руководства ВС, которое, в свою очередь, не скупилось

на резкие заявления. Параллельно продолжалась подготовка к съезду, который должен был открыться 17 ноября. По поводу того, что же предполагалось обсуждать на съезде, данные сторон расходятся. Так, Руслан Хасбулатов в своих мемуарах писал, что на съезде планировалось обсудить всего два вопроса — о проекте новой Конституции и о действиях кабинета министров по стабилизации экономики. Последний вопрос, как видно из мемуаров того же Хасбулатова и речи его заместителя Агафонова, произнесенной 18 сентября все на том же совещании депутатов всех уровней, должен был свестись к требованиям принять в качестве основной программы ту, что была разработана ВС и предусматривала главным образом налоговые льготы для отечественных товаропроизводителей и накачивание их деньгами, что с учетом российской действительности вело к грандиозной коррупции. Впрочем, сохранившиеся документы свидетельствуют, что ВС собирался рассматривать не только эти вопросы. Так, в августе — сентябре ударными темпами шла разработка закона о госмедкомиссии (ГМК), с помощью которой депутаты стремились побыстрее спровадить Ельцина в отставку.

Первое Положение о ГМК, разработанное в августе, настолько противоречило закону, что Правовое управление ВС вернуло его авторам с разгромным отзывом. И действительно, комиссия, которая должна была решать вопрос о «наличии у федерального должностного лица стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять связанные с его должностью полномочия», формировалась, согласно этому проекту, главным образом из депутатов с медицинским образованием (хотя в качестве оговорки и предусматривалось, что туда войдут также некие

«специалисты»). Руководству ВС также не понравилось предложение превратить ГМК в постоянно действующий орган, поскольку таким образом председатель этой комиссии получал громадную власть, имея возможность выпроводить любого чиновника на пенсию. Впрочем, остальные части закона, в которых говорилось о процедуре передачи власти, их устраивали. Во втором варианте, который к концу сентября был согласован и подготовлен к принятию, ГМК уже рассматривалась как собираемый в чрезвычайных случаях орган из 15 специалистов-медиков, со стажем работы не менее 10 лет и «безусловным моральным авторитетом». Назначаться эти специалисты должны были следующим образом: по 5 человек от президента, ВС и КС. Поскольку в одном из вариантов текста положения в качестве лица, к которому от обследуемого перейдет власть, назывался вице-президент, становилось ясно, что этот законодательный акт направлен исключительно против одного должностного лица — президента Ельцина. Интересно, что в аналитической записке, приложенной к этому варианту, предлагалось ввести не условленный вариант отстранения Ельцина от власти по медицинским показателям, когда решение об этом должен был принимать не КС, а простой: после сообщения ГМК съезду о нездоровье президента власть автоматически переходила бы к вице-президенту. Там же, правда, прогнозировалось, что власть так просто Ельцин не отдаст и даже если он будет вынужден уйти в отставку, то передаст власть не Руцкому, а Шахраю, Шумейко или Черномырдину. Кроме того, по некоторым данным, глава комитета по законодательству В. Исаков готовил поправку к Конституции, в соответствии с которой съезд

наделялся правом решать любой вопрос, входящий в компетенцию РФ.

Восемнадцатого сентября достигает апогея словесная дуэль между Хасбулатовым и пресс-секретарем Ельцина В. Костиковым. Спикер, выступая на собрании депутатов Советов всех уровней, говоря о состоянии президента, делает характерный жест, с помощью которого в России принято изображать подвыпивших людей. Отметив, что сказанные Ельциным в августе слова об артподготовке и наступлении были восприняты тогда несерьезно, Хасбулатов, видимо, использовавший данные «утечек», подчеркнул, что, по его сведениям, Ельцин действительно ведет наступление на Советы, и объявил, что «главного следует ожидать, возможно, в ближайшие дни».

Одновременно он подчеркивает: «Я бы предупредил: Отечество, народ сурово осудит тех, кто поднимет руку на органы народовластия, попытается разрушить конституционный строй, ввести в любой форме ЧП. И реакция наша должна быть решительной и жесткой. Я хотел бы сказать, что реакция наша должна быть решительной, жесткой, а не такой вялой, какой однажды уже была. Статья 121-6 не требует даже ни созыва съезда, ни постановления Конституционного суда, она говорит о том, что <...> полномочия президента прекращаются немедленно».

Многие считали, что таким образом Хасбулатов намеренно провоцировал Ельцина на силовые действия, дабы появился удобный повод для его отстранения. Александр Руцкой, используя, как сейчас сказали бы, инсайдерскую информацию, выступил на этом же совещании с заявлением о том, что «силы, не заинтересованные в процветании России, готовятся нанести мощный удар по демократии и народовластию» и «все подготовлено, по суще-

ству, к введению диктатуры». Вообще, все выступление Рудкого было открыто конфронтационным. Так, он объявил о том, что не признает указ от 1 сентября и по-прежнему считает себя вице-президентом. Еще одним его конфронтационным пассажем стало требование, обращенное, среди прочего, к армии: «поставить заслон антиконституционным действиям президента».

Все это транслируется по телевидению. В ответ Костиков делает жесткое заявление с выпадами в адрес Хасбулатова по поводу его нерусской национальности и соответственно неспособности «понять интересы России». Это заявление Костикова, вероятно, должно было стать началом краткой кампании, венцом которой было бы оглашение указа. Однако из-за того, что силовые структуры заявили о своей неготовности, и вследствие отсутствия координации между ними оглашение указа, для которого по указанию Ельцина был зарезервирован номер 1400, было перенесено на 21 сентября.

Первые утечки информации о готовящихся действиях Ельцина начались уже 14 — 15 сентября, и чем дальше, тем больше их становилось. Вопрос о том, откуда к руководству ВС поступала информация, остается неясным. Сам Хасбулатов объявил позже, что 20 сентября его предупредил о коллегии Минобороны, на которой обсуждались будущие действия после возможного указа, замминистра обороны генерал Кобец. Однако, по всей вероятности, Хасбулатов намеренно или ненамеренно путает события. Ельцин, как уже было сказано, заручился поддержкой армии еще в начале сентября, и вряд ли у него была необходимость еще раз звонить Грачеву. Речь может идти именно о заседании, прошедшем 15 — 16 сентября перед первой попыткой ввести Указ № 1400 в действие.

Впрочем, Кобец явно был не единственным, кто передавал информацию Хасбулатову и Рудскому (они сами признавали наличие у них ряда информаторов, не называя их имен), но, вероятно, самым высокопоставленным. Одним из результатов подобных «дыр» в режиме секретности стало то, что за два часа до выступления президента по телевидению БД был набит журналистами, ждавшими сенсации.

Впрочем, надо отметить, что даже если бы утечки информации не было, депутаты не сильно удивились бы выступлению Ельцина после многонедельных истеричных предупреждений. Что подпитывало подобные предупреждения, видно из чудом сохранившейся анонимной аналитической записки «О политической ситуации в августе — сентябре 1993 года», написанной примерно в августе 1993 года. Судя по стилю, она принадлежала одному из авторов тогдашнего рупора радикальной оппозиции — газеты «День». Основным постулатом документа было то, что страной правит уже не сам Ельцин, а его окружение. Президента же, по словам авторов (или автора) записки, эти «заговорщики» стремятся довести до смерти путем неправильно организованного лечения. Надо отметить, что фантазия у этих авторов за 40 лет, прошедших к тому моменту со времен «дела врачей», не смогла придумать ничего нового. «Возникает вопрос о том, — говорилось в документе, — кто конкретно распоряжается жизнью президента и насколько адекватным является медико-биологическое воздействие. Президент находится под полным силовым и информационным контролем и не свободен в своих действиях». Также делался вывод о высокой вероятности силовых действий со стороны «узкого, постоянно сужающегося круга лиц» и «запуске механизма загово-

ра». В этот узкий круг зачислялись Барсуков и фигуранты скандального «дела Руцкого»: адвокат Макаров, журналист Андрей Караулов и «генерал Дима» Якубовский. Причем поддерживали этих зловредных заговорщиков, естественно, как и должно было быть по конспирологическим мифологемам, впервые ставшим модными именно в то время, из-за рубежа некие американские фонды и лично госсекретарь США Уоррен Кристофер. Понятно, что подобная информация могла лишь напугать и довести до истерии.

Обстановка 21 сентября казалась напряженной до предела. Представители парламентской коалиции реформ на пресс-конференции потребовали «скорейшей отставки Руслана Хасбулатова» и заявили о намерении поставить этот вопрос на ближайшем заседании ВС РФ.

На экстренном заседании Президиума ВС РФ, начавшемся в 17.30, Руслан Хасбулатов заявил, что в стране сложилась критическая ситуация и руководству ВС РФ пришлось буквально переехать в Белый дом. Он объявил о том, что в «Москве сейчас проводятся военные учения, на которых отрабатывается штурм здания ВС», причем макетом для этого, по словам спикера, была гостиница «Москва». «Возможны любые события», — сказал Хасбулатов и призвал всех парламентариев быть в ближайшее время начеку, связаться со своими избирателями и в случае необходимости «встать на пути антиконституционного переворота». Говоря о ситуации в ночь на 20 сентября, он заявил, что «имели место передвижения воинских частей, подозрительные сборы, как в сталинские времена, руководства МВД», и фактически обвинил Ельцина в подготовке переворота.

В ответ на это председатель Комитета ВС по безопас-

ности и обороне Сергей Степашин, как это видно из сохранившейся в архиве стенограммы заседания, заявил, что ничего подобного президент не готовит, а напряженность нагнетает сам Хасбулатов, оскорбивший, по словам Степашина, в своем выступлении 18 сентября не только президента, но и Внутренние войска (ВВ).

Впрочем, выступление Ельцина действительно могло быть отложено. Президента посетили сначала Черномырдин, а потом группа руководителей парламентских комитетов, придерживающихся демократической направленности (в том числе Николай Рябов, Сергей Степашин, Сергей Ковалев и Александр Починок). И премьер и депутаты уговаривали Ельцина отложить выступление. Однако дальше откладывать выступление, видимо, было невозможно, в том числе и из-за того, что депутаты могли мобилизоваться и нанести удар первыми.

За два часа до выступления Ельцина своих замов собрал Виктор Ерин. Он сообщил им о предстоящем выступлении президента. Перед МВД ставилась задача: не допустить массовых беспорядков в Москве и ограничить проход депутатов в здание ВС. Основная ответственность возлагалась на московскую милицию. Внутренние войска должны были оказать ей содействие по обеспечению безопасности и охране общественного порядка. Вероятнее всего, подобные совещания прошли в МО и МБ. Однако вряд ли кто-то еще рискнул повторить предложение Ерина своим подчиненным: высказать свою позицию по отношению к Указу № 1400, с гарантией того, что максимальным наказанием за неприятие действий Ельцина будет увольнение. Теперь остановить подготовку к обнародованию указа было невозможно.

И вот ровно в 20.00 Борис Ельцин выступил по Первому каналу ТВ с обращением к гражданам России. В оценках противоборства федеральных институтов власти президент был категоричен и однозначен. По его мнению, ответственность за кризис народовластия, государственности, за провал экономических реформ, за невиданные масштабы беззакония, за невозможность навести в стране элементарный порядок и за все остальные беды лежит на съезде народных депутатов (СНД) и Верховном Совете РФ. Именно эти представительные органы не дают президенту и правительству работать эффективно. Действующая Конституция, заявил Ельцин, не позволяет коренного обновления государственной власти в Российской Федерации, и потому президент вынужден идти единственно возможным путем защиты демократии и свободы — то есть единолично, своей властью внести изменения в Основной закон России. В том же выступлении Ельцин объявил о подписании Указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Основные положения этого документа были следующими:

Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций СНД Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации — Федерального собрания Российской Федерации — и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами президента и постановлениями правительства Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Фе-

дерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему указу. Гарантируются установленные Конституцией и законами права и свободы граждан Российской Федерации. Назначаются выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации на 11 — 12 декабря 1993 года. Права граждан, бывших народными депутатами Российской Федерации, в том числе трудовые, гарантируются. Конституционному суду Российской Федерации предлагается не созывать заседания до начала работы Федерального собрания Российской Федерации. Совет Министров — правительство Российской Федерации — осуществляет все предусмотренные Конституцией Российской Федерации полномочия с учетом изменений и дополнений, введенных настоящим указом, а также законодательством.

Практически сразу же после выступления Ельцина Черномырдин провел заседание кабинета, на котором было принято, по сути дела, единогласное решение о поддержке Ельцина. При этом ключевые министры объявили, что никаких насильственных действий против ВС никто проводить не собирается. Вероятнее всего, в кабинете, как и в окружении Ельцина, надеялись, что для разгона депутатов хватит московской милиции и солдат ВВ, которые к тому моменту должны были находиться у мэрии (бывшее здание СЭВ).

Но и руководство ВС не дремало, готовясь встретить возможный указ во всеоружии. По некоторым данным, 20 сентября было принято секретное решение «О дополнительных мерах по укреплению безопасности Верховного Совета». По некоторым сведениям, в тот же день, 20 сентября, Руслан Хасбулатов лично обратился к Александру Баркашову за помощью в защите Дома Советов (ДС). За

несколько часов до выступления Ельцина в ДС прошло заседание руководства ВС с участием Генерального прокурора Валентина Степанкова и генерала Валерия Ачалова, где обсуждались меры, которые могут быть предприняты в ответ на возможные действия Ельцина. Кроме того, в БД были доставлены постельное белье и диваны, на которых депутаты могли бы спать во время возможной блокады.

За пять минут до выступления Ельцина Хасбулатову принесли запечатанный конверт, на котором значилось: «Президент Российской Федерации», и вскрыв который, он, по его словам, и узнал «пренеприятнейшее известие».

Сразу же после завершения трансляции телевизионного обращения президента по внутренней радиосети БД России прозвучало приглашение народным депутатам незамедлительно собраться в зале заседаний Совета национальностей. Были отправлены автобусы к месту проживания иногородних депутатов. Уже в 21.00 началось заседание Президиума Верховного Совета, на котором Хасбулатов определил действия Ельцина как «государственный переворот». «Борис Ельцин нарушил Конституцию, изменил клятве на верность народу, и он должен быть немедленно отрешен от должности», — заявил Хасбулатов, ссылаясь на ст. 121-6 Конституции, принятую, кстати, в марте 1993 года. Первое же, что предложил сделать спикер, — отстранить Ельцина от власти и известить об этом регионы. Однако последнее стало весьма затруднительным, так как уже к моменту, когда Хасбулатов произносил свои слова, была отключена правительственная связь. Хасбулатов заявил также, что Верховный Совет обращается ко всем Советам с требованием «немедленного созыва сессий, чтобы дать соответствующую оценку

перевороту, а также выступить с требованием водворения конституционного порядка в стране и поддержать на всех территориях законную власть».

Впрочем, спикер не забывал и об обороне здания, заявив, что ее надо организовать всеми имеющимися средствами. Тут же был создан штаб «Сопrotивления Верховного Совета» во главе с Ю. Ворониным. В него вошли члены президиума, депутаты, руководители партий и общественных движений, ответственные сотрудники ВС, председатели ряда областных Советов, находящиеся в здании ВС, в том числе Аман Тулеев.

Охране нижних этажей ДС были розданы автоматы. Кроме того, здание прикрыла съезжавшая со всех концов Москвы «патриотическая массовка» — в основном сторонники ФНС и анпиловцы, численность которых вскоре достигла 2500 — 3000 человек. Первые митингующие появились у ДС практически сразу же после оглашения Указа № 1400 — речь шла о сборе в соответствии с заранее разработанными планами по так называемой цепочке. На площади Свободной России появились первые баррикады. За ними высились кучи камней, осколков кирпича и асфальта. Что интересно, сами депутаты, породававшие появлению защитников, в ту ночь в общем-то и не вспоминали о них. Лишь Михаил Челноков уже ближе к утру предложил позаботиться об организации хоть каких-то бытовых удобств для пришедших.

Милиция же, чей план действий был расписан с учетом того, что указ будет оглашен в воскресенье, опоздала с прибытием. Выяснилось, что силовики оказались не готовы к активным действиям в нестандартной ситуации. Впрочем, эта неготовность начала проявляться еще за несколько дней до оглашения указа. Так, по воспоминани-

ям Коржакова, Грачев, утверждавший, что в его ведомстве все готово, на самом деле пытался добиться отмены операции по причине полной разукомплектованности частей. Однако, когда Михаил Барсуков вечером 16 сентября предложил хотя бы провести штабную игру, Грачев назвал его в присутствии президента паникером.

Как бы то ни было, бескровного разгона не получилось и расписанный сценарий дал осечку. Тогда Ельцин, видимо, решил действовать по принципу «утро вечера мудренее» и дал отбой, надеясь на то, что к утру депутаты одумаются и предпочтут разойтись, за что некоторые политики и журналисты позже сильно его упрекали, говоря, что тогда можно было малой кровью ликвидировать опасность гражданской войны. Впрочем, если бы президент так поступил, те же самые журналисты и политики немедля обвинили бы его в силовом подавлении демократии и диктаторских замашках. Единственным мероприятием, проведенным силовыми структурами этой ночью, стало блокирование гаража ВС РФ на Звенигородском шоссе. Машины впускались в гараж, но оттуда не выпускались.

А депутаты в бешеном ритме «гнали лошадей». Выступивший по предложению Хасбулатова заместитель начальника юридического отдела ВС Володин перечислил нарушенные Ельциным статьи Конституции РФ (той самой, «зыбучей»): 104 (внесение изменений и дополнений в Конституцию находится исключительно в компетенции съезда народных депутатов России); 109 (назначение выборов относится к компетенции ВС); 103 (отзыв или досрочное прекращение полномочий народных депутатов может быть произведено только избирателями).

Таким образом, «с момента обнародования своего последнего указа, Борис Ельцин автоматически лишается президентских полномочий, а указ признается не имеющим силы», — резюмировал докладчик.

Комментируя доклад Володина, Хасбулатов назвал Ельцина уже «бывшим президентом» и сказал, что «президиум должен легитимизировать переход всей полноты власти в руки вице-президента Александра Руцкого». Спикер сообщил также, что располагает данными об указаниях о недопущении народных депутатов ни в Москву, ни в БД, вплоть до применения вооруженной силы.

Естественно, Руцкой, немедля примчавшийся в БД, тут же объявил на заседании Президиума ВС о принятии полномочий исполняющего обязанности президента. Он констатировал свершение в стране государственного переворота и охарактеризовал последний указ президента как незаконный.

«Я, в соответствии с Конституцией, принимаю исполнение полномочий президента России и отменяю его незаконный указ», — заявил Руцкой. Он также объявил, что приказывает всем органам власти исполнять только его указы, и предупредил, что те, кто будет нарушать распоряжения и.о. президента и председателя ВС, понесут соответствующую уголовную ответственность.

Появились и первые поддержавшие — несколько московских райсоветов приняли решение о прекращении на территории подведомственных им районов действий указов Ельцина.

Некоторую уверенность придало депутатам то, что Моссовет во главе с Юрием Седых-Бондаренко тотчас выступил в их поддержку. То же самое сделали несколько московских райсоветов. Хотя эти призывы звучали до-

вольно комично¹, ВС немного приободрился, решив, что получил поддержку народа. Но большинство этих райсоветов, да и Моссовет, так и не стали альтернативными центрами власти в Москве по причине того, что туда была введена московская милиция.

Конституционный суд РФ в лице его председателя В. Зорькина не смог удержаться от искушения поиграть в большую политику, и практически сразу же после окончания телетрансляции началось ночное заседание КС, где по устному запросу депутатов обсуждали конституционность указа Ельцина. В 00.45 22 сентября экстренное совещание КС, на котором суд 9 голосами против 4 при-

¹ Вот как, к примеру, выглядело обращение Совета Пролетарского района Москвы:

«Граждане! Жители Пролетарского района! Президент Российской Федерации Ельцин Б.Н., стремясь избежать ответственности за развал великого и могучего государства, обман и ограбление народов России, 21 сентября 1993 г. совершил государственный антиконституционный переворот и установил режим личной власти. Каждый, познав на горьком опыте, к чему привел нашу многострадальную страну Ельцин Б.Н., может с уверенностью сказать, что России угрожает окончательное уничтожение всего того, что создано трудом многих поколений наших предков. Стране грозит утрата независимости и превращение в сырьевой придаток западных стран, а ее народам — голод и полное обнищание.

В соответствии с нашими законами президент, нарушивший Конституцию и преступивший Закон, немедленно лишается своих полномочий. Поэтому Малый Совет Пролетарского районного Совета народных депутатов, состоящий из выбранных вами депутатов, в этот критический момент призывает вас не исполнять указов и распоряжений Президента Ельцина Б.Н. и поддерживающих его должностных лиц.

Встаньте на защиту Конституции Российской Федерации и ее конституционного строя!

Поддержите избранные вами законные представительные органы государственной власти — Советы народных депутатов!

Малый Совет Пролетарского районного Совета народных депутатов.

21 сентября 1993 г.».

знал указ и действия президента Ельцина неконституционными и достаточными для отстранения его от должности, закончилось, и Зорькин с текстом заключения поехал в БД. Резюме этого заключения состояло в следующем: «Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и его «Обращение к гражданам России» 21 сентября 1993 года <...> служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121-6 или 121-10 Конституции Российской Федерации».

Работа сессии Верховного Совета началась ровно в 00.00 22 сентября. Всего за полчаса депутаты приняли два кардинальных решения — в 00.17 136 (или, по другой версии, 144) голосами «за» прекратили президентские полномочия Ельцина «в связи с грубейшими нарушениями Конституции, выразившимися в издании им Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», а через шесть минут Александр Руцкой наконец-то получил столь давно желанный им президентский пост. За это проголосовали 137 депутатов. Притом депутат Алироев не замедлил потребовать от своих коллег, голосовавших «против», сложить с себя депутатские полномочия, «если у вас есть совесть».

Поступив таким образом, депутаты наплевали на ими же принятое законодательство, посвященное отстранению президента от должности. По закону, для отстранения предварительно требовалось решение Конституционного Суда о неконституционности действий Ельцина, а оно было принято лишь в 00.45, а оглашено вообще в

районе трех часов ночи. Исключительно как курьез можно расценить то, что обращение депутатов в КС с требованием о проверке конституционности Указа № 1400 было датировано 22 сентября, а само решение суда — *двадцать первым* сентября. Руцкой, поклявшись на Конституции, тут же выпустил Указ № 1, отменявший Указ № 1400 и сообщавший *urbi et orbi* о принятии Руцким на себя всех президентских полномочий, включая и полномочия Главнокомандующего. Кроме того, Указом № 2 «О мерах по пресечению антиконституционных действий в РФ» все граждане страны, а особенно носящие форму, призывались «действовать на основе законов и постановлений ВС и съезда народных депутатов, указов и распоряжений и.о. президента РФ».

В 2 часа ночи депутаты возобновили свою работу, и здесь Руцкой совершил ошибку, которая, возможно, стоила ему успеха. По его представлению, «ввиду выраженного неподчинения» были отстранены от должностей не только ненавидимый депутатами глава МВД Виктор Ерин (на смену которому был назначен Андрей Дунаев), но и министр безопасности Николай Голушко и министр обороны Павел Грачев. Вместо них депутаты немедленно утвердили министром обороны Владислава Ачалова и министром безопасности Виктора Баранникова. Таким образом, оба министра, которые до того были настроены сохранять нейтралитет, автоматически стали противниками Руцкого. Естественно, что пускать на свое место каких-то самозванцев они не собирались. Еще меньше им понравилось принятое ВС и подписанное Руцким обращение «ко всем военнослужащим, офицерам, мичманам, сержантам и рядовым российской армии и флота, а также к частям МБ и МВД России», в котором предписы-

валось армии, частям МВД и МБР поддерживать законность и порядок, а также строго соблюдать Конституцию РФ, и обращение ВС, освобождавшее всех военнослужащих, которые противодействовали бы выполнению Указа № 1400, от уголовной ответственности.

Один из лидеров оппозиции Николай Павлов позже говорил, что предлагал Руцкому от имени ряда депутатских фракций «ни в коем случае не трогать Грачева и Председателя МБ Голушко», но, когда Руцкой оглашал эти указы, предпочел смолчать. Еще дальше, чем Руцкой, пошел Сергей Бабурин, предложивший немедленно назначить во все министерства Уполномоченных ВС, которые занялись бы там организацией противодействия «антиконституционному перевороту».

Председатель ВС РФ Руслан Хасбулатов издал распоряжение, которым обязал Центральный банк России «прекратить финансирование органов исполнительной власти без решения ВС РФ».

Впрочем, депутаты уже тогда почувствовали, что их возможности ограничены — была отключена вся связь, в том числе и специальная. По специальному распоряжению для депутатов ВС были аннулированы все льготы на проезд.

А в это время у стен ДС шел митинг, на котором по разным оценкам присутствовало от трех до пяти тысяч человек. На ночном митинге выступили, в частности, Г. Зюганов, занимавший тогда пост председателя исполкома КП РФ, и один из лидеров ФНС И. Константинов, который обратился к собравшимся с призывом «оставаться у стен Белого дома до полной победы». Активную роль среди обороняющих БД играл и «Союз офицеров» (СО). Уже в ночь на 22 сентября СО вместе с невесть от-

куда взявшимся Комитетом защиты Конституции и конституционного строя потребовал проведения всеобщей политической забастовки «до полного отрешения бывшего президента Б. Ельцина и других соучастников государственного переворота от власти». А днем 22 сентября они уже объявили о том, что берут здание ВС под свою охрану.

Наступало утро 22 сентября. Все возможности прервать противостояние на ранней стадии к этому моменту были упущены в значительной мере по вине самих депутатов. Начиналась десятидневная война нервов.

Битвы за лестницы и мозги. Война в толпе

Почти 10 дней, прошедшие с момента возникновения двоевластия в стране, обе стороны провели в достаточно вялых столкновениях: президент не хотел выглядеть кровавым тираном, а оппозиция копила силы. Можно отметить три вида столкновений: «уличную войну», «войну за законов» и «пропагандистскую войну».

«Война законов» была, пожалуй, самой первой из этих трех кампаний. Правда, как мы помним, депутаты начали ее с большой ошибки, отстранив и тем самым превратив во врагов силовых министров. Следующую ошибку депутаты совершили 22 сентября, когда дополнили УК двумя достаточно «людоедскими» статьями, написанными в духе «кто не с нами, тот против нас». Они звучали так:

«Ст. 64-прим.: Действия, влекущие насильственное изменение конституционного строя.

Действия, влекущие насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, а равно угрожающие территориальной целостности Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от 6 до 12 лет с конфискацией имущества или без таковой. Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества или без таковой».

«Ст. 70 часть 2. Воспрепятствование деятельности законных органов государственной власти.

Воспрепятствование деятельности предусмотренных законом органов государственной власти Российской Федерации наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой». Сами сторонники ВС оценивали дополнения в УК так: «Своевременное дополнение этих статей УК сыграло большую положительную роль в предотвращении эскалации насилия со стороны многих колеблющихся чинов силовых министерств, заставило большинство из них занять нейтральную позицию и в конечном счете уберегло их от соучастия в преступной авантюре». Однако на самом деле, учитывая чрезвычайно широкие возможности толкования этих статей, получалось, что по ним можно привлечь к ответственности любого, кто не встал бы на сторону Верховного Совета. Эти дополнения были усилены особым указом Руцкого, вводившего расстрел за противоправные действия руководства страны. Президентская сторона, естественно, использовала этот промах, напомнив россиянам о том, что они уже пережили один массовый террор, а депутаты готовят второй. В свою очередь, максимальное наказание, предлагавшееся Ельциным, было довольно мягким — увольнение. В результате возможная поддержка ВС упала почти до нуля.

Вечером 23 сентября начал работать X Чрезвычайный съезд народных депутатов, на который приехало 630 депутатов, что, хотя и со скрипом, позволяло набрать необходимый кворум ($\frac{2}{3}$ голосов). Впрочем, надо отметить,

что в тот же день, 23 сентября, в отставку ушли председатель Комитета по обороне и безопасности С. Степашин и заместитель Хасбулатова Николай Рябов.

Проблема кворума затем станет для депутатов постоянной головной болью. Решат они ее весьма просто: из числа депутатов были срочно исключены все, перешедшие в структуры исполнительной власти. Отметим, кстати, что в необходимые юридические рамки эту процедуру ввел Александр Вешняков, нынешний председатель ЦИК. Вечером 23 сентября это решение было утверждено специальной поправкой к закону «О статусе народного депутата». Кроме того, в качестве основания для сложения полномочий там были прописаны «поддержка народными депутатами РФ государственного переворота или иных действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя РФ, служит основанием для прекращения полномочий народных депутатов страны», отсутствие депутата без уважительных причин на заседании российского съезда, парламента или палаты Верховного Совета, а также неизвещение спикера парламента или председателя палаты о невозможности участвовать в заседании съезда, Верховного Совета или палаты». Число депутатов, необходимое для кворума, исчислялось уже не как $\frac{2}{3}$ от формального числа депутатов, а как $\frac{2}{3}$ от «верных».

Несмотря на попытки ряда депутатов внести в повестку дня вопрос о денонсации договора об образовании СНГ, в повестку был включен единственный вопрос — «О происшедшем 21 сентября государственном перевороте». Хасбулатов выступил с докладом «О политическом положении в Российской Федерации в связи с совершенным государственным переворотом». В нем было заявлено

но, что в руках Ельцина «концентрируется власть, практически никем не контролируемая и никому не подвластная, не сравнимая даже с диктаторской». Позицию правительства Руслан Хасбулатов расценил как «прислужничество», которого «в принципе можно было ожидать от этого весьма малокомпетентного кабинета». Он подверг также критике экономическую политику правительства, подчеркнув, что «экономика функционирует вопреки ей». А говоря о культуре, Хасбулатов не удержался от следующих слов: «Совесь каждого россиянина не может не восставать против политики духовного, нравственного растреления народа, которая проводилась режимом Ельцина. Против наших духовных ценностей фактически применяется тактика выжженной земли». Говоря о целях «переворота», Хасбулатов объявил, что Ельцин-де стремится таким образом уйти от ответственности за крах своей политики, спасти свою социальную опору, состоящую из сверхбогачей, и бросить население в «дикий» рынок. При этом «почему-то» было забыто, что Ельцин сохранял за депутатами их гражданские и политические права, а через несколько месяцев должны были пройти выборы, на которых, кстати, Хасбулатов вполне мог бы привести к победе солидный оппозиционный блок. Спикер также призвал Генерального прокурора расследовать обстоятельства «подготовки антиконституционного переворота, в который были вовлечены даже некоторые председатели комитетов ВС».

В ответ правительство переподчинило себе Пенсионный фонд (где Алексея Куртина сменил Василий Барчук) и обязало ЦБ финансировать Верховный Совет только с разрешения кабинета. У ВС в принципе не остается имущества после выхода 23 сентября указа о передаче иму-

щества ВС в ведение Главного социально-производственного управления администрации президента Российской Федерации. В связи с прекращением финансирования администрация гостиницы «Мир» поставила депутатов РФ в известность о том, что они должны к утру 25 сентября покинуть свои номера.

Руцкой в своем выступлении на съезде 23 сентября поспешил обвинить Ельцина в том, что он пользуется поддержкой неких сил из-за рубежа, сделал реверанс в адрес особого русского пути развития и призвал «отбить охоту у Ельцина и его сторонников пренебрегать Конституцией и законом». Впрочем, тот же Руцкой потребовал досрочных одновременных выборов 23 февраля 1994 года (потом эта дата была передвинута на 11 — 12 декабря 1993 года), заявив, что так хочет «вся российская глубинка». При этом он сделал ритуальное заявление об отказе участвовать в них. Депутаты лукаво объявляли, что они в принципе не против, но... только после «ликвидации последствий государственного переворота». Это повторялось и в устных выступлениях, и в принятых съездом постановлениях и отодвигало перспективу выборов на неопределенный срок.

Впрочем, некоторые депутаты понимали бесполезность этой говорильни. Так, один из лидеров фракции «Россия» Николай Павлов предложил прервать дискуссию, назвав ее «бесполезной», если под охрану не будут взяты «Останкино», Центробанк (ЦБ) и ВС.

В свою очередь Хасбулатов предложил 24 сентября закончить работу съезда после принятия нужных решений и разослать депутатов по различным регионам, предприятиям и пр. Предложение Хасбулатова отверг председатель Совета Республики ВС РФ Вениамин Соколов, за-

явивший, что съезд не имеет права разойтись сегодня, так как в следующий раз он вряд ли соберется. Но вскоре с предложением, по сути, аналогичным хасбулатовскому, выступил Аман Тулеев, предложивший съезду перебраться к нему в Кузбасс либо направить депутатов в армейские части и на заводы — агитировать население. «Если мы примем решение о выборах, то не надо более задерживаться», — убеждал он. Впрочем, депутаты, боявшиеся, что, в отличие от популярнейшего Тулеева, они в своих регионах не пройдут, поспешили обрушиться на его предложения. Их рупором стал ультракоммунист Юрий Слободкин, который обвинил Тулеева в том, что тот толкает депутатов «дезаурировать решения съезда». А генерал Борис Тарасов объявил позже, что депутаты должны стоять до конца — «пусть лучше нас вынесут связанными».

Двадцать шестое сентября стало последним днем полноценной работы съезда. В дальнейшем он стал работать «в режиме ВС», собираясь на час-два утром и вечером. Однако разъезжаться по домам депутаты не желали «до полной ликвидации путча и восстановления конституционного строя». Они практически безвылазно сидели в здании. И хотя Хасбулатов и грозил переносом съезда «в один из городов РФ», реальных мер к этому не предпринималось. Похоже, руководство ВС уверилось в том, что по выходе из Белого дома их немедля арестуют или расстреляют.

Все эти дебаты и заседания, естественно, сопровождались новыми законодательными актами, без промедления подписывавшимися Рущким или Хасбулатовым.

Еще раз отрешив Ельцина от должности в 02.45 24 сентября, съезд народных депутатов принял постановление «О политическом положении в РФ в связи с государ-

ственным переворотом», в котором признавал действия Ельцина «государственным переворотом» и постановлял, что все законодательные акты, подписанные им после Указа № 1400, ничтожны и не имеют юридической силы. «Действия граждан по защите конституционных органов власти, преодолению последствий государственного переворота расцениваются как исполнение общественного и государственного долга». Последняя фраза трактовалась буквально, и Сергей Бабурин вскоре «пробил» решение об оплате трудящимся дней, проведенных за тяжким трудом «защиты народовластия». В случае победы «белодомовцев» в отделы кадров хлынул бы поток людей со справками о защите Конституции с девяти до шести такого-то числа. Властям и силовикам предписывалось «принять все предусмотренные законом меры к лицам, принявшим участие в подготовке и осуществлении государственного переворота».

В вопросе о досрочных выборах к «преодолению последствий госпереворота» были добавлены «нормальная конституционная деятельность органов представительной, исполнительной и судебной властей» и «обеспечение плюрализма мнений в средствах массовой информации», что еще более уменьшало их вероятность, поскольку не конкретизировалось, какая степень плюрализма будет признана достаточной. Заканчивалось постановление фразой, свидетельствовавшей то ли о наивности, то ли о цинизме депутатов, сознательно пресекавших все возможности примирения: «Предложить бывшему Президенту РФ Б. Ельцину не усугублять свою вину перед народом и законом и добровольно прекратить свои антиконституционные действия». Не менее интересны, чем само постановление, некоторые не вошедшие туда до-

полнения, отражающие настрой депутатов. Один из них предложил дополнить текст п. 5 о создании специальной комиссии ВС по расследованию фактов антиконституционных действий лиц, осуществлявших или активно поддерживавших государственный переворот. Депутат Д. Бубякин дополнил постановление пунктом об упразднении должности представителей президента. А депутат Парамонов, видимо для большего эффекта, предложил указать обязательное место сдачи для лиц, пожелавших капитулировать перед ВС — на площади перед ДС, а также рекомендовал дать право сессиям облсоветов снимать губернаторов с должности. Депутатам, вероятно, очень уж хотелось ощутить себя всесильными победителями.

Двадцать четвертого сентября съезд принимает свое первое постановление об амнистии «должностных лиц и граждан», «прекративших свое участие в государственном перевороте и отказавшихся от выполнения антиконституционных указов, приказов и распоряжений до 00.00 часов московского времени 25 сентября 1993 года <...> если их деятельность в период государственного переворота не привела к человеческим жертвам».

А выяснить, кто и в чем принимал участие, должен был спешно назначенный спецпрокурором В.И. Илюхин, прославившийся тем, что в 1991 году возбудил уголовное дело против М. Горбачева по обвинению в измене Родине, за что был с треском уволен из прокуратуры. Илюхин немедленно издал соответствующий документ:

«Постановление

о возбуждении уголовного дела

г. Москва

24 сентября 1993 г.

Специальный прокурор, Государственный советник

юстиции 2-го класса В.И. Илюхин, рассмотрев материалы проверки по факту событий, имевших место 21 сентября и после, установил:

21 сентября 1993 года Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ № 1400, которым была прекращена деятельность съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Во исполнение данного Указа ряд руководителей министерств и ведомств, других должностных лиц предприняли конкретные действия. Конституционным судом РФ Указ Президента признан антиконституционным, а действия по его исполнению квалифицируются как заговор, государственный переворот. Учитывая то, что в материалах проверки имеются данные о наличии совершенного преступления, руководствуясь статьей 108 — 112 УПК РСФСР, постановил:

1. Возбудить уголовное дело по факту антиконституционных попыток прекращения деятельности съезда народных депутатов, Верховного Совета РФ, законно избранных судебных органов по статье 64 УК РСФСР.

2. Расследование дела поручить специальной следственной группе.

3. Надзор над следствием следственной группы оставляю за собой.

Специальный прокурор,

Государственный советник 2-го класса

В.И. Илюхин».

Впрочем, рвение Илюхина так ни к чему и не привело. Генеральный прокурор Степанков не допустил его к работе. Поэтому и спецпрокурору ничего не оставалось делать, кроме как пытаться вести работу в парламентском здании, не имея ни следователей, ни связи... Да и на амнистию как-то никто не «клевал».

Был утвержден Закон РФ «О свободе вероисповеданий», на который Б. Ельцин наложил «вето» за имевшуюся в нем попытку искусственно выделить православие и запретить работу в российских религиозных организациях иностранным гражданам. 27 сентября был утвержден закон «О федеральных уполномоченных съезда народных депутатов», задача которых «донести до населения страны решения X съезда и восстановить конституционность».

По предложению члена Президиума ВС РФ, председателя Комитета по конституционному законодательству Владимира Исакова, съезд 28 сентября внес ряд изменений в закон России о местном самоуправлении. В частности, районные Советы городов федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга) получили права городских Советов. 29 сентября депутатами был принят проект, который долгое время проталкивался тем же В. Исаковым: решение об образовании государственной медицинской комиссии, которая будет решать вопросы о медицинском освидетельствовании того или иного государственного лица на предмет способности выполнять служебные обязанности.

В свою очередь, руководитель Администрации Президента Сергей Филатов разослал в регионы телеграммы, в которых предупреждал о персональной ответственности регионального руководства за выполнение указов Руцкого. Сам Ельцин уже 22 сентября подписал указ, в котором объявил о «присвоении Александром Руцким полномочий президента» и постановил считать незаконными и не подлежащими исполнению акты, издаваемые Руцким как президентом. Затем на многие указы и распоряжения Руцкого появлялись отменявшие их указы и распоряжения Ельцина. Впрочем, подавляющее большинство долж-

ностных лиц абсолютно не реагировало на любые бумаги, приходившие из БД.

«Белодомовцы» также пытались перехватить реальные рычаги управления, назначая «дублеров» к действующим представителям власти. Депутаты также предпринимали попытки превратить в свои штабы райсоветы и Моссовет. Но удалось это им лишь в нескольких Советах, наиболее близких к ДС, — Киевском, Краснопресненском и самом Моссовете. Однако весьма скоро большинство Советов оказались отключены от всякой связи и, по существу, стали почти бесполезны для «белодомовцев». В результате их роль ограничивалась передачей информации нарочными. Три раза в день представители райсоветов попадали в ВС и получали оттуда информацию и документы, которые принимал съезд. Руцкой также назначил «своего» мэра Москвы. Им стал некий Ивченко. Однако он ничем не проявил себя в этой роли и был 3 октября заменен А. Красновым, председателем Краснопресненского райсовета, прославившим тем, что первым — в 20.50 21 сентября — объявил о низложении Ельцина и признал постановления ВС.

Одна из самых больших загадок «Черного октября» — приступил ли Руцкой к формированию своего кабинета министров. Ведь правительство поддержало Указ № 1400 практически единогласно, выступив с заявлением, в котором говорилось, что Совет Министров считает данный указ «единственным возможным выходом из создавшегося политического кризиса, предпринятым в интересах народа, которому принадлежит высшая власть в России и который на апрельском референдуме недвусмысленно высказался за президента и политику реформ». Единственным исключением оказался министр внешнеэкономических

связей Сергей Глазьев, ушедший в отставку 22 сентября. Впрочем, он тут же был заменен Олегом Давыдовым, продержавшимся на этом посту до 1996 года. Первоначально ВС стремился перетянуть кабинет на свою сторону. Однако 30 сентября Хасбулатов уже заявлял о персональной ответственности Черномырдина и необходимости сменить кабинет. Некоторые авторы утверждали, что 2 октября А. Руцкой после соответствующего постановления съезда не только подписал указ об освобождении от должности премьер-министра В.С. Черномырдина и членов Президиума Совета Министров, но и информировал новый кабинет министров. Однако просмотр архивных материалов, найденных в кабинете Руцкого, убеждает в том, что «белодомовские сидельцы» вели лишь консультации. Согласно обнаруженным там рукописным заметкам, в состав нового кабинета министров прочили: Ю. Скокова — на пост премьера; на должности вице-премьеров — С. Глазьева, А. Владиславлева, М. Лапшина, В. Щербакова, Е. Сабурова; министрами — Ю. Квицинского (иностраннных дел), Н. Михалкова (культуры). Как ни странно, но в списках возможных участников нового кабинета фигурировал и Григорий Явлинский, чье назначение, по мнению анонимных аналитиков, показало бы связь Руцкого с курсом реформ.

Пропагандистская война была, пожалуй, самой ожесточенной¹. Но велась она, конечно, в неравных условиях. Так, президент контролировал практически все федеральные телеканалы, а на долю оппозиции оставалась только передача «600 секунд», превратившаяся почти что

¹ Мы будем говорить здесь о пропаганде, обращенной на гражданское население. Пропагандистская обработка людей в погонах — отдельная тема.

в коллективного организатора полемики. Среди требований, выдвигавшихся на митингах, одним из главных был доступ к магическому телеэфиру. Еще вечером 22 сентября Анпилов огласил требования своих сторонников, митинговавших у Белого дома: выпустить в эфир для выступления Владислава Ачалова и Александра Руцкого, а также «восстановить без купюр» программу РТВ «Парламент». «Если эти требования не будут выполнены, мы будем вынуждены пойти маршем на «Останкино» вместе с боевым охранением из Союза офицеров», — заявил он.

Ответом на эти угрозы стало решение руководства телеканала «Россия» прекратить программу «Парламентский час». Вскоре закрываются и печатные СМИ парламента — «Российская газета» и «Российские вести». Попытки использовать в своих целях заводские многотиражки провалились. А 28 сентября с эфира была снята программа А. Любимова «Красный квадрат» из-за того, что там, по мнению пресс-службы «Останкино», фактически была предоставлена трибуна для призывов взяться за оружие и заявлялось, что оппозиция уйдет в подполье и будет устраивать террористические акты в метро.

Депутаты сами отмечали, что их наиболее «узкое» место — доведение информации до населения. Почти все «белодомовские сидельцы», как рядовые, так и высокопоставленные, с плохо скрываемой завистью вспоминают о так называемом «желтом геббельсе» — БТРе желтого цвета с громкоговорителем, крутившим начиная с 26 сентября круглые сутки попсу для развлечения стоявших в оцеплении солдат и милиционеров, а в промежутке транслировавшим Указ Ельцина «О социальных гарантиях депутатам» и разного рода ультиматумы. Сторонники ВС, правда, пытались создать собственные СМИ. По крайней

мере, в ДС работала радиостанция «Победа» на средних волнах. Однако, если даже кто-то и ловил ее передачи, то эффект от того был небольшим. А 29 сентября она вообще была закрыта по требованию влиятельного депутата Г. Саенко, которому не понравилось, что там критически обсуждались идеи Ленина. Кстати, отметим, что попытку создать своих «желтых геббельсов» «белодомовцы» также предпринимали — сохранилась записка с требованием выделить из гаража ВС три машины с громкоговорителями. По крайней мере, одна из них все-таки находилась в распоряжении сторонников ВС, но недолго. За неимением лучшего, пресс-служба ВС и разнообразные левые партии распространяли листовки и обращения, в которых призывали защитить законность и Конституцию. Были распространены специальные тексты обращений к москвичам и гражданам России — от имени всех защитников БД, а также к студентам и молодежи — от имени ВС. В обращениях к москвичам и студентам утверждалось, что «оставаться сегодня дома — преступление, равносильное предательству», и содержался призыв «идти к БД», а также «выступать в поддержку Александра Руцкого, исполняющего обязанности президента России». Еще одна листовка, выпущенная от имени съезда, начиналась патетически: «Наша Родина в опасности! Режим Ельцина начал гражданскую войну с народом. 28 и 29 сентября он направил ОМОН на разгром и избиение тысяч простых и безоружных людей, которые пришли к осажденному Верховному Совету защитить Конституцию и права народа». В дальнейшем «обманывающий народ» Ельцин обвинялся в превращении России в «колонию», в установлении режима личной диктатуры, в прислужничестве перед Западом. «Страной правит бесстыдная и наглая антинарод-

ная кучка людей, которая открыто измывается над народом. Режим Ельцина — позор России!» Рецепт избавления был прост, как мычание: требовалось лишь «встать в ряды тех, кто не побоялся открыто выступить в защиту Конституции». Предполагалось, что демонстранты будут требовать снятия блокады БД путем забастовок, митингов и пр.

Специальная листовка, адресованная рабочим, должна была разбудить в них пресловутого «гегемона»:

«Видишь ли ты, что делает режим Ельцина с тобой и твоими товарищами?

Он разгоняет советы трудовых коллективов, лишает тебя права быть хозяином своего предприятия.

Он грозитя разогнать и подавить профсоюзы, лишает тебя права противостоять обнищанию, вызванному его политикой.

Его так называемая, «народная» приватизация продаст тебя в наемное рабство зарубежным и доморощенным хозяевам, нажившимся на воровстве и спекуляции.

Его «реформа» — это ограбление народа в целях обогащения спекулянтов, которым верно служит этот режим.

В интересах этих спекулянтов он собирается ныне лишит заводы и фабрики необходимой финансовой поддержки и дубиной закона «О банкротстве предприятий» выбросить миллионы рабочих на улицу в ряды безработных. <...> Он боится тебя.

Если ты и твои товарищи массовым неповиновением, митингами, демонстрациями выступите в защиту своих законных прав, он не сможет больше измываться над народом!»

Впрочем, подавляющее большинство населения отне-

слось к этому листовочному дождю равнодушно, если не сказать хуже. Люди больше верили телевидению и газетам.

А со стороны президентских структур и пропрезидентских СМИ каждое движение сторонников ВС подавалось максимально неприглядно. К примеру, после гибели полковника Рештука звучали такие фразы, как «одичавшие выходцы из БиДе» и «озверелые демонстранты толкнули офицера под колеса машины». На сторонников ВС списывали все, вплоть до увеличения числа погибших в автокатастрофах (последнее, впрочем, отчасти было правдой — из-за блокирования района вокруг ДС автомобилистам приходилось выписывать немислимые кренделя по малознакомым улицам, что увеличивало вероятность аварий). Не забывали лишний раз напомнить населению о якобы имевшем место трастовом договоре, согласно которому Александр Руцкой получал значительную сумму в долларах, и о покупках жен Баранникова и Дунаева на сотни тысяч долларов. Публике периодически сообщали о появлении все новых и новых документов по этому поводу. Общей же линией Ельцина и его сторонников было «не замечать» Руцкого, расценивать действия «белодомовцев» как нечто несерьезное и делать вид, что «все идет по плану».

И действительно, указами Ельцина учреждается Центральная избирательная комиссия, во главе которой, кстати, ставят только что ушедшего из ВС Н. Рябова, создаются какие-то другие учреждения, проводятся награждения — в общем, жизнь идет своим чередом. Однако на всякий случай в Москве был введен усиленный режим работы милиции и создан оперативный штаб по руководству ею под началом зам. начальника ГУВД Дмитрия Киселева.

Руцкой в ответ говорил на митингах, что «банда, которая развалила государство», должна предстать перед судом, тем самым отрезая возможность для компромисса. А Руслан Хасбулатов разослал прокурорам России телеграммы с просьбой подтвердить «несостоятельность избирательной кампании в новый парламент».

Одним из основных вопросов, рассматривавшихся в этой борьбе, был вопрос об узурпации власти. Чтобы опровергнуть обвинения в стремлении к тирании, Ельцин подписал указ о перевыборах Президента РФ 12 июня 1994 года, объявив, что подобная разница во времени вызвана тем, что Федеральному собранию будет необходимо принять закон «О выборах Президента РФ».

Примерно с 23 сентября начинает дебатироваться проблема оружия. В первую очередь этим обеспокоено ГУВД Москвы, опасющееся неконтролируемой раздачи «стволов». Одновременно это обстоятельство используется СМИ для дальнейшей демонизации сторонников ВС. Мэр Москвы Юрий Лужков в тот же день 23 сентября распорядился подготовить заявление от его имени, в котором выражался протест в связи с тем, что неизвестным людям, в том числе «психически ненормальным», находящимся у Белого дома на Краснопресненской набережной, было роздано большое количество оружия под совершенно необоснованным, по мнению мэра, предлогом — готовящимся захватом Белого дома. Те же самые слова об экстремистах, бомжах, уголовниках и ненормальных, получивших доступ к оружию, содержались и в заявлении пресс-секретаря Ельцина В. Костикова. «Белодомовцы», со своей стороны, говорят о том, что никаких массовых раздач оружия не было, что все выдавалось под расписку и пр. Но их уже никто не слушает. По Мос-

кве пошли слухи, тиражируемые СМИ, о возможности купить автомат за полтора миллиона рублей, о ночных попойках «защитников демократии». К примеру, руководитель Администрации Президента Сергей Филатов, выступая на встрече с общественностью в МГИМО 29 сентября, выразил обеспокоенность тем, что «политика в Белом доме смешалась с уголовщиной», оружие у Дома Советов раздается боевикам из Приднестровья и Абхазии, членам «Русского национального единства» (РНЕ), бойцам бывшего рижского ОМОНа.

Со стороны президента в роли радикального оратора, помимо В. Костикова, выступал вице-премьер Владимир Шумейко. Он заявлял, что Хасбулатов «ведет себя как царь», а вице-президент и председатель КС «у него на побегушках». Он же первым начал разрабатывать 29 сентября новую тему — о несамостоятельности руководства ВС, якобы оказавшегося заложниками «полевых командиров».

Стороны также соревновались в популизме. Так, Хасбулатов в своем докладе на X съезде предложил снизить цены на продукты массового потребления и лекарства, а также индексировать вклады в Сбербанке. Руцкой немедленно откликнулся на эти предложения и на заседании съезда 23 сентября сообщил, что распорядился о ежеквартальной индексации зарплаты, готов в ближайшие дни предоставить парламенту соответствующий указ и приказал подготовить проект указа об индексации вкладов населения. Кроме того, Руцкой предложил пересмотреть налоговую и кредитную политику в промышленности и на селе, систему финансирования здравоохранения, образования, армии и других бюджетных сфер и, естественно, увеличить накачку этих областей деньгами. Раздава-

лись также предложения декретировать снижение цен, поскольку, мол, съезд может принять любое решение по любому вопросу. На объявление об индексации вкладов в Сбербанке Руцкой не решился. Вероятно, представленный ему проект показался слишком одиозным для того, чтобы объявлять о нем в подобный «специфический» момент. И действительно, согласно этому проекту, специальной компании «Россия» передавалось 15% акций всех приватизируемых предприятий. Размер куша, который могли отхватить заинтересованные лица, даже трудно себе представить. Зато 26 сентября Руцкой выпустил очередной Указ «О создании пригородной зоны «Подмосковье» в целях обеспечения жителей Москвы и Московской области земельными участками для индивидуального строительства, ведения садоводства и огородничества». «И.о. президента» не остановило даже то, что этот способ уже был опробован ГКЧП и особой популярностью ему не принес.

На всякий случай Ельцин 30 сентября издал Указ «О повышении должностных окладов работников органов представительной и судебной власти, прокуратуры Российской Федерации», в соответствии с которым оклады повышались задним числом — с первого сентября 1993 года. 30 сентября на свет появился также Указ «О повышении размеров социальных пособий и компенсационных выплат семьям с детьми и другим категориям граждан» и Указ «О надбавке на хлеб малообеспеченным гражданам».

Но главные популистские усилия Ельцина были направлены не на народ, а на депутатов. 25 сентября появился президентский Указ «О социальных гарантиях бывшим народным депутатам Российской Федерации со-

зыва 1990 — 1995 годов». Льготы в нем Ельцин предлагал почти сказочные — годовой оклад, сохранение служебного жилья, бесплатное медобслуживание до конца 1995 года, обязательное трудоустройство. Ко всему прочему, до начала работы Федерального собрания за экс-депутатами сохранялась неприкосновенность. Чтобы заинтересовать депутатов выборами, было объявлено, что регистрация кандидатов в Думу будет длиться всего 40 дней, начиная с 1 октября. Что примерно предполагал Ельцин, издавая этот указ, видно из его интервью, данного телекомпании «Останкино» 25 сентября: «После указа президента по защите бывших депутатов и аппарата постепенно люди уходят, и, мне кажется, там осталось два человека: Хасбулатов и Руцкой. Вот что они будут в этом здании вдвоем делать — это мне непонятно». Впрочем, затем, чтобы депутаты думали быстрее, в Указ Президента РФ от 23 сентября «О социальных гарантиях бывшим народным депутатам Российской Федерации созыва 1990 — 1995 годов» были внесены поправки, согласно которым депутат мог получить все перечисленные льготы, только если обращался за ними до 5 октября.

Эффективность этого указа оценивается по-разному — от заявлений, что на призыв Ельцина откликнулись только его ярые сторонники, до констатации А. Руцким, что, «к великому стыду, Ельцин во многом оказался прав». Заметим, что в итоге из 1041 депутата за льготами и деньгами обратились около 900. В Министерстве труда России был даже организован новый отдел — трудоустройства бывших народных депутатов РФ. Правда, трудоустройство шло с трудом — на должности ниже зам. министра депутаты шли неохотно. Всего указ Ельцина о соцгарантиях стоил примерно 25 миллиардов рублей.

Впрочем, ушедшие депутаты частично отработали потраченные на них средства — они были использованы в пропагандистской работе. Собравшись 29 сентября в Овальном зале Кремлевского дворца, они приняли заявление, в котором призывали всех принять участие в новых выборах. 25 сентября появляется указ о пособиях членам аппарата ВС — и начинается бегство сотрудников аппарата.

Единственное, чего не стали делать люди из президентского окружения, — это затеять перманентный митинг у Кремля. Для доказательства поддержки Ельцина населением столицы хватило прошедшей 26 сентября во второй половине дня манифестации, в которой участвовало не менее 100 — 120 тысяч человек. Как ее участник, я помню, что, когда первые ряды уже стояли перед Моссоветом, последние участники только-только выходили на Тверскую улицу с Манежной площади.

В конце концов, что естественно, борьба не осталась в тиши кабинетов, а выплеснулась на улицы в качестве своеобразной «городской герильи»¹. Первоначально шансы депутатов и Руцкого на победу в этой «войне» оценивались довольно высоко, и их призыв к всеобщей политической стачке вовсе не казался эфемерным. Руцкого поддержала и Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР). Уже 21 сентября заместитель председателя ФНПР Владимир Кузьменок, комментируя Указ № 1400, заявил журналистам: «Позиция руководства Федерации независимых профсоюзов России однозначна — это попытка государственного переворота».

А 22 сентября появляется заявление исполкома этой

¹ Обозначение войны нового типа между правительством и антиправительством, группировками с использованием городской территории (*прим. авт.*).

формально мощнейшей профсоюзной организации, в котором действия Ельцина были названы «государственным переворотом» и содержался призыв к организации забастовки. Однако буквально через несколько дней фронда прекратилась. По слухам, президентские чиновники пригрозили ФНПР провести расследование о судьбе профсоюзной собственности, и перепуганные профбоссы предпочли пожертвовать главой ФНПР Клочковым, смещенным 24 сентября, и заявить о своем нейтралитете. А поскольку Ельцина еще 22 сентября практически безоговорочно поддержали так называемые свободные профсоюзы (горняков, учителей, авиадиспетчеров), необремененные имуществом и потому не сильно опасющиеся принятия каких-то мер, то все надежды депутатов на массовую забастовку рухнули. Не прибавила Руцкому сторонников и его печально знаменитая фраза: «Не пилите березы в Кремле — они нам еще пригодятся».

Впрочем, призывы к всеобщей политической стачке продолжались вплоть до 3 октября. Несмотря на явную безрезультатность всех этих призывов, депутаты, похоже, продолжали верить в боевой настрой трудящихся. Так, 1 октября депутаты на пресс-конференции, состоявшейся в Краснопресненском райсовете, ссылаясь на информацию профсоюзов, говорили о предзабастовочных настроениях на предприятиях Москвы.

В чисто политическом плане руководители парламента связывали свои надежды на победу с поддержкой со стороны субъектов Федерации. Основания для таких надежд имелись. К. Илюмжинов, выступив в ночь с 30 сентября на 1 октября перед съездом, назвал Б. Ельцина «бывшим президентом», а А. Руцкого — «исполняющим обязанности президента». Он высказал мнение, что сдача

оружия сторонниками парламента «на данный момент» невозможна и единственный путь к стабилизации положения — возвращение конституционного процесса к состоянию на 20.00 21 сентября. Понятно, что такая позиция лидера Совета субъектов Федерации (ССФ) была воспринята парламентом позитивно и вдохновила его «непримиримую» часть.

Отсутствие забастовок, впрочем, компенсировалось митингами. Иногда на них собиралось по 15 — 20 тысяч человек.

Первоначально все это было достаточно мирно и бескровно, но первая кровь пролилась весьма скоро. Около 21.00 23 сентября группа вооруженных людей попыталась захватить штаб ОВС СНГ. В возникшей перестрелке погиб милиционер и высунувшаяся из окна женщина-пенсионерка. Оказавшийся в тот момент в штабе зам. министра обороны генерал Константин Кобец организовал отражение атаки, а утром 24 сентября даже направил в ВС ультиматум со сроком исполнения в 24 часа:

«1. Верховный Совет должен освободить от должности назначенных съездом так называемых силовых министров.

2. Выдать зачинщиков данной акции.
3. Сложить немедленно оружие.
4. Выполнять указы президента.
5. Распустить всех депутатов».

В дальнейшем этот ультиматум оказался тихо забыт в связи с тем, что реально штурмовать БД никто в тот момент не собирался, а напугать лидеров «белодомовцев» до такой степени, чтобы они выполнили его требования, не удалось. Официально было объявлено, что речь шла о попытке сторонников Руцкого под началом лидера «Союза

офицеров» Станислава Терехова захватить штаб, дабы воспользоваться имевшимися там системами связи. На самом деле этот эпизод является одним из наиболее темных в истории «Черного октября». Расследование его по горячим следам прекратилось после того, как в присутствии прокурора Москвы Геннадия Пономарева А. Руцкой лично заявил: «Прокурора Москвы в Белый дом не пускать, ни в какие контакты с ним не входить, ни на какие следственные действия не отвечать и никакого оружия не передавать».

Руководство ВС то отрециввалось от действий Терехова, объявляя его провокатором, то утверждало, что Терехов был заманен в ловушку и речь идет о провокации со стороны спецслужб. Основания заподозрить последнее были более чем существенны — генералы, рассказывавшие о инциденте, откровенно путались в показаниях и приводили какие-то несусветные цифры нападавших (министр обороны П. Грачев объявил, к примеру, что нападавших было более 100 человек). Впрочем, это может объясняться естественным желанием каждого из них выставить себя победителем и получить награду помасштабней. Как бы то ни было, пропагандистский выигрыш в этой истории получила именно президентская сторона. Первые выстрелы сделали сторонники ВС, да еще пострадали невинные люди — можно ли было желать чего-то лучшего для хорошей PR-акции. Впрочем, учитывая, что Анпилов и генерал Макашов успели объявить на митинге у БД о захвате Тереховым «объекта 41», можно предположить, что речь все же шла о действиях сторонников ВС. Сам Терехов писал позже, что попытка захвата штаба была его личной инициативой, однако «мы действовали достаточно активно и быстро, но чуть-чуть не ус-

пели... Наш замысел был верен, но не хватило ни надежных исполнителей, ни подходящего оружия». Кроме того, по словам очевидца, у штаба ОВС скопились активисты РКРП, прибывшие туда по призыву Анпилова и очень сожалевшие о том, что «наших ребят, которые настоящие люди, ва-банк пошли», выводили арестованными и что нет оружия, чтобы их отбить. А В. Ачалов на митинге, проходившем в эти же часы, объявил: «Не надо туда ходить, там перед людьми поставлена задача, и они знают, как ее выполнить».

Правда, вопрос о том, насколько руководство «белодомовцев» было осведомлено об этом, остается открытым.

Результатом нападения Терехова стало решение о блокировании ДС и объявление его и прилегающих территорий «зоной повышенной опасности». Ю. Лужков заявил, что эта мера вводится с целью недопущения выноса оттуда розданного неизвестным лицам оружия.

Начальник ГУВД Москвы генерал-майор Владимир Панкратов заявил, что московская милиция получила приказ действовать в отношении преступников более жестко. «В случае нападения на милиционеров или на объекты, имеющие особую важность, сотрудникам МВД разрешено открывать огонь без предупреждения», — отметил он. Московское ГАИ с 24 сентября начало усиленную проверку автомобилей с иногородними номерами на кольцевой автодороге и других магистралях города. Вечером 24 сентября к Краснопресненской набережной прибыли первые грузовики с солдатами дивизии им. Дзержинского. Однако стояли они там не очень долго. Вечером того же 24 сентября депутат Коровников договорился об отводе частей ОМСДОНа в Балашиху, и комбат дал

ему слово — как офицер офицеру. Но ушли далеко не все. Оставалась милиция и ОМОН. Однако первоначально они действовали достаточно мягко, предпочитая дубинкам мегафоны.

На всякий случай, чтобы не допустить водометную технику к БД, утром 25 сентября перед баррикадами были уложены бетонные плиты. Со стороны гостиницы «Мир» проезд к БД стал блокироваться бетонными плитами, которые подвозили три самосвала. Однако в тот же день А. Дунаев, выступая на съезде, объявил, что никакого штурма не будет. Зато Баранников напугал всех до смерти, сообщив, что к БД направлены «люди с наркотиками, чтобы скомпрометировать народных депутатов». 25 сентября, когда впервые выстроилось оцепление, пока что еще довольно слабое, начались прорывы. Наибольшей популярностью (помимо поиска «обходных путей», конечно) пользовались два способа. Согласно первому из них, во главе толпы шли еще остававшиеся неприкосновенными депутаты Мос- или райсовета и вынуждали омовцев пропустить их. Впрочем, был еще один способ прорыва. Сначала находившиеся внутри кольца оцепления делали вид, что хотят выйти, а когда оцепление расступалось, происходил прорыв внутрь со стороны стоявших вне кольца. В основном пытались прорваться через проход между стадионом «Асмарал» и парком им. Павлика Морозова.

Первоначально блокада не носила жесткого характера, да и вообще милиция не понимала как действовать, несмотря на регулярные жесткие инструктажи со стороны Владимира Панкратова и его заместителей «никого не впускать, корреспондентов — только по удостоверению МВД». «Активнее давайте, командуйте вашим людям,

чтобы не было хождений. Как только видите сопротивление — выдергивайте и задерживайте за нарушение общественного порядка», — рекомендовали милиционерам начальники. Милицейскому начальству в эти дни неоднократно приходилось требовать от подчиненных «работать жестко и решительно, не так, как вы работаете». Само МВД первоначально не ставило задач по жесткому разгону демонстраций и уничтожению оппозиции. Виктор Ерин, выступая на коллегии 24 сентября, предложил «работать на упреждение, а не умыться кровью...».

Однако первые дни это почти не действовало. Сохранился колоритный эпизод, когда прибывшие с проверкой милицейские чины смогли с помощью местного проводника пройти дворами до БД и не встретить ни одного милиционера. Как вспоминал А. Куликов, командовавший тогда ВВ, «после одной из ночных проверок я пришел и прямо высказал министру, что служба сотрудниками МВД выполняется плохо. Почему мало милиции вообще и где конная милиция в частности? Нет единого и четкого руководства действиями подразделений ГАИ, патрульно-постовой службы, ОМОНа и других. Задачи на местах никто не выполняет. Мне капитан задает вопрос: «Можно ли задержать человека? Вот если он подходит ко мне с дубинкой?» Задач никто на местах не ставит. Почему не задерживают за антиобщественные действия активных организаторов беспорядков?». Лишь 28 сентября прошла коллегия МВД, введшая более или менее жесткий порядок действий. Не последнюю роль в этом сыграл и А. Куликов. В тот же день он оказался свидетелем телефонного разговора Ерина и Ельцина, который был завершен президентом на следующей ноте: «Я буду спрашивать персонально с вас...» Хотя и тогда согласо-

ванность была далеко не совершенной. В расшифровках радиоперехватов сохранился следующий разговор, датированный вечером 28 сентября (речь идет о выдвижении резервов из числа солдат ОМСДОНа): «Начальник кивает.

— Вы ему скажите, чтобы кивал быстрее. Он копается очень много времени».

Оцепление 26—28 сентября становилось все более и более плотным. Так, 27 сентября было объявлено, что внутрь кольца могут быть пропущены только депутаты и сотрудники, обслуживающие стратегически важные объекты на территории БД. Милиционеров из Департамента охраны если и пропускали, то без оружия, как и охрану отдельных депутатов. «Остальная обслуга пусть идет по домам — она в отпуске».

Наконец, 28 сентября кольцо замкнулось. У мэрии встало 30 поливальных машин, стеной отгородивших проход к Новому Арбату. В других местах для ограничения проходов была применена так называемая спираль Бруно — колючая проволока, запрещенная к употреблению международными конвенциями. Последнее дало Хасбулатову повод назвать БД «первым демократическим концлагерем имени Ельцина». По заявлениям властей блокада была введена «в связи с наличием в здании БД значительного числа огнестрельного оружия, розданного на руки незаконным вооруженным формированиям, чем создана реальная угроза жизни и здоровью граждан». Был полностью прекращен допуск в здание, включая депутатов и журналистов. Всего к блокаде и отражению попыток внешних атак было привлечено около 10 000 солдат и милиционеров, причем часть из них составляли немосквичи, присланные региональными УВД. Поскольку ситуацию они не знали, приходилось вновь организовывать

посты, вводить их в курс дела. По другим данным, было всего около 6000 солдат и сотрудников МВД, два БТРа, около 1000 автоматов.

Блокирование ДС (о ситуации, сложившейся внутри «кольца», см. ниже, в главе «Смотрите, кто пришел») привело к тому, что центр «боевых действий» после призыва депутатов ответить на «произвол властей всеми доступными им методами: митингами, забастовками, актами гражданского неповиновения» — переместился на Пресню. Эти дни породили также такую странную вещь, как «войну после работы». Часть сторонников ВС, отработав свои законные восемь часов, ехали в район БД и пытались прорвать кордоны милиции. После нескольких часов противостояния они уходили, чтобы на следующий день начать все снова. Прорыв включал в себя сбор толпы, драки с милицией, а при удачном стечении обстоятельств — проход в БД либо же перекрытие движения транспорта в этом районе, в том числе и с помощью сооружения баррикад из пустых перевернутых троллейбусов.

Первые подобные столкновения прошли 27 сентября. В этот день Виктор Анпилов и депутат Виталий Уражцев, собрав по 200 — 300 человек, пытались прорвать кордоны. Но милиция была настроена еще довольно-таки мягко, и в записях расшифровок сохранилась команда, согласно которой физическое воздействие на демонстрантов возможно было только в качестве ответного шага.

Двадцать восьмого сентября в районе площади Восстания отесненные от ДС демонстранты численностью около 3500—4000 человек сначала создали живую цепочку, преградив движение транспорта, а затем стали останавливать троллейбусы, обесточивать их и устанавливать

в несколько рядов, перегораживая Садовое кольцо. Частная автомашина «ВАЗ» — «восьмерка» — пыталась прорвать кольцо, тараня людей, ее изрядно помяли, но ей удалось вырваться. В районе станции метро «Баррикадная» сторонники ВС попытались построить баррикады. Они перегородили Садовое кольцо мусорными бачками, досками, ящиками, перевернутыми автомашинами и остановленными троллейбусами. Примерно в 22.15 милиции и ОМОНу удалось прорвать баррикады из троллейбусов. ОМОНовцы оттеснили около полутора тысяч демонстрантов примерно на квартал, в сторону станции метро «Маяковская». Еще 500 человек были оттеснены к станции «Улица 1905 года». Часть митингующих (не менее 400 человек) была схвачена и брошена в милицейские автобусы, которые следовали за цепью ОМОНа. Впрочем, затем милиции пришлось возвращаться на площадь Восстания еще раз, поскольку разбежавшиеся по дворам сторонники БД немедленно стянулись обратно после того, как ОМОН ушел в сторону «Маяковской». К 24.00 движение было восстановлено, а вокруг БД воздвигли дополнительные заграждения, чтобы исключить удар в спину.

Первые столкновения вызвали и смену тональности: «Догнать и проучить как следует... Нужно — запулите в них «черемухой». В этот же день пролилась кровь, первая кровь у «Баррикадной». При прорыве демонстрантами милицейского кольца у «Баррикадной» погиб подполковник милиции Владимир Решетук. Официальная версия гласила, что его толкнул под колеса вагончика неизвестный сторонник Рущкого. Сами «патриоты» заявляли, что Решетука намеренно раздавили «убийцы из ОМОНа», пытавшиеся разобрать созданную демонстрантами баррикаду на углу Дружинниковской улицы.

Вечером 28 сентября представители РНЕ передали ультиматум оцеплению: если до 12.00 29 сентября блокада не будет снята, то в Москве будет проведен ряд терактов против сотрудников милиции. В качестве представителя РНЕ выступал некий Андрей Плешков. Реакция самих милиционеров, сохраненная радиоперехватами, была куда более эмоциональной: «Надо п...здить начинать! Правильно!»

Двадцать девятого сентября правительства России и Москвы обратились к Руцкому и Хасбулатову с требованием до 4 октября очистить ДС. При этом была предложена фактическая амнистия для тех, кто добровольно сдаст оружие. Всем вышедшим гарантировалась безопасность, а также свобода политической деятельности и свобода передвижений. В случае невыполнения этих требований ультиматум обещал «тяжкие последствия». Одновременно была еще более ужесточена блокада — перестали пропускать даже многих корреспондентов. Тональность приказов стала предельно жесткой: «Не надо никого уговаривать. Не выполняют указаний — в автобус и в отделение милиции. Все 10 — в автобус и в отделение. Я вам что, каждые 5 минут ОМОН давать буду? Из каждых 200 нарушителей 10 должны быть задержаны, персональная ответственность всех руководителей участков. Движение не снимать, с помощью движения не давать выходить на проезжую часть». В тот же день был занят пресловутый стадион «Асмарал», где разместились резервы.

В тот же день, 29 сентября, как бы в ответ на ультиматум, демонстрантами было практически заблокировано движение у метро «Баррикадная». Первая попытка построить баррикады в районе зоопарка примерно в 13.00 была быстро пресечена милицией. Однако в 17.00 к БД

двинулись с двух сторон — от Смоленской шел небольшой отряд членов «Союза офицеров», часть из которых была вооружена железными прутьями, и примерно 1000 человек пошла от «Баррикадной», ставшей сборным пунктом для сторонников ВС. Еще через полчаса начались волнения у «Улицы 1905 года». Первоначально напор сдерживало то, что в самом начале акции был арестован Илья Константинов. Кроме того, у метро уже было до 2000 милиционеров и омонцовцев, получивших приказ «закрепиться и стоять насмерть», и 4 автозака. Впрочем, пусть это число не пугает читателей, живо представляющих себе, согласно «патриотической мифологии», толпу вооруженных до зубов омонцовцев, которые гоняют беззащитных старушек.

Те же данные милицейских переговоров фиксируют, что из 400 прибывших из Воронежа омонцовцев лишь 90 были экипированы соответствующим образом. Третья за сутки схватка вспыхнула около 20.00. Дорога была перегорожена троллейбусами со спущенными шинами. Так же демонстранты пытались перекрыть движение на Садовом кольце. Стычки были настолько серьезными, что властям пришлось как-то прореагировать на них. На пресс-конференции 30 сентября первый вице-премьер О. Сосковец, говоря о ситуации вокруг ДС, подчеркнул, что меры по его блокаде предприняты, чтобы оградить граждан от возможного насилия со стороны вооруженных групп, находящихся сейчас в ДС. Признав случаи проявления грубости со стороны ОМОНа и спецподразделений, Сосковец сказал, что данные некорректные действия со стороны отрядов МВД связаны с тем, что двое сотрудников милиции погибли от рук людей, незаконно получивших оружие. Сосковец отметил, что солда-

ты ВВ, дежурившие у ДС, переутомлены. Кроме того, о чем вице-премьер не стал говорить, милицееское начальство так и не смогло наладить быт своих подчиненных. Еще 30 сентября не было ни одного туалета, солдат и милиционеров иногда забывали покормить и пр.

Так что, когда, к примеру, 30 сентября центром столкновений вновь стала площадка у метро «Баррикадная», где примерно с 14.30 начали возникать стычки, милиция старалась разгонять демонстрантов сразу же, не допуская образования больших групп. Приезжающих на «Баррикадную» вдавливали щитами обратно на станцию до эскалатора. Бывший депутат В. Алкснис попытался организовать прорыв колонны примерно из 300 человек, но был остановлен и избит. Однако к 17.00 собралось около 3000 человек. В качестве плацдармов они заняли балконы высотки на площади Восстания и лестницы, ведущие к ним. Однако уже через час милиционеры, в том числе прорываясь и сверху, очистили лестницы и балконы. Ближайшие отделения милиции 11-е и 43-е были уже переполнены задержанными, поэтому опять пришлось вызывать автозаки. Небольшие митинги прошли также у станций метро «Улица 1905 года» и «Пушкинская», но были быстро рассеяны ОМОНОм.

Единственное, что мог сделать в ответ на действия МВД Руцкой, — это издать 29 сентября специальный указ об увольнении зам. министра МВД А.С. Куликова, начальника ГУООБ генерала Огородникова и командира московского ОМОНа Иванова с «передачей материалов, изобличающих преступные действия, спецпрокурору Илюхину для привлечения к уголовной ответственности». Никакого реального значения этот указ, понятное дело, не имел, и возможно, что поименованные в нем

офицеры узнали о существовании сей бумаги лишь после ареста Руцкого.

Некоторые публицисты утверждают также, что сторонники ВС 29—30 сентября начали блокировать движение в разных точках Москвы, ускользая при приближении ОМОНа. Однако из изученных радиоперехватов не очень ясно, были ли реально какие-то попытки демонстрации или же речь шла о слухах, которыми тогда была переполнена Москва. Исключение составляла площадь Белорусского вокзала, где подобные стычки действительно происходили.

Первого октября омовцы выдвинулись к самому павильону метро «Баррикадная». Они оцепили площадку перед входом, оставив для входа и выхода только узкий проход.

В результате численность собравшихся там быстро упала, и к вечеру ситуация практически нормализовалась.

Это случилось потому, что за эти несколько дней ОМОН и милиция научились достаточно быстро и безболезненно для себя разгонять митинги анпиловцев. 1 октября Ерин на коллегии МВД отмечал, что «остужать митинговые страсти мы, кажется, научились еще на дальних подступах к Дому Советов».

Большая игра большого судьи, или Как третья власть пыталась стать первой

Глава Конституционного суда Валерий Зорькин, как уже было сказано, практически с самого начала противостояния нарушил свой нейтральный статус, закрепленный законодательством, и присоединился к Руслану Хасбулатову, признав указ Ельцина неконституционным. В результате уже 23 сентября КС был лишен охраны. Подразделение МВД, ранее осуществлявшее по распоряжению Б.Н. Ельцина внешнюю охрану здания, проинформировало руководство КС РФ о прекращении своих функций. Председатель КС Валерий Зорькин был лишен возможности пользоваться телефонной связью с регионами через спецкоммутатор, у него была отключена радиосвязь и в служебном автомобиле. А комендант Кремля М. Барсуков устроил разнос одному из судей за «неправильную позицию» при голосовании по Указу № 1400. В дальнейшем вице-премьер В. Шумейко пригрозил, что в случае дальнейших действий КС в здании суда будут отключены вода, газ, электроэнергия.

В ответ пресс-служба Конституционного суда распространила заявление, в котором говорилось: «В связи с прямой угрозой насильственного прекращения деятельности Конституционного суда РФ судьи изучают воз-

возможности прямого обращения к субъектам Федерации с просьбой о защите этого конституционного органа».

Однако Зорькина это не смутило, и он немедленно начал проталкивать так называемый нулевой вариант. Согласно ему отменялись все решения, принятые после 20 сентября президентом и ВС, назначались одновременные досрочные выборы президента и депутатов, после чего съезд прекращал свое существование, полномочия президента серьезно ограничивались, правительству предписывалось заниматься лишь экономикой, а КС становился гарантом достигнутых соглашений. Стремясь понравиться «и нашим и вашим», председатель КС, с одной стороны, заявлял, что в основном разделяет оценку положения в стране, данную в преамбуле указа, и цели, которые ставит перед собой президент. А с другой — говорил, что данным указом президент присвоил себе функции всех ветвей власти и следствием этого неминуемо будет диктатура. Примечательно, что последние совещания так называемого Совета субъектов Федерации прошли именно в здании КС. При этом чем дальше, тем больше Зорькин стремился опереться на руководство регионов, стремясь быть независимым и от президента, и от ВС, и даже от своих коллег и надеясь, что регионалы признают его главенство. То, что в результате Россия может распасться на части, видимо, волновало Валерия Дмитриевича меньше всего — ведь власть была так близко.

А как раз коллеги чем дальше, тем меньше поддерживали своего председателя. 28 сентября заместитель Зорькина Николай Витрук выступил перед журналистами с заявлением, в котором призвал председателя КС подать в отставку. По высказанному тогда мнению Н. Витрука, действия председателя КС РФ были «опасны как для

самого суда, так и для России». Витрук и еще трое судей приостановили свое членство в КС, лишив его возможности работать и выдернув из-под возможных решений Зорькина легитимность. Причины подобной активности главного легиста страны были довольно прозрачны — как признавал позже Хасбулатов, после победы над Ельциным спикер и его окружение планировали заменить Ручко-го, которого они опасались, на Зорькина. Впрочем, и у них чем дальше, тем больше деятельность Зорькина вызвала недоумение. В архивах сохранилось письмо Хасбулатова Зорькину, написанное 29 сентября, в котором спикер, дипломатично поблагодарив своего контрагента за усилия по нормализации ситуации, негодуяще отвергает попытки «поставить на одну доску агрессора и его жертву», имея в виду слова из «нулевого варианта» о том, что обе стороны нарушают закон. «Возможно, вскоре последует штурм — Вы будете и в этом обвинять законодателя?» — писал Хасбулатов, похоже, начавший понимать, что председатель КС ведет свою игру, не совпадающую с желаниями «белодомовцев».

Но если деятельность Зорькина обычно описывается всеми мемуаристами, так или иначе затрагивающими «Черный октябрь», то действия еще одного представителя «третьей власти» — Генпрокурора Валентина Степанкова — остаются обычно в тени. Хотя, пожалуй, именно его, не стремившегося, подобно Зорькину, к высшему посту в государстве, можно назвать примером стремления служения сразу двум сторонам.

Выступая на заседании ВС, Генеральный прокурор заверял слушателей в том, что Прокуратура РФ будет действовать строго в рамках Конституции РФ. Впрочем, он не очень-то рвался выполнять указания депутатов. Выйдя

из зала заседаний, он объявил журналистам, что Борис Ельцин не может быть привлечен в настоящий момент к уголовной ответственности. По мнению Степанкова, президент может нести за свои действия только «политическую и юридическую ответственность». Для возбуждения уголовного дела против Ельцина с него должна быть снята «неприкосновенность, которой он обладает как президент». По мнению Степанкова, сделать это может только съезд. 23 сентября Степанков в ответ на требование депутатов дать оценку Указу № 1400 ответил, что оценка указа не входит в компетенцию прокуратуры и вопрос о полномочиях президента может решить только съезд народных депутатов, а поскольку отрешения от должности не произошло, то у прокуратуры нет повода возбуждать какие-либо дела. На вопрос об отстранении Ельцина Генпрокурор заявил следующее: «[Мы] пришли к следующему выводу о том, что вопрос о лишении полномочий президента, регулируемый статьей 121-6, — это самостоятельный вопрос и вопрос отрешения президента от должности, который регулируется статьей 121-10, — это самостоятельный вопрос. <...> Органы прокуратуры крайне затруднены в своих действиях <...> найти выход из этой ситуации чисто политическим путем. Прокуратура не будет ни судьей, ни тем оружием, когда одна политическая сила пытается карательными методами разобратся и рассчитаться с другой политической силой <...>

Оценивать органам исполнительной, представительной власти как заговор с целью захвата власти или как государственный переворот возможно только [по суду <...>

Поэтому я считаю, что рамки тех понятий, которые есть в Уголовном кодексе, и должны оцениваться судебной властью. Что касается возбуждения уголовного дела,

то по нашей Конституции, по закону о президенте, президент, не отрешенный от должности, является лицом неприкосновенным.

Статья 121 со значком 6 означает, что президент решением Верховного Совета отлучен от полномочий, но от статуса президента он может быть отлучен как от должностного лица президента статьей 121 пункт 10». Таким образом, он повторил свои оценки, сделанные 22 сентября. На подобную двойственность, видимо, повлияло то, что Ельцин тоже 22-го объявил о переназначении Степанкова Генеральным прокурором.

Это стремление остаться в стороне, получив максимальные дивиденды, до чрезвычайности разгневало депутатов, именовавших Ельцина не иначе как «бывший президент». Сохранилась краткая запись одного из них: «Полностью провалил дело, перебежал на сторону ЕБН¹».

В результате Хасбулатов предложил депутатам «подумать над кандидатурой нового Генерального прокурора». В дальнейшем сотрудники прокуратуры работали в БД после ареста Терехова, пытаясь более или менее объективно расследовать, что же случилось, и заслуживая этим упреки с обеих сторон в необъективности и поддержке «врагов». В конце концов, 27 сентября Руцкой «в грубой форме» потребовал от следователей, пытавшихся получить информацию о выдаче оружия, прекратить проведение любых следственных действий в Доме Советов. А буквально накануне падения БД, вечером 3 октября, депутаты приняли решение вызвать на следующий день Степанкова на заседание для отчета о деятельности, касающейся пресечения «переворота». В случае же, если эта деятель-

¹ ЕБН — этой аббревиатурой по первым буквам фамилии имени и отчества именовали Ельцина.

ность была бы признана недостаточной, предполагалось прямо на заседании обсудить и утвердить кандидатуру нового Генпрокурора. Вероятнее всего, этот пост получил бы депутат В. Исаков, прославившийся рядом громких антиельцинских законопроектов.

Так же маневрировал и его подчиненный — прокурор Москвы Г. Пономарев, говоривший на сессии депутатов Мособлсовета о том, что Указ № 1400 не соответствует Конституции, обещавший возбудить уголовное дело против начальника ГУВД Москвы Владимира Панкратова (но так и не возбудивший его) и одновременно отказывавший Ю. Воронину в возбуждении конкретных уголовных дел по «фактам государственного переворота». Более радикально настроенным оказался прокурор Киевского района Круглов, на территории которого, собственно, и находился ДС. 2 октября он вызвал к себе начальников отделений милиции и объявил им, что в случае направления их сотрудников на блокаду БД против них будут возбуждены уголовные дела. Круглов даже пообещал 3—4 октября проверить, как исполняются его указания.

Однако ни для депутатов ВС, ни для Круглова возможность сделать что-то 4 октября так и не представилась.

Смотрите, кто пришел, или Жизнь внутри кольца

Те неполные две недели, которые прошли от начала противостояния до его трагического завершения, БД жил весьма активной и довольно хаотической жизнью. Ее можно было разделить на несколько сегментов. Наиболее активной в политическом смысле жизнью жили депутаты и окружение Рущкого и Хасбулатова. В первые дни, пока еще продолжалось заседание съезда, депутаты вели себя так, как будто ничего не произошло. Заместителю Хасбулатова Ю. Воронину, председательствовавшему на заседаниях, приходилось частенько напоминать коллегам, чтобы они не превращались в «микрофонных болванчиков», обсуждающих какие-то малопонятные темы. Так, почти час 24 сентября ушел на обсуждение точной даты выборов, которые назначит ВС. Помимо заседаний основным содержанием политической жизни внутри здания стали интриги. Можно отметить существование группы прагматиков, готовых договариваться с Ельциным. Из руководства в эту группу входили главы палат В. Соколов и Р. Абдулатипов и заместитель Хасбулатова В. Исправников. Однако все их усилия блокировали радикалы — как в Верховном Совете, где их возглавляли Хасбулатов и Воронин, так и среди «белодомовских силовиков».

Похоже, что одна из групп в руководстве ВС решила использовать ситуацию для того, чтобы по-новому пере-

делить посты. Уже 22 сентября председатель комитета по конституционному законодательству В. Исаков заявил журналистам, что на съезде «не исключена» полная смена руководства ВС, которое, мол, тоже виновно в том, что довело ситуацию «до ручки». Затем некий депутат Репин предложил то же самое на заседании ВС, объявив, что ротация «увеличит доверие масс». А 24 сентября Вениамин Соколов, председатель Совета Республики, заявил на заседании съезда, что депутаты должны решить вопрос о дальнейшем функционировании съезда и Верховного Совета. Отметив большие заслуги Хасбулатова, Соколов заявил, что потенциал председателя ВС исчерпан и он не может «адекватно руководить съездом». Соколов также предложил поставить на съезде вопрос о руководстве ВС РФ и о формировании нового правительства. Его поддержал лидер фракции «Россия» Сергей Бабурин. А депутат Шеболдаев и вовсе добавил, что на спикера «давит представление о нем, как о человеке нерусской национальности». Хасбулатов ограничился язвительным замечанием, что бывшему секретарю райкома Соколову, вероятно, лучше известно, что такое руководство, и велел отключить микрофон у Шеболдаева.

А перед заседанием депутаты Павлов, Соколов, Завгаев и ряд областных руководителей решили направить к Хасбулатову делегацию региональных лидеров, чтобы убедить его в необходимости сделать спасительный для страны и неожиданный для Кремля ход — предложить Ельцину последовать примеру спикера и добровольно подать в отставку. К сожалению, не очень понятно, кто стал бы преемником спикера в этом случае. Понятное дело, что на этот пост метил В. Соколов. Однако более вероятным представляется то, что за интригой стоял Сер-

гей Бабурин, который в 1991 году был соперником Хасбулатова на выборах спикера, а сейчас налаживал контакты с «силовиками».

С резкой критической речью на заседании съезда народных депутатов выступил Александр Руцкой, заявивший депутатам, что на них сейчас «просто стыдно смотреть». Он указал, что присутствующих «обуяла потеря чувства стыда и греха». Предложение переизбрать руководство ВС и создать новое правительство не выдерживает никакой критики, отметил и.о. президента. По его мнению, необходимо прекратить «разборки» и заняться делом. На защиту Хасбулатова встал и Р. Абдулатипов, заявивший, что, несмотря на все свои недостатки, Хасбулатов служил России лучше, чем многие русские. С резкой речью выступил и генерал Тарасов, призвавший «не начинать внутренние разборки». В результате предложение Соколова было провалено. Естественно, что сторонники и противники Соколова расценивали его демарш по-разному. Официальной «белодомовской» версией стали слова о провокации со стороны «ельцинистов, пытавшихся внести раскол». «Иванов» же, не скрывающий своих симпатий к Бабурину, считает неудачу Соколова чуть ли не главной причиной провала «белодомовцев», поскольку-де русские люди не хотели воевать за чеченца Хасбулатова. Тот же «Иванов» не останавливается даже перед тем, чтобы, подтасовывая факты, обвинить Руцкого и Хасбулатова в «необъяснимых проволочках».

Сам Бабурин также видел в непереизбрании руководства ВС основную причину пассивности населения.

Впрочем, борьба за власть на этом не закончилась, а лишь перешла в область закулисных интриг. Сохранились даже упоминания о том, как к Баркашову поочеред-

но приходили представители различных группировок (Руцкой, Хасбулатов, Соколов), прося поддержки в будущем дележе власти против всех остальных, а сам Хасбулатов на какое-то время запретил пускать внутрь здания лиц с огнестрельным оружием.

Одновременно депутаты стремились по сильнее ограничить власть будущего президента Руцкого, не сильно доверяя ему. Первыми признаками этого стало предложение координатора блока фракции «Российское единство» Николая Павлова на ночной сессии 21 — 22 сентября принять «в течение 10 минут» закон, подчиняющий Министерство безопасности России непосредственно ВС РФ. Подобные же попытки продолжались почти все время.

Заметим, кстати, что даже установление полной блокады не сильно подорвало жизненный уровень депутатов и вообще «верхушки». Несмотря на постоянные стенания о жизни в голодном и холодном здании, встречающиеся в патриотической мемуаристике на каждом шагу, оттуда же неожиданно выясняется, что все было не так уж и плохо. Достаточно скоро удалось подключиться к электросети путем подведения проводки к ближайшему фонарю. Так что вечером в основных «белодомовских» кабинетах загорался свет. Для руководства существовали специальные комнаты отдыха. И даже водопровод, на отсутствие которого так жаловались сторонники ВС, оказывается, существовал, и вода поднималась аж до шестого этажа.

У рядовых депутатов жизнь была хуже. Спали они на стульях, накрывшись пальто. Горячей пищи депутаты не имели и питались холодной, три раза в день съедая по два бутерброда с колбасой, один с сыром и яйцо. Снабжение осуществлялось способами, знакомыми по снабжению, к примеру, Варшавского гетто. Беспризорные дети и под-

ростки доставляли по канализационным коллекторам хлеб и чай, а возможно, и сигареты. Некоторые подобные выходы из-под земли даже фиксировали милиционеры.

Вторым способом была переброска со «свободной» территории. Впрочем, последнее привело к конфузу, когда 1 октября коммунисты перебросили значительную посылку через стену стадиона «Асмарал» прямо к ногам размещавшихся там солдат ВВ.

Впрочем, депутаты, как рядовые, так и «верхушка», не были обделены «культурной программой». Состоялся даже концерт самодеятельности депутатов, организованный Михаилом Челноковым. Сергей Наумов спел под гитару песню «Белый дом», названную Р. Хасбулатовым «неформальным гимном съезда». Остальные участники концерта также пели песни и читали стихи. Отдельный сегмент — «силовики», но о них мы и будем говорить отдельно.

И наконец, все остальные. К шоку части депутатов первым знаменем, взвившимся над балконом парламента после начала противостояния, стало черно-желто-белое. Политсовет Фронта национального спасения уже 21 сентября выступил с заявлением «Против государственного переворота, совершенного Ельциным 21 сентября», в котором содержался призыв «ко всему народу» «организовать акции гражданского неповиновения президенту и его окружению, блокировать пропрезидентские структуры, милицейские и воинские формирования, если они будут выполнять незаконные распоряжения своего начальства; провести массовые митинги и демонстрации протеста против государственного переворота; начать политические забастовки на предприятиях и в учреждениях». Одновременно по принятой у коммунистов системе

оповещения собрались и сторонники Анпилова, а также члены «Союза офицеров» и баркашовцы.

Поскольку сторонники ФНС, Анпилова, Терехова и Баркашова были наиболее заметными среди «белодомовцев», то именно они стали, во многом усилиями журналистов, обобщенным образом защитника БД. Отметим, кстати, что именно этот образ, по многочисленным утверждениям, и помешал ВС собрать на свою защиту значительные массы людей, поскольку, несмотря на заявления части депутатов о том, что флаги и лозунги ФНС отпугивают умеренных людей, флаги эти так и не были сняты, а российский триколор, напротив, несмотря опять же на неоднократные требования, так и не был вывешен. С. Говорухин передает будто бы бывший у него с Руцким разговор: на вопрос Говорухина, почему от стен ДС не прогонят Анпилова и его сторонников, которые отвращают от ВС «нормальных людей», Руцкой объявил, что без Анпилова к зданию вообще никто не пришел бы. Однако это было не совсем так, а иногда и совсем не так.

Кроме анпиловцев, по крайней мере в первые дни, к БД пришли также представители других левых партий. В частности, одним из первых за строительство баррикад взялись: Биец, лидер Комитета за рабочую демократию и международный социализм (группы Бийца /КРДМС (Б)) и двое анархистов, втянувшие в это дело вновь прибывших. При этом сторонниками ВС они не были. Как вспоминал один из таких леваков: «Конечно, мы не питали большой любви к Хасбулатову и иже с ним. В гробу мы их всех видели. Но ВС был последней занозой в ноге президента. Пусть вяло, пусть из шкурных интересов, но депутаты мешали Ельцину грабить народ». В дальнейшем появились и представители совсем уж экзотических организа-

ций вроде «Братства кандидатов в настоящие люди». А начиная с вечера 22 сентября заметную часть защитников составляли панки.

Как и «силовики», баррикадники были поделены на отряды. Каждый из отрядов состоял из 10 — 20 человек, знавших друг друга по имени, которые строем, организованно ходили в столовую.

Особого братства между собравшимися у здания не было. Одной из проблем, разделивших их, стал антисемитизм. Судя по воспоминаниям части защитников, его уровень был довольно значителен с учетом того, что пропаганду вели баркашовцы и представители других националистических партий. Причем, как отмечал один из интервьюируемых «Мемориалом» людей, это был «антисемитизм на уровне веры, люди верили в еврейские козни, как в средние века верили в козни дьявола; они совершенно искренне искали еврейские корни у Ельцина, потому что сволочь не может не быть евреем. Если бы какой-нибудь еврей на их глазах зарезал Ельцина, они бы нашли у него корни славянские или, в крайнем случае, арабские, потому что герой не может быть евреем». Подобные же настроения отмечает и другая свидетельница: «От политических дискуссий я уклонялась, потому что все разговоры на эту тему не отличались разнообразием. Женщины яростно ругали демократов и евреев, выражая надежду на то, что если Ельцин применит к ним насилие, то после этого долго у власти не продержится и его «сдадут» свои же люди». Левакам же, панкам и анархистам это не понравилось. В результате на одной из баррикад прошла драка с поножовщиной, в которой с одной стороны участвовали баркашовцы, а с другой — панки и анархисты. Ввиду численного превосходства первых драка за-

кончилась арестом «леваков» и их избиением в штабе у Баркашова, которое было остановлено только при появлении телевидения. Не прибавило взаимного доверия «союзникам» и то, что оружие выдавали первоначально только баркашовцам, что здорово обижало коммунистов, среди которых было немало ветеранов войн в горячих точках. Впрочем, от баркашовцев передергивало не только «леваков», но и «белодомовскую» верхушку. По воспоминаниям «Иванова»: «На одном из постов Баранников просто вздрогнул, когда два «баркашовца» с самыми серьезными лицами выкинули ему прямо под нос руки в отрядном приветствии». Впрочем, позже Хасбулатов утверждал, что «пытался сделать все, чтобы избавиться от этих людей», так как понимал, что их присутствие вредит имиджу Верховного Совета, а сторонником оставления «баркашовцев» был Руцкой. По другой же версии, Баркашова пригласил лично Хасбулатов при посредничестве экс-генерала КГБ Филиппа Бобкова.

Первоначально баррикадники ночевали прямо рядом со своими «рабочими местами». Однако наступившая холодная погода привела к тому, что сначала их начали пускать в вестибюли 8-го и 20-го подъездов БД, а затем и в одноэтажное здание спортзала, которое стало основным местом дислокации «защитников». Хотя самые лучшие места для себя забрали члены РНЕ.

Кроме того, к зданию пришло и некоторое количество бомжей. Также спустя какое-то время к БД подтянулись (да так и остались там) люди, которых председатель Черемушкинского райсовета С. Пыхтин в интервью «Мемориалу» охарактеризовал как «несколько экзальтированные, в какой-то степени даже истеричные женщи-

ны», более известные под названием «анпиловские бабушки».

В организации пунктов питания очень много помогали жители местных домов, жалевшие сидевших под дождем или на холодном ветру баррикадников. Кроме того, большую роль сыграла и «Трудовая Россия». Ее пункты питания пополнялись продуктами исключительно за счет пожертвований собравшихся. Впрочем, на этой почве процветало мошенничество, и по окрестностям БД шныряли лжесборщики денег. Но и здесь питание в основном ограничивалось бутербродами и вскипяченным на костре чаем. При этом вскоре «паек» стали выдавать не отдельным людям, а старшим «десяток». Затем всех просто стали кормить в «белодомовской» столовой.

Всего на площади, по практически совпадающим оценкам милиции и представителей оппозиции, которых интервьюировали представители «Мемориала», никогда не собиралось более 2000—3000 человек. Постепенно численность находившихся внутри кольца уменьшалась. Только 29 сентября из здания вышло 900 человек. По словам депутата Киреева, бывшего в Туле 1—2 октября 1993 года, в начале октября в БД оставалось не более 700 человек. Возможно, что это число было бы еще меньше, если бы не то, что, по свидетельствам очевидцев, многих женщин держал на баррикадах страх за находящихся там же родных. Большинство оставшихся были не москвичами, поскольку москвичи, приходившие на площадь в рамках «войны после работы», оказались отрезаны от здания блокадой.

Если говорить об общей атмосфере в ДС, то ее можно охарактеризовать коротко — нарастающий психоз. С одной стороны, день ото дня по зданию и его окрестностям

распространялись подозрительность, мнительность, шпиономания, когда в каждом видели сотрудника МБ в штатском. Боясь провокаторов и шпионов, в одну из ночей завалили камнями все канализационные люки. С другой — все (от баррикадников до представителей «верхушки») жили в напряженном ожидании чуда, которое должно было произойти. Постоянно распространялись слухи об идущих на помощь войсках, о том, что в регионах начинаются восстания. Несмотря на то что у некоторых людей были радиоприемники, верили не радио, а этим вот слухам, которые готовили всех к тому, что вот еще день-два — и будет Большая победа. Эти слухи подогрела и сама «белодомовская» верхушка. Так, Хасбулатов откровенно лгал, заявляя на своих пресс-конференциях о том, что оттока депутатов нет, а в армии практически все осуждают действия «инициаторов государственного переворота».

Еще одним фактором, неблагоприятно влиявшим на психику оборонявшихся, стало постоянное ожидание штурма в 3 — 4 часа утра. Фактически защитники БД стояли на пороге громадного психического взрыва. Его не случилось лишь потому, что оцепление было сметено «взрывом» снаружи.

Царь Борис и 87 бояр

Руководители большинства регионов на селекторном совещании, прошедшем утром 22 сентября под председательством премьера Черномырдина, поддержали действия Ельцина. Однако затем, увидев, что кризис двоевластия не разрешен, часть из них решила сыграть свою игру. Заметим, что делали они это не в первый раз. Уже в марте 1993 года некоторые региональные вожди попытались выторговать себе побольше полномочий, провозгласив в специальном заявлении, принятом 9 марта 1993 года, что «политическая и экономическая реформы, попытки установить жесткое разграничение полномочий между федеральными органами власти, принять новую Конституцию Российской Федерации будут обречены на неудачу до тех пор, пока не получат законодательного оформления механизмы реализации Федеративного договора и принципы построения Российского Федеративного государства». Региональные «бароны» требовали «сконцентрировать усилия всех ветвей власти на создании федеративного государства как такового, выработке принципов его устройства». Та попытка, впрочем, ничем не кончилась из-за жесткой позиции Ельцина и назначения референдума. И, похоже, «бароны» решили отыграться.

Интересно, что один из руководителей ВС, Вениамин Соколов, уже 22 сентября заявил, что главы администраций разделились в пропорции 50 на 50. Началась массивная обработка региональных владык со стороны

«белодомовцев». Пряником для губернаторов со стороны ВС должно было послужить среди прочего и то, что по закону «О главах администраций» они вводились в состав правительства. 29 сентября к Ассоциации «Сибирское соглашение» обращается Руцкой, который призывает сибиряков «подняться на решительную борьбу за честь и достоинство России». Депутаты, в свою очередь, обращаются к ряду губернаторов с требованием отозвать омовцев, присланных из регионов в Москву.

Заметим, что президент тоже вскоре начал козырять поддержкой регионов. 23 сентября зам. Главы Администрации Президента Волков объявил о том, что Ельцина поддержали 80 из 89 российских регионов.

На открытую фронду с Кремлем, однако, пошли всего двое — глава администрации Новосибирской области Виталий Муха, установивший в своей области уголовную ответственность за соблюдение Указа № 1400, и только что возглавивший Брянщину Юрий Лодкин. В остальных регионах было относительно спокойно. Руцкой очень сильно надеялся на поддержку в Санкт-Петербурге, но там ситуация не пошла по московскому сценарию. Вице-мэр Вячеслав Щербаков, поддержавший было Руцкого, был немедленно уволен Собчаком. Интересно, что в ДС в конце сентября — начале октября, видимо для поднятия духа «защитников», распространились слухи о том, что Щербаков якобы сверг Собчака, тот бежал из города, а местная милиция и ОМОН «отказались стрелять в народ» и перешли на сторону Щербакова.

Вероятно, губернаторов и «маленьких президентов», предпочитавших отсидеться в кустах, среди прочего здорово напугала угроза Гайдара направлять в непокорные регионы на место губернаторов федеральных уполномо-

ченных. В результате, когда тот же Гайдар прибыл проводить региональное совещание на Дальний Восток, губернатор Амурской области, тоже начавший было фронду, по воспоминаниям Гайдара, постоянно старался доказать вице-премьеру, что его оболгали. Некоторые губернаторы заявили, что закон нарушили обе стороны, и объявляли, что не будут исполнять антиконституционные решения ни тех, ни других. Большинство же регионалов в этот момент больше занимали хозяйственные заботы, в том числе подготовка к зиме.

Единственными, кто безоговорочно поддержал Руцкого и Хасбулатова, стали региональные Советы. На 15.00 22 сентября их было 35. А к вечеру 25 сентября практически все региональные Советы — 82 из 87. Однако ВС местные Советы поддерживали по-разному. Так, Астраханский облсовет, пожурив Ельцина за нарушение Конституции, отметил, что в принципе действия президента были верными. Подобные же резолюции — об осуждении формы, но правильности действий по существу — принял и Костромской облсовет. Немногие Советы конкретизировали свои слова о поддержке. Малый совет Леноблсовета, например, полагал необходимым поручить Руцкому и ВС сформировать новый состав правительства, которое в первую очередь рассмотрело бы вопрос о замораживании цен на энергоносители и приняло неотложные меры по погашению задолженности федерального бюджета. Другие Советы требовали упразднить должности представителей президента. Козыряя поддержкой Советов, которую он принимал за поддержку региональных элит, Хасбулатов, уже 23 сентября заявлявший о том, что Советы в Сибири уже подчинили себе местные органы МВД и МБ, а «сейчас этот процесс идет и в Центральной

России», грозил блокировать перечисление налогов в бюджет России и организовать всеобщую забастовку. Впрочем, поддержка Советов не так уж и много значила. По крайней мере, реальных действий для помощи ВС они не предпринимали. Даже те небольшие отряды добровольцев, которые успели прибыть в Москву из регионов, комплектовались обычно помимо Советов. Очень мало кто из руководства облсоветов, принимая решение о признании неконституционным Указ № 1400, параллельно предписывал привлекать к ответственности за его исполнение. А, к примеру, телеграмма, посланная в Воронеж с требованием снабдить депутатов деньгами и продовольствием, была коротко прокомментирована губернатором как «призыв неизвестного толка». Единственное дело, на которое решились местные власти, — это печатать в Липецке «Российскую газету», да и то недолго.

Кроме того, большинство Советов, даже провозгласивших Указ № 1400 недействительным на территории их областей или республик, выступило за одновременные перевыборы обеих ветвей власти, чего депутатам ВС явно не хотелось. Впрочем, в конце сентября начинается отход облсоветов от жесткой поддержки Руцкого. Первыми 28 сентября дрогнули облсоветы Тульской, Пермской, Свердловской и Нижегородской областей. На следующий день к ним присоединились Архангельская, Кировская и Ростовская области, Татарстан и Северная Осетия. Главы Советов заинтересовались играми другого рода.

В первую неделю противостояния центральные власти практически не обращали внимания на действия регионов. Те пользовались этим в полной мере. Расцвел правовой сепаратизм. В Волгоградской области 23 сентября было принято решение о том, что постановления прези-

дента, принятые после 20 часов 21 сентября, исполняются на территории Волгоградской области, если они подтверждены совместными решениями и постановлениями представительных и исполнительных органов государственной власти Волгоградской области. Там же прозвучали предложения повысить статус области и перестать платить налоги. В Вологодской области местный облсовет переподчинил себе все подотчетные ВС организации под свою юрисдикцию. В Удмуртии уже 22 сентября было объявлено о переходе всей полноты власти к местным органам управления. Кроме того, в областях часто решали и местные проблемы. Так, Челябинский облсовет попытался подчинить себе местную ТРК (того же, кстати, потребовали советы Воронежской и Тамбовской областей) и добиться признания победы своего кандидата в губернаторы — Петра Сумина, ведшего тяжбу по поводу исхода выборов с действующим губернатором Соловьевым.

Впрочем, сепаратизм был не только экономическим. Некоторые регионы просто заявляли, что не будут подчиняться незаконным, с их точки зрения, распоряжениям, какая бы ветвь власти их ни прислала (Иркутская область). В Екатеринбурге местные депутаты под шумок приняли конституцию Уральской республики. Председатель Алтайского крайсовета А. Суриков заявил о возможности создания Сибирской республики. За ним потянулись и другие политические деятели. Впрочем, предложения о размерах этой Сибирской республики были различными. Одни предлагали объединить всю Сибирь, другие (подобно А. Тулееву) — четыре региона: Томскую, Кемеровскую, Новосибирскую области и Алтайский край. Пошли разговоры и о возрождении Дальневосточной республики. По крайней мере, 29 сентября на сессии

Хабаровского краевого Совета его председатель Игорь Цветков заявил, что в Дальневосточном регионе могут быть начаты консультации по созданию Дальневосточной республики, если в России не будет найдено согласие.

Первым центром реальной региональной фронды стал Новосибирск. В значительной мере это объяснялось его отдаленностью от столицы. Неповиновение со стороны брянского губернатора Юрия Лодкина было пресечено достаточно жестко. 25 сентября Ельцин подписал указ об отстранении Лодкина и замене его В. Карповым. Присланный из Москвы отряд омоновцев занял здание областной администрации, изрядно поколотив Лодкина и его немногочисленных сторонников. Ему не помог и принятый в срочном порядке X съездом 24 сентября закон о главах администраций. Согласно этому документу главы администраций назначались и освобождались от должности. Однако отстранение Лодкина вызвало такую волну возмущения, что президентским структурам пришлось поумерить свой пыл. В благодарность Руцкой подумывал о назначении Мухи премьером, а съезд принял поправки к закону «О главах администраций», согласно которым назначение и смещение губернаторов осуществлялось исключительно сессиями соответствующих Советов народных депутатов. Но это Лодкин из близкой к Москве Брянщины. Устранить же Муху с его поста было значительно труднее — губернатор переподчинил себе местных «силовиков» и объявил, что будет сопротивляться насильственному устранению. Вместе со своим председателем облсовета Виталий Муха предложил временно перенести работу съезда и столицу России в Новосибирск.

При этом раздавались голоса о прекращении подчинения Москве «в случае полного блокирования работы съезда». Сам Виталий Муха, естественно, объявил, что он не подчинится никакому указу об отстранении от должности. Не помог и визит секретаря Совета безопасности Олега Лобова, просившего губернатора уйти «по-хорошему». Однако региональный барон, похоже, почувствовав вкус власти и решив, что предложение Лобова — признак слабости центра, надменно отказался от этой сделки.

Прошедшее в том же Новосибирске 29 сентября Всесибирское совещание советов под угрозой блокады Транссиба с 15.00 3 октября, бойкота выборов и проведения референдума об образовании Сибирской республики поставило Ельцину ультиматум с требованием снять блокаду БД и начать переговоры с Верховным Советом. Кроме того, они угрожали, что съезд переедет в «один из сибирских городов». Впрочем, Ельцин прореагировал на этот ультиматум достаточно спокойно — многие из подписавших его председателей облсоветов не имели соответствующих полномочий. А подконтрольные Кремлю СМИ популярно объяснили сибирским администраторам, что в этом случае они будут объявлены ответственными за экономические трудности в стране и сняты со своих постов. Разговоры же о создании Сибирской республики затихли сами собой — губернаторы быстро поняли, что в этом случае они останутся один на один с Китаем, который проглотит их раньше, чем они успеют насладиться независимостью. Депутаты же так и не пошли на перенос съезда ни в Новосибирск, ни куда-либо еще в Сибирь (например, в Кемерово, куда их настойчиво звал Аман Тулеев). То ли они боялись, что их арестуют по дороге, то ли опасались оказаться в полной зависимости от

новосибирского губернатора, с которым у многих из них были достаточно натянутые отношения.

Намного более опасными для Ельцина, а потом и для ВС стала деятельность президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова по комплектованию так называемого Совета субъектов Федерации.

Двадцать четвертого сентября представители регионов общим числом 28 на встрече в Санкт-Петербурге приняли «Требования руководителей субъектов Федерации к федеральным органам власти». В документе утверждалось, что в республиках, краях, областях и автономных округах состоялось обсуждение Указа № 1400, причем субъекты Федерации осуждают предпринятую попытку государственного переворота и требуют от Бориса Ельцина отменить Указ № 1400 и восстановить в стране в полном объеме конституционную законность. Документ предлагал съезду назначить одновременные всенародные выборы президента и ВС на 12 декабря 1993 года. До проведения выборов федеральные органы власти не должны были принимать никаких нормативных решений без взаимного согласования, что с учетом антагонизма ветвей власти привело бы их к параличу. Гарантами соблюдения этих требований должен был выступить «федеральный совет из руководителей органов представительной и исполнительной властей субъектов Федерации, который мы учреждаем», а также КС Российской Федерации, которому этим документом давалось право отрешать от должности лиц, не выполняющих требования регионалов. Кроме того, региональные боссы настаивали, чтобы им предоставили прямой эфир для оглашения их требований. Авторы документа в случае невыполнения требований до 28 сентября оставляли за собой право принять меры,

включая организацию общероссийской политической забастовки, проведение местных референдумов, приостановление перечисления налогов в федеральный бюджет, блокирование экспортных поставок нефти и газа, основных авто- и железнодорожных магистралей. Власти не обратили внимания на эти требования — прежде всего потому, что количество собравшихся было несоразмерно мало (с учетом того, что в стране насчитывалось 87 регионов и их должны были представлять 174 человека, а не 28 (!), как в данном случае). Кроме того, в Кремле надеялись быстро справиться с сидевшими в БД депутатами.

Оставленные без внимания регионалы обиделись и одновременно осмелели. Собравшись 26 сентября в Санкт-Петербурге, они приняли заявление, в котором, «стремясь преодолеть губительное для России противостояние федеральных органов законодательной и исполнительной властей, наносящее существенный ущерб Российскому государству», прямо объявили о намерении регионов «взять под контроль развитие ситуации». Кризис должен был преодолевать Совет Федерации, который авторы заявления требовали созвать не позднее 1 октября. Именно этот орган и должен был принимать решения о проведении одновременных выборов (отметим, что к этому моменту и Ельцин и ВС уже приняли решения о выборах и опубликовали их, хоть и с оговорками). Для себя регионалы требовали полномочий «по принятию актов о федеральных органах государственной власти переходного периода, о порядке их избрания и по организации проведения выборов», а кроме того, намеревались взять под контроль расходы федерального бюджета. То есть фактически, будь эти требования приняты, провинциальные политики становились бы вершителями судеб страны и бесконтроль-

ными хозяевами ее бюджета. На сей раз их было больше — присутствовали представители 41 субъекта Федерации. Но среди них почти не было глав исполнительной власти — в основном (37 из 41 представителя) это были главы Советов, что не придало встрече необходимого авторитета. Именно на этом совещании впервые выдвинулся один из немногих представителей исполнительной власти, решившихся связаться в эту авантюру, — Кирсан Илюмжинов, президент Калмыкии. Сам Илюмжинов утверждал, что занялся этим исключительно с целью предотвратить кровопролитие и «не дать развалиться Российской Федерации». Впрочем, злые языки и тогда и сейчас утверждали, что реальной причиной, заставившей только что избранного главу дотационной Калмыкии заняться большой политикой, стало пристальное внимание Генеральной прокуратуры к одной из его многочисленных сделок — то ли к пресловутому шерстяному кредиту, то ли к чему-то еще. Говорят, что именно ему был обязан своим появлением в заявлении от 26 сентября пассаж о том, что санкции регионов в отношении федерального центра последуют не только в случае неисполнения ультиматума, но и в случае «попыток нарушения федеральными властями прав любого из участников соглашения, попыток роспуска (приостановления действий) их органов власти». Впрочем, помимо желания Илюмжинова обезопасить себя здесь мог сыграть (и вероятно, сыграл) свою роль и страх губернаторов и глав облсоветов повторить судьбу Лодкина.

Возможно, что именно поэтому он с такой страстностью пропагандировал создание Совета субъектов Федерации и тут же провозгласил себя «председателем президиума ССФ». Этот пост давал ему возможность избавиться от

любых посягательств со стороны правоохранительных органов. Хотя даже в Санкт-Петербурге региональных представителей было явно недостаточно для учреждения подобного органа. Отметим, что ряд областей (к примеру, Волгоградская) вообще отказались участвовать в ССФ. Как бы то ни было, Кирсан Илюмжинов в последние дни сентября развил активную деятельность по вербовке новых членов в ССФ, рассылая послания от имени мифического «Президиума ССФ». Возможно, что именно тогда у него возникло уже другое стремление — стать первым лицом в государстве, опираясь на поддержку регионов. Сам Илюмжинов, конечно, об этом не говорил, но постепенно в его речах появляются несвойственные ранее нотки — требование поставить на голосование будущего ССФ вопрос о доверии Ельцину и т. д. Похоже, что в эти дни он добился поддержки от некоторых влиятельных регионалов, вроде главы Татарстана М. Шаймиева, который сам все время кризиса провел в отпуске, а вместо себя послал вице-президента Василия Лихачева.

Исполнительная власть демонстративно, устами вице-премьера Сергея Шахрая, признала совещание в Санкт-Петербурге нелегитимным ввиду малого количества присутствующих и неясности их полномочий. Зато их приветствовал из БД Руслан Хасбулатов: «Реальная власть у вас в регионах. Ваши действия могут без кровопролития осадить диктатора», — писал он в приветствии участникам совещания.

Ободренный этой поддержкой Илюмжинов, который, как было сказано выше, похоже, задумал в тот момент сыграть свою игру, срочно созывает новое совещание.

Совещание представителей субъектов Федерации в помещении КС, проходившее 30 сентября, уже сформулировало требования к сторонам конфликта более четко. От правительства России и мэра Москвы требовали прекращения блокады БД, от президента и съезда — отмены Указа № 1400 и всех принятых на основании его актов обеих ветвей власти. Съезд должен был установить «по согласованию с субъектами Федерации» дату одновременных досрочных выборов президента и парламента не позднее марта 1994 года. Депутатам запрещалось вносить поправки в Конституцию, за исключением положений, касающихся образования федеральных органов власти и порядка их избрания, а контроль за выборами возлагался на ССФ. Кабинет министров при этом должен был сосредоточиться на управлении российской экономикой, а о деятельности президента не упоминалось вовсе. При этом, что интересно, санкции в этом обращении полагались лишь исполнительной власти. Регионалы грозили «принять все необходимые меры экономического и политического воздействия, обеспечивающие восстановление конституционной законности в полном объеме» в случае непринятия их ультиматума до 00 часов 1 октября. «В случае применения силы под любым предлогом на вас персонально ложится ответственность перед народом и Отечеством за возможное кровопролитие», — угрожали они Черномырдину и Лужкову.

Самое важное для губернаторов положение этого ультиматума содержалось в п. 6, согласно которому Совет Федерации совместно с КС РФ брал на себя «обязанности гаранта стабилизации ситуации в РФ». Тут же перечислялись полномочия новообразованного органа, имевшего

право рассматривать и давать рекомендации по вопросам, относящимся к содержанию Федеративного договора и не противоречащим ему: контроль за согласованием проекта Конституции РФ, изменениями и дополнениями к Конституции РФ, проектами законодательных актов о высших федеральных, представительных и исполнительных органах власти РФ и порядке их избрания, за вопросами, выносимыми на всенародные голосования (референдум РФ), за решениями о назначении досрочных выборов высших федеральных представительных и исполнительных органов власти РФ и за изменением границы РФ. Ну и, конечно, отменялись все решения исполнительной власти, «касающиеся порядка назначения и освобождения от должности глав администраций». В общем, России грозило превратиться во вторую Речь Посполиту с безвластным королем и могущественными магнатами.

Впрочем, по некоторым данным, губернаторы так перепугались собственной смелости, что Р. Абдулатипову, также участвовавшему в совещании, пришлось чуть ли не силой заставлять председателя ВС Карелии Степанова отдать Черномырдину их ультиматум.

Однако ультиматум напугал и центральную власть — ведь его подписали уже представители 62 областей, это действительно был уже Совет субъектов Федерации, и если бы они захотели идти до конца, то смогли бы и впрямь поднять страну. В результате высшие федеральные чиновники должны были превратиться в «главноуправляющих» и разлететься во все концы России для участия в заседаниях межрегиональных ассоциаций. Виктор Черномырдин вылетел в Самару, Сергей Шахрай — в Краснодар и Новосибирск, Егор Гайдар — в Хабаровск,

Юрий Яров — в Санкт-Петербург, Александр Заверюха — в Воронеж, секретарь Совета безопасности Олег Лобов — в Екатеринбург. Наконец, вице-премьер Олег Сосковец встретился с представителями Центральной России в Москве.

Впрочем, хотя решения заседаний ассоциаций и были внешне грозными — «срочно начать работу ССФ», «считать недопустимым применение силы и нарушения прав человека при разрешении конфликта вокруг здания на Краснопресненской набережной», «провести одновременные выборы», — министры и вице-премьеры выяснили главное: практически никто из губернаторов не решится идти до конца. Можно вспомнить торжественный прием, устроенный Гайдару в Хабаровске. Мирным настроениям регионалов способствовало и то, что правительство поддалось откровенному шантажу местных баронов и 1—2 октября пообещало массовое кредитование, проведение взаимозачетов, замораживание цен на хлеб, что пришлось бы компенсировать местным бюджетам.

В результате тон заявлений представителей исполнительной власти в отношении регионалов становился все более жестким. Пресс-секретарь Ельцина В. Костиков 1 октября обвинил ряд региональных лидеров в попытках перекачки власти из центра на места, использовании в качестве инструмента доверия Совет Федерации, который якобы должен взять под контроль развитие ситуации. Далее он сказал, что необходимости в спешном созыве Совета Федерации нет, что Совет будет созван, как только завершится разработка необходимых документов, и намекнул, что и заседание, и документы будут касаться

экономических вопросов. А персонально Кирсан Илюмжинов был обвинен в присвоении функций, принадлежащих исключительно федеральным органам власти.

Действия регионалов напугали и «белодомовцев», наконец-то уяснивших из выступления Илюмжинова в БД, что в случае своей победы они окажутся в государстве конфедеративного типа, где их роль будет сводиться к нулю. «Сейчас управляют всем регионы, и вся полнота власти практически находится у них в руках», — заявил на пресс-конференции в Доме Советов 30 сентября Хасбулатов, в тот же день рекомендовавший главам местных Советов установить как можно более прочный контроль над действиями исполнительной власти. А такой противник Ельцина, как депутат В. Исаков, расценил ультиматум от 30 сентября как «попытку регионов установить плотную опеку над буйнопомешанным президентом и по-детски беспомощным Верховным Советом». Может быть, именно поэтому Руцкой и Хасбулатов и решили поставить все на карту 3 октября. Кто знает?

Почти трое суток регионалы чувствовали себя победителями, готовясь смести оба противоборствующих лагеря мановением руки. А затем, с момента, когда боевики пошли на штурм мэрии, их влияние на события стало ощутимо падать. Назначенное на 18.00 заседание ССФ, на котором, по замыслу Илюмжинова, регионы должны были продемонстрировать свою силу, а сам он — получить окончательное признание в качестве третьего (а то и первого) лица в государстве, не состоялось. Не помогла и отчаянная телеграмма, отправленная Илюмжиновым вечером 3 октября: «Президентам, Председателям Верховных Советов, председателям Советов Министров респуб-

лик, главам администраций и председателям Советов краев, областей и автономных округов.

В Москве сложилась критическая ситуация началось вооруженное противостояние сторон тчк совещание руководителей субъектов Федерации продолжает свою работу в здании Конституционного суда тчк просим безотлагательно принять меры сохранения стабильной обстановки в регионах и срочно прибыть на заседание Совета субъектов Федерации».

Губернаторы и главы Советов вовремя не приехали, а те, кто приехал, уже не были сторонниками честолюбивого калмыцкого президента.

Отправленный Черномырдину ультиматум с требованием «встать на защиту Конституции» и «остановить насилие», то есть фактически сдать атакующим боевикам, был отвергнут премьером, предпочитавшим сохранить верность Ельцину. Интересно, что в подписанном тогда же обращении к народу вина за кровопролитие также возлагалась лишь на исполнительную власть, которая якобы пренебрегала «предостережением опасности кровопролития». Фактически губернаторы и «маленькие президенты» — не все, конечно, но какая-то их часть — в тот момент встали на сторону мятежников.

Но чем же были вызваны требования вечером 3-го, да и утром 4 октября (см. ниже), к Черномырдину и Ельцину «остановить кровопролитие»? Мне кажется, это можно объяснить только одним — региональные лидеры надеялись, что пришедшее к власти на крови и поддержке 2—3 тысяч боевиков правительство Руцкого и Хасбулатова, не признанное мировым сообществом, станет послушным орудием в их руках.

Последнюю попытку стать «третьей силой» Илюмжинов предпринял утром 4 октября. 25 представителей регионов, объявивших себя членами ССФ, проводя нелегитимное в любом случае заседание, приняли обращение к Черномырдину, в котором призвали правительство... прекратить штурм Дома Советов, «восстановить конституционный порядок и Федеративный договор» и т. д. Но было уже поздно. Самая серьезная за все годы правления Ельцина попытка регионалов подчинить себе центральную власть разбилась о непреклонность Ельцина и Черномырдина (см. главу «Пушки вместо слов»).

«Выдавать по 50 000 в день» (Руцкой, Хасбулатов и «СИЛОВИКИ»)

Хасбулатов вечером 21 сентября считал, что у Руцкого «не позже завтрашнего дня должны быть верные воинские соединения». В принципе он был прав — без каких-то военных или военизированных формирований силовые действия сторонников ВС были обречены на неудачу.

Формирование своих силовых структур сторонники ВС начали практически сразу же. Генерал В. Ачалов, разрабатывавший в 1991 году план штурма БД, теперь был назначен ответственным за его оборону. Штаб обороны, скоро перепрофилированный в резиденцию Ачалова, разместился на 13-м этаже. Первоначально предполагалось, что Ачалов будет действовать совместно с начальником Департамента охраны ВС А. Бовтом. Впрочем, довольно скоро Ачалов был повышен в должности и получил титул министра обороны РФ. В этом качестве вся его деятельность свелась к рассылке телеграмм командующим военных частей с требованием вести части к БД. Выглядели эти приказы так: «Командиру в/ч № 42 692 — немедленно выдвинуть половину личного состава со штатным оружием и боеприпасами на автотранспорте формирование возглавить лично. При создании формирования действовать смело решительно». Однако эти телеграммы остава-

лись без ответа. 27 сентября Ачалов особым приказом восстановил деятельность офицерских собраний, но не помогло и это. Да и вести было, в сущности, некого: многие солдаты были на сельхозработах в деревне — помогали убирать картошку. Уже 23 сентября Ачалов сообщил народным депутатам, что он не смог дозвониться ни до одной воинской части или гарнизона. Однако он заявил, что «в случае необходимости» воинские части придут. Реально уже 22 вечером, как признает тот же «Иванов», офицерам из ачаловского секретариата «стало ясно, что на армию рассчитывать не приходится, и в случае силового решения надеяться нам не на что». Настроение военных лучше всего выразил анонимный офицер из штаба Северо-Западной группы войск, дислоцированной в ..., объявивший, что он поддерживает действия Ельцина по преодолению двоевластия. 25 сентября между Хасбулатовым и Ачаловым состоялся примечательный диалог. Председатель ВС поинтересовался у новоиспеченного министра, где же войска, о готовности которых прибыть он недавно рапортовал. «Там же, где и обещанные вами трудовые коллективы», — парировал генерал. Не помог и приказ Руцкого докладывать ему ежедневно. На людях же «министр» объявлял, что войска подойдут, если «ельцинисты» решатся на штурм. Хотя постепенно переставали верить и этому. Уже 27 сентября дальневосточный депутат Валентин Цой риторически восклицал: «Ну, какой Ачалов министр обороны? У кого он министр?» Ачалов отмолчался, как продолжал отмалчиваться на публичные вопросы о том, где же обещанные им войска.

Заместителем Ачалова стал пресловутый генерал Макашов, вся деятельность которого в первую неделю осады свелась к постоянной проверке постов и митинговой ак-

тивности. Интересную характеристику Макашова оставил в своем дневнике генерал Тарасов: «Смесь трусости и хамства».

Другие новоявленные «силовики» были настроены достаточно оптимистично. Баранников собирался устанавливать контакты с региональными управлениями МБ, говоря о 7000 верных ему офицерах госбезопасности. Первое выступление Дунаева на съезде 23 сентября также было весьма оптимистичным: «Решения и.о. президента А. Руцкого и Верховного Совета доведены до руководящего состава МВД, поддерживается связь с рядом руководителей региональных УВД и МВД. Принимаются меры по предотвращению использования личного состава Московского гарнизона против ВС и СНГ. Я могу заверить Верховный Совет, что подавляющее большинство личного состава органов внутренних дел отрицательно относится к госперевороту».

В своем приказе № 1 Дунаев предупреждал «об ответственности за невыполнение указаний ВС, Руцкого, своих собственных». В другом варианте этого приказа (какой из них официальный — не очень понятно, поскольку и тот и другой подписаны Дунаевым) новоназначенный министр писал о своем бывшем непосредственном начальнике: «Бывший министр Ерин, открыто заявлявший о своей поддержке антиконституционного переворота, сознательно вовлекает личный состав в авантюру, которой может обернуться борьба с собственным народом и кровь невинных людей. Выражаю уверенность, что личный состав органов внутренних дел, внутренних войск и учебных заведений МВД проявит полное понимание политической ситуации и примет решение о выполнении решений СНГ и ВС, указаний и.о. президента

Руцкого и моих распоряжений». При этом практически в тот же день Дунаев подготовил проект своего приказа № 2: «В связи с тем что деятельность Верховного Совета продолжилась и состоялся X съезд народных депутатов, на котором был отменен антиконституционный указ Бориса Ельцина и определен порядок выхода из создавшейся кризисной ситуации и отпала необходимость в дублировании должностных обязанностей МВД, считаю необходимым сложить с себя обязанности министра внутренних дел». В ответ Ельцин уволил А. Дунаева из органов внутренних дел, и никто даже не попытался встать на его защиту, наглядно показав, каким был уровень популярности генерала.

Не лучше приходилось и «белодомовскому» министру безопасности. Уже 24 сентября сведения Баранникова о 7000 верных ему офицерах МБ были опровергнуты пресс-службой министерства. Неудачей кончилась и попытка депутатов, военных и представителей госбезопасности поговорить с солдатами и сотрудниками МБ. Их просто не допустили в расположение воинских частей и здание на Лубянке. По некоторым данным, впрочем, Баранников, которому удалось переманить в БД лишь 18 человек, вскоре начал поиски компромисса. 26 сентября он посетил Черномырдина и якобы заявил премьер-министру, что пошел в БД с единственной целью помочь наведению порядка и осуществить контроль за сдачей оружия. В ходе разговора Баранников заявил: «Я понимаю, что с этой компанией мне не по пути», — и просил передать Ельцину, что «был и остается верен ему» и намерен в ближайшее время покинуть БД.

Ни один из «министров» даже не попытался попасть на свое «законное» рабочее место. «И. Иванов» писал

позже, что нежелание Ачалова «вселяться» в МО было вызвано... недостатком людей и опасностью захвата Белого дома, опровергая сделанное несколькими десятками страниц ранее заявление, что Ачалова-де не пустил в министерство Хасбулатов. 22 и 24 сентября А. Дунаев пытался вербовать себе сторонников в МВД, чтобы въехать в министерство. Однако у него ничего не получилось. Практически все милицейские генералы предпочли резко дистанцироваться от него и в основном советовали «выпутываться из этой грязи, пока не поздно». Командующий ВВ А. Куликов жестко предупредил Дунаева, что в случае попыток захвата зданий министерства будет открываться огонь на поражение, а затем приказал солдату, дежурившему в своей приемной, в случае новых звонков Дунаева «посылать его на три буквы».

Поскольку бывшие коллеги не признали его, «министр» перешел к угрозам. Первый раз Дунаев попытался воздействовать на бывших подчиненных угрозами 29 сентября, когда вел переговоры о разблокировании. Впрочем, милиционеры ответили ему, что «никаких движений по их команде делать не будем». Дунаев пригрозил тем, что в результате могут быть провокации, от которых страдает милиция. Ответ был прост: «Так ведь могут быть и ответные провокации». В результате «силовики» спасовали и пообещали огонь не открывать.

В обращении к сотрудникам МВД, написанном примерно 1 октября, Дунаев пообещал, что «мы никогда не простим» тех высших офицеров МВД, которые участвуют в блокаде. Дунаев даже попытался припугнуть бывших подчиненных тем, что решением депутатов в БД создан трибунал, который якобы уже приговорил к расстрелу одного из руководящих сотрудников МВД России. Реаль-

но же приказом Руцкого была создана спецкомиссия из представителей «силовых министерств», которая должна была рассматривать дела сдавшихся. Нашлась ли работа для комиссии — неизвестно.

Осознавая, что реальных рычагов воздействия на армию у них нет, «силовики» решили прибегнуть к тому же способу, к которому прибегли в 1917 году большевики — провести массовую демобилизацию. 27 сентября появился приказ Ачалова № 9 «Об увольнении военнослужащих срочной службы». Согласно ему, все солдаты, чей срок службы истекал в 1993 году, автоматически подлежали увольнению со службы, а те, у кого срок службы был меньше, — отправлялись в отпуск на 20 суток (потом на 30). Для этого им надо было сделать самую малость: «отказаться от участия в антиконституционных действиях». Впрочем, благодаря мерам, принятым Грачевым, запретившим войскам всякие контакты с окружающим миром, приказ этот в части так и не попал. 1 октября «силовики» вновь обратились к войскам, похвалив армию за то, что она «не дала втянуть себя в политические авантюры». Они поведали в патетическом тоне о том, что уже сотни солдат и офицеров пробрались в Москву для защиты «законной власти». Для того чтобы увеличить их число, Ачалов милостиво разрешал командирам частей направлять в Москву группы офицеров-добровольцев. Но и этот приказ остался гласом вопиющего в пустыне.

Единственными формированиями, которые министрам удалось создать сразу, были их собственные секретариаты. При этом они озаботились немедля вооружить их, завести личную охрану и даже спецаппаратуру от прослушивания (попадавший под ее действие А. Руцкой в таких случаях возмущенно говорил журналистам, что его

облучают «враги» из мэрии). Но не забывали и об иных вещах. Примерно 1 октября даже был составлен проект приказа об образовании военно-исторической комиссии во главе с генерал-майором В. Рясным по «подготовке материалов о борьбе с антинародным режимом». Вероятнее всего, за недостатком времени комиссия так и не смогла приступить к работе.

Параллельно с метаниями «министров» Руцкой и Хасбулатов занялись формированием военных отрядов непосредственно в здании ДС. Первоначально 23 сентября Руцкой подписал распоряжение о формировании трех отрядов по 100 человек во главе с членами «Союза офицеров», «учитывая условия и необходимость обеспечения надежной охраны ВС». А уже на следующий день «в связи с угрозой для безопасной деятельности X съезда» Указом № 17 было решено сформировать Первый отдельный московский добровольческий полк особого назначения для защиты парламента. Таким образом легализовывались боевики «Союза офицеров» и иных организаций, собравшиеся у БД. Численность «полка» называлась по-разному. Сам командир полка А. Марков заявлял, что Первый отдельный московский добровольческий полк особого назначения (ОМДПОН) насчитывал более 1500 человек и включал два батальона, комендантский взвод и роту химзащиты. Впрочем, по бумагам, сохранившимся в «Министерстве обороны» Ачалова, полк включал всего 600 человек, а его роты, судя по записям бухгалтерии, не превышали 30—80 человек. Некоторые из них быстро рассыпались. Например, вечером 23 сентября командир одной из них заявил собравшимся, что Руцкой и Хасбулатов договорились с Ельциным и потому ополчение распускается, но лишь решительные действия другого офи-

цера, усомнившегося в словах командира, не позволили всем уйти. Впрочем, реальной пользы от создания этого формирования было немного. Фактически вся надежда была лишь на чудо, поскольку по подготовке «полк» оставлял желать лучшего. Да и по численности, даже по самым оптимистическим оценкам, он не превышал батальона.

Некоторые авторы пытались оправдать формирование «полка» необходимостью «защиты парламента», утверждая, что депутатов иначе выгнали бы прикладами ОМОНа. Однако непонятно, почему же этого не было сделано в самые первые дни?

По словам ставшего командиром полка А. Маркова, его костяк составляли офицеры, прапорщики, мичманы, рядовые СА и ВМФ, МБ. Кроме того, были добровольцы из Приднестровья, Белоруссии, Украины, многих российских городов. Размещался «полк» в здании спортзала, где бойцы спали вповалку прямо на бетонном полу. Депутаты, видимо, решили, что их защитникам хватит и этого.

В полк влилась казачья сотня под командованием походного атамана Подольского отделения Союза казаков Виктора Морозова с группой воздушной разведки (видимо, речь шла о высматривании новостей с крыши ДС). В составе полка было даже подразделение спелеологов, а точнее — диггеров, занимавшихся, по словам Маркова, «разведкой в подземных коммуникациях». Параллельно существовали также трудоросссовский батальон «Москва», «народная гвардия» и множество других полувиртуальных формирований вроде Первого казачьего батальона, реальная численность которого, по воспоминаниям участников, не превышала 40—50 человек. Он находился на Горбатовом мосту и должен был его удерживать.

Наиболее заметной частью этих военизированных формирований стали, конечно, сторонники Баркашова из Русского национального единства. Они выделялись своей формой со «славянской свастики», приветствием и дисциплиной. По разным подсчетам, в БД находилось от 150 до 300 баркашовцев, но поскольку их довольно назойливо показывало телевидение, у обывателя могло создаться впечатление, что основная часть защитников здания — ультранационалисты.

Отдельную группу составляли приднестровцы и «абхазы» — люди, только что отвоевавшиеся в Абхазии. Их пребывание в БД обросло множеством мифов, сомнению подвергалась даже сама возможность подобного пребывания. Однако найденные документы показывают, что все-таки это был не миф. Согласно ответу прокурора ПМР Б. Лучика, прокуратура, проведя расследования по «горячим следам», установила, что по крайней мере 12 человек (9 из батальона «Днестр» и 3 — из МГБ) выезжали в Москву и принимали участие в боевых действиях. При этом — пикантная деталь — один из этой девятки параллельно числился в СВР. Возможно, что были и иные группы.

К «абхазам» же относится формирование, о котором в основном было известно только по названию — группа «Север». В архивах сохранилось письмо ее командира, Сергея Фридлендера, Ачалову. По его данным, «Север» представлял собой группу добровольцев, воевавших в ПМР и Абхазии, общей численностью около 30 человек. Фридлендер просил «министра обороны» поставить его группу на котловое и денежное довольствие. «Северяне» участвовали в штурме мэрии и в боях за «Останкино».

Начиная с 24 сентября представители «белодомов-

ских» силовых структур начали небольшими партиями получать боевое оружие — пистолеты, автоматы, пулеметы. Впрочем, первые выдачи оружия (пока только офицерам Ачалова) прошли уже вечером 21 сентября, а первые разрешения были изготовлены 22-го.

Впрочем, охранные структуры множились с поразительной быстротой. В конце сентября даже начали прорабатывать вопрос о формировании полка имени съезда народных депутатов. Но дальше обсуждений этот вопрос не пошел. Уже 27 сентября Дунаев подписал приказ о формировании отдельного батальона охраны, возглавлял который подполковник юстиции А.А. Родионов. К примеру, 30 сентября Дунаев назначил полковника Ласкина начальником оперативного отдела МВД. Но в реальности к ДС перешло весьма маленькое число милиционеров — всего 34 человека. Отметим, правда, что из них Дунаеву удалось сформировать канцелярию, взвод охраны и даже группу спецназа. Не помогли и яростные филиппики в адрес Ельцина и Ерина, такие, например, как «Бывший Президент Борис Ельцин и его окружение стараются сохранить свою власть, совершая новые преступные действия, пытаются связать солдат, милиционеров, чекистов круговой порукой. Один из главных исполнителей этого — бывший министр внутренних дел Ерин. Приказы-ваю отменить все приказы и распоряжения по дивизии им. Дзержинского. Военнослужащие и должностные лица, продолжающие исполнять преступные приказы, подлежат отстранению от должности. Материалы об их противоправной деятельности направляются спецпрокурору Илюхину». В конце концов Руцкой решил, что дело — в личности Дунаева, и утром 3 октября, буквально накануне «шума и ярости», подписал указ об отставке Дунаева и

назначении на его место бывшего российского министра МВД в 1986 — 1990 годах В. Трушина.

Василий Трушин, вступив в должность, немедленно издал приказ № 1, в котором призывал присоединиться к нему всех сотрудников ОВД и солдат ВВ, а также предупреждал начальника ГУВД Москвы Панкратова о персональной ответственности за вовлечение личного состава Москвы в антиконституционные действия. «Рекомендую ГУВД прекратить использование преступных приказов на применение огня и вовлечение сотрудников в противостояние с народом», — говорилось в приказе. С учетом событий, произошедших всего несколько часов спустя после подписания этой бумаги, призывы Трушина стали смотреться, мягко говоря, неактуально. Сам Дунаев получил пост министра по особым поручениям, перетащив в новообразованное министерство свои креатуры вроде полковника Ласкина. В общем-то можно отметить, что далеко не у всех руководителей ВС его самостоятельные защитники вызвали сильное удивление. Вот что, к примеру, говорил Хасбулатов на утреннем заседании ВС 23 сентября: «Вокруг Дома Советов практически нет депутатов, много людей в нетрезвом состоянии». Он предложил руководителю штаба Юрию Воронину организовать почасовое дежурство комитетов. Но и это не помогало. По признанию «Иванова», в первую ночь заснули все, кого поставили на посты. Не менее резко высказался утром 25 сентября и генерал Ачалов, потребовавший наладить «хотя бы элементарную дисциплину». А генерал Борис Тарасов оценивал возможности для обороны еще критичнее: «Достаточно будет 15 — 20 дымовых шашек, чтобы выкурить нас отсюда», — говорил он на заседании съезда 24 сентября.

Что же касается оружия, то «Иванов», к примеру, утверждает, что оружия практически не было и защитники БД якобы почти безоружными оборонялись 4 октября. Однако стоит заметить, что лишь по официальным данным (на основании справок, приводимых, кстати, тем же «Ивановым», который не знал, что сохранились архивные данные) из здания исчезло более 1000 единиц стрелкового оружия. Всего же в здании во время осады (согласно справке, подписанной А. Бовтом) находилось более 3000 единиц стрелкового оружия — 1600 автоматов, 2000 пистолетов, 18 пулеметов, 10 гранатометов. При этом тот же «Иванов» без тени смущения обвиняет представителей президентской стороны в распространении слухов о якобы громадных запасах оружия в здании (вплоть до комплексов «Стингер»), при том, что еще за несколько страниц до этого описывал, как он лично запускал эту дезинформацию для того, чтобы отсрочить возможный штурм.

Кроме этих структур в распоряжении Хасбулатова было подразделение, которое, казалось бы, могло стать его надежной личной охраной. Речь идет о Департаменте охраны ВС РФ, созданном по решению IX съезда 30 марта 1993 года. Его предшественником было пресловутое Управление охраны объектов высших органов власти и управления РФ, распущенное Ельциным в 1992 году после серии слухов и скандалов о его якобы быстрой «чеченизации». К 21 сентября «в строю» находилось около 1200 милиционеров. Они были немедленно приведены в боевую готовность.

Двадцать четвертого сентября Ельцин «временно» переподчиняет Департамент охраны ВС в МВД, глава которого Виктор Ерин за день до того уже издал соответст-

вующий приказ. Однако 24 сентября Руцкой, в свою очередь, отменяет приказ Ельцина. 25 сентября Александр Бовт, возглавлявший Департамент, получает очередной приказ Ерина, которым на него возлагается личная ответственность за сбор нештатного оружия в БД. Руцкой опять издает контрприказ и т. д. Однако численность милиционеров падала — многие уходили и не желали возвращаться. И тогда 29 сентября Бовт пишет служебную записку Воронину, в которой предлагает выдавать своим милиционерам суточные в размере 50 000 рублей, то есть примерно 45 долларов в день, за «образцовое выполнение служебных обязанностей в трудных условиях и невозможность поддержания нормальной жизнедеятельности». Даже по сегодняшним меркам зарплата очень неплохая, а в то время — вообще заоблачная. Всего таким образом было выплачено почти 25 миллионов рублей. Подобный размер выплат показывает, чего стоят многочисленные заявления о том, что БД защищали бескорыстные романтики. Впрочем, не помогли и деньги. К началу октября в здании оставалось не более 100 человек, если судить по ведомостям на получение командировочных. «Иванов» называет даже более низкую цифру — 50 человек. Да и оставшиеся были не слишком лояльны к Хасбулатову. Некоторые работники Департамента охраны снабжали информацией МВД, а затем руководство министерства даже заслало туда офицера.

Таким образом, основной военной силой внутри кольца блокады оказался полк и разнородные вооруженные формирования, стремившиеся сохранить свою самостоятельность.

Естественно, «белодомовское» руководство отчетливо понимало, что подобными силами можно будет защи-

щаться лишь первые полчаса после начала серьезной атаки, но никак не наступать. И потому ВС, а затем и съезд постоянно принимали постановления, призывавшие войска в Москву. Однако точные номера частей ни разу не были названы, что объяснялось желанием не подставлять раньше времени их командиров. Впрочем, ни одна часть так и не выступила. Однако слухи о том, что на выручку ДС идут армейские части, возникали регулярно, начиная с 22 сентября, когда один из депутатов Мособлсовета объявил, что два батальона Таманской дивизии, вопреки приказу командира, двинулись в направлении Москвы для поддержки БД, но были разоружены. Эти слухи встречаются у всех мемуаристов, описывающих обстановку в БД. «Иванов», к примеру, пишет, что всего парламенту обещали поддержку четверо влиятельных командующих, а также Генштаб, но не уточняет, куда же делась эта поддержка. Автором еще одной «утки» стал заместитель Хасбулатова Воронин, объявивший утром 25 сентября о подходе к зданию «большого отряда офицеров и военнослужащих», для прокормления которых было решено тут же организовать полевые кухни. Когда Воронин сделал это заявление, то, как пишет Руцкой, «я чуть не упал со стула». Однако вскоре выяснилось, что никакой отряд никуда не подошел. Однако тот же Руцкой 25 сентября вещал с балкона БД об отказе ряда военных округов помогать Ельцину без разрешения ВС.

Второй похожей «уткой» стала телеграмма, якобы отправленная офицерами Северного флота, грозившими, что в случае, «если хотя бы один волос упадет с гражданских лиц, мы вас из-под земли достанем и научим, как обращаться с людьми». Однако, как немедля же выяснилось командование Северного флота, люди, подписавшие

эту телеграмму, никогда не служили на Северном флоте. А для объяснения причин, почему же при такой поддержке практически никто не приходит к ДС, отвечали, что идущих перехватывают омоновцы. Был даже создан миф про группу ленинградских солдат и офицеров, прорывавшихся в БД, схваченных, избитых и заключенных в военные комендатуры. Однако ни одной фамилии «белодомовцы» назвать так и не смогли. Таким же мифом стали и слова о массовом сопротивлении сотрудников МБ Ельцину. Кроме телеграмм, отправителей которых так и не нашли, дело ограничилось митингом 200 человек из состава многотысячного персонала Лубянки. Когда же днем 3 октября Сергей Бабурин посетил Лубянку, чтобы вступить в переговоры с офицерами Службы безопасности в надежде взять ситуацию под свой контроль, ему было заявлено, что аппарат Министерства безопасности подчиняется только президенту и правительству.

Природу этих слухов понять довольно просто — сторонники ВС поверили собственной пропаганде, говорившей о том, что на их стороне большинство населения страны, готового подняться по первому же призыву. Впрочем, некоторые шансы получить помощь у них все же были, особенно со стороны ВДВ, где Ачалов был достаточно популярен. Однако ни один из этих шансов не воплотился в жизнь. Армия, МБ и МВД остались верны Ельцину. Не помогли даже личные обращения Руцкого к начальникам РУОПов (в архиве сохранилось подобное обращение к начальнику уральского РУОПа с просьбой прислать 150 сотрудников в Москву на помощь БД).

Первое обращение к силовым структурам Руцкой сел писать сразу же после своего поспешного провозглашения президентом. Он обращался к командующим войскам:

«Не оставайтесь в стороне от происшедшего. Этого не простят деды и внуки. Армия не может быть вне политики в момент, когда разрушается государство и над обществом нависает тень диктатуры». При этом он предлагал командирам воинских частей, по сути, неограниченные полномочия для «пресечения любых противоправных действий». Первое же распоряжение Руцкого было обращено к тем же силовикам — Руцкой требовал от командовавшего ВДВ Евгения Подколзина перебросить к ДС из Наро-Фоминска 119-й ПДП и батальон рязанских курсантов; от командующего МВО Леонтия Кузнецова — 2 батальона московских курсантов. Но они не пришли, как не пришла и Тульская дивизия, командиру которой Руцкой также отправил личное послание. Руцкой объяснял нейтралитет, а позже и прямую помощь десантников Тульской дивизии Ельцину тем, что им якобы пообещали зарплату в долларах. Впрочем, как Руцкой упоминает в своих мемуарах, на него несколько раз — в период с 27 сентября по 2 октября — выходили представители разных воинских соединений (от штаба МВО до командования некоей танковой армии), обещавшие помощь. Однако, как признается сам Руцкой в своих мемуарах, ни разу эти представители не выходили на контакт повторно («представители исчезали внезапно — и навсегда»). Последняя попытка перетянуть армию была предпринята 30 сентября, когда Руцкой направил письмо командиру 39-й мотострелковой дивизии.

В результате уже 23-го многие парламентарии вопрошали, где же обещанные части. Частей не было. И тогда на всю страну посыпались обращения ВС и съезда к армии, причем во все более истеричных тонах.

В этих регулярных обращениях армия призывалась на

«защиту конституционного строя». «Наступил момент, когда нейтралитет, упорное молчание армии превращается в равнодушное содействие творимому преступлению против своего народа», — взывали сотрудники пресс-службы ВС, готовившие подобные обращения. Для обоснования подобного вмешательства сообщалось, что Ельцин отстранен от должности, но его «преступный режим» продолжает действовать, избивая и даже якобы убивая мирных демонстрантов с помощью огнестрельного оружия и отравляющих газов.

Завершалось все призывом к «славным воинам» о помощи и напоминанием, что армия должна «сказать свое веское слово в защиту конституционного строя, выступить против фашистских методов политической борьбы еринских омонцев, защитить униженный, оскорбленный, обворованный, зверски избитый народ». Заключительная фраза одного из таких обращений была прямо скопирована с плаката времен Отечественной войны: «ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! ВОИН, СПАСИ ЕГО!». «Офицеры! Завтра будет поздно, и вам будет стыдно за то, что вы бездействовали. Смелее выходите на улицы вместе с трудовым народом», — призывала РКРП. 29 сентября последовало очередное обращение к стоявшим в оцеплении солдатам ВВ и омонцам с утверждениями о том, что собравшиеся у ДС «защищают не Руцкого и Хасбулатова», а Конституцию. Солдатам же предлагалось подумать, стоит ли защищать «пьяного президента, чье окружение давно продано иностранцам». «Офицеры и солдаты, — патетически восклицало распространявшееся на следующий день обращение, — задумайтесь, кто вами правит. Вглядитесь в лица ваших командиров, и вы увидите в них рас-

терянность. Спросите у них, где приказ, и тотчас вам станет ясно, чью волю вы выполняете».

Впрочем, те, кто писал подобные заявления, и не подозревали, что, когда армия действительно пойдет защищать конституционный строй и выступит против фашистских методов политической борьбы в виде вооруженного бунта, им придется довольно плохо.

Единственными армейскими частями, все же выступившими на стороне ДС, стали офицеры Подольского учебного полка во главе со своим командиром полковником Бородиным и капитан 3-го ранга Остапенко со своими матросами из-под Ногинска, попытавшиеся прорваться в Москву в ночь с 3 на 4 октября, но остановленные на подступах к городу. Кроме того, зафиксированы случаи, когда несколько человек из оцепления действительно перешли на сторону «белодомовцев». Каждый из них специально получал от Руцкого удостоверение с описанием его подвига: «перешел на сторону конституционных органов власти, отказался выполнять преступные приказы», освобождавшее его от ответственности за возможно совершенные в результате исполнения противоправных приказов преступления. Но речь идет о столь малом количестве (4 — 5 человек), что его можно и не учитывать.

Неоконченные переговоры

Практически сразу же после 21 сентября пошли разговоры о переговорах и возможности достижения компромисса между сторонами. К 27 — 28 сентября вполне отчетливо определились две главные позиции по этому вопросу.

Основу первой составили предложения председателя Федерации товаропроизводителей Ю. Скокова и председателя КС В. Зорькина, получившие в прессе название «нулевой вариант». Основные пункты заявления были следующими: принятие съездом народных депутатов решения об одновременных перевыборах президента и парламента и закона о выборах и полномочиях федеральных органов власти на переходный период; поручение съездом народных депутатов правительству РФ выполнять свои обязанности до новых выборов; роспуск съезда и приостановление законотворческой деятельности ВС РФ с сохранением за ним контрольных функций. 28 сентября В. Зорькин вновь обратился к федеральным органам власти и к субъектам Федерации, предложив им приостановить исполнение Указа Президента РФ от 21 сентября «О поэтапной конституционной реформе в РФ» и основанных на нем последующих актов президента; приостановить исполнение актов X Чрезвычайного съезда народных депутатов и ВС РФ, принятых после 20.00 21 сентября, включая решения о назначении исполняющего обязанности Президента РФ, о кадровых назначениях в прави-

тельстве, о дополнениях к УК РФ, а также безотлагательно созвать совещание руководителей представительной и исполнительной властей субъектов Федерации с участием президента и народных депутатов РФ и принять на нем решение о сроках и порядке проведения выборов будущих парламента и президента России.

Однако она была отвергнута ВС. «Непримиримую» часть парламента не устраивала сама мысль о возможности поиска компромисса с «узурпаторами». Один из лидеров оппозиции — С. Бабурин, говоря о «нулевом варианте», заявил, что «первым шагом для этого должно быть отречение Ельцина от должности». Как заявил Р. Хасбулатов 27 сентября, «ни о каком компромиссе речь идти не может, пока не будет восстановлен закон и порядок». При этом сам Хасбулатов потом писал, что он всегда был за «нулевой вариант» и большинство съезда тоже, только вот проклятые «ельцинисты» не желали разговаривать. Однако стенограммы заседаний, сохраненные в Государственном архиве РФ, говорят об обратном.

В пользу «нулевого варианта» выступило примерно 20% глав администраций, организации товаропроизводителей. Свой «нулевой вариант» выдвинул и Руцкой, но с одним любопытным добавлением: «Президент РФ складывает свои полномочия в соответствии со ст. 121-6 Конституции РФ», то есть он сам, как и Хасбулатов, оставался при власти. 1 октября Руцкой, уже не вспоминая про собственные обещания, категорически потребовал отставки Ельцина. Максимум на что он готов был согласиться — это два месяца до выборов. Естественно, что на это никто не пошел.

Достаточно экзотический вариант предложил лидер Либерально-демократической партии России Владимир

Жириновский еще 27 сентября на встрече ряда руководителей политических партий и общественных организаций. В частности, его вариант предполагал создание временной администрации России с сохранением действия указа президента. При этом Ельцин и Руцкой должны уйти в отпуск до 13 декабря. В состав Временной федеральной администрации необходимо, по его мнению, включить премьера Черномырдина, председателя Верховного суда Лебедева, президента Российской академии наук, начальника Генштаба, мэров Москвы и Санкт-Петербурга, а также Патриарха Московского и Всея Руси. Временная администрация слагает полномочия после выборов и формирования нового правительства. Предложение передать власть до выборов Черномырдину поддержал и глава Иркутской области Ю. Ножиков. Еще одним экзотическим вариантом было предложение создать временный законодательный орган, верхней палатой которого будет КС, а нижней — представители региональных Советов.

Первым предложил начать «хоть какие-то человеческие переговоры» тот же Черномырдин, позвонивший в ночь на 27 сентября Воронину. Тот выставил в качестве предварительных условий включение всех систем жизнеобеспечения. Возможно, впрочем, что «штурм» в ночь на 27-е должен был изрядно напугать «осажденных» и заставить их пойти на переговоры.

Посредником для организации переговоров сторон стал патриарх Алексей II. 28 сентября депутаты обратились к нему с просьбой, «опираясь на влияние многомиллионной Православной церкви, приложить все усилия для преодоления распада России и развязывания гражданской войны и достижения национального согласия

нашего великого многонационального Отечества». В ответ патриарх опубликовал послание, в котором «слезно» призывал к диалогу и предложил сделать местом встречи его резиденцию — Свято-Данилов монастырь.

На переговоры с Кремлем были направлены председатели палат Верховного Совета — Рамазан Абдулатипов и Вениамин Соколов. Со стороны Ельцина в переговорах участвовали С. Филатов, О. Сосковец и Ю. Лужков. После долгих переговоров делегации подписали «Протокол № 1». Согласно протоколу, состоявшему всего из трех абзацев, стороны договаривались начать одновременно отвод войск от БД и разоружение сторонников парламента в обмен на то, что восстанавливалось жизнеобеспечение здания ВС. Оружие, розданное в БД, должно было быть собрано и складировано вместе со всем имеющимся в БД оружием. Охрана его должна производиться совместными контрольными группами из числа сотрудников ГУВД Москвы и Департамента охраны ДС. Протокол предусматривал также второй этап, в ходе которого предполагалось полностью снять вооруженное противостояние. Имелось в виду, что «выполнение задач второго этапа происходит при согласовании и выполнении политических и правовых гарантий».

Протокол был подписан в 2.30 в ночь на 2 октября. Естественно, что вряд ли переговорщики могли пойти на такой шаг без согласования с руководством ВС. Первыми выразили недовольство «силовики». Их отрицательная реакция вполне понятна: в процессе замирения они могли бы стать первыми сданными пешками. В штабе Ачалова прошло заседание «Военного совета обороны Дома Советов России». Баранников, Дунаев и Ачалов. Было заявлено, что Соколов превысил свои полномочия, подпи-

сав протокол без согласования со съездом, а само подписание было-де ошибкой, поскольку не были «выработаны условия вхождения в конституционное поле».

Для этого самого вхождения и требовалось денонсировать «Протокол № 1», а главное — легитимизировать всю тройку министров. Вопрос о нештатном оружии был вообще объявлен неправомочным, поскольку, мол, все оружие — штатное. Хасбулатов и Воронин сделали вид, что текст не был с ними согласован. Хотя Вениамин Соколов доказывал, что подписание протокола являлось, несмотря на превышение полномочий, реальным сдвигом и никоим образом не было капитулянтским. Руслан Хасбулатов и Юрий Воронин, а также другие выступающие подчеркнули недопустимость вычленения вопроса об оружии из общего списка проблем. В роли же *vox populi*¹ выступил некий студент из Ростова-на-Дону А. Бештоев, выражавший, по его словам, «настроения рядовых защитников ДС». Он заявил, что «никаких компромиссов с бывшим президентом, ныне государственным преступником, быть не может. Любой компромисс — это предательство». А чтобы еще сильнее повлиять на колеблющихся, Бештоев припугнул депутатов, что в случае ратификации протокола большинство защитников БД уйдет и «в следующий раз, когда президент «взбрыкнет», сюда никто не явится». Говорил ли он это от себя либо был специально подготовлен, неизвестно, однако, вероятно, его выступление, ставшее удобной зацепкой для радикалов, оказало некоторое влияние на съезд. Съезд, по предложению депутата Олега Плотникова, денонсировал протокол и поручил руководить общим переговорным про-

¹ Глас народа (*лат.*).

цессом первому заместителю председателя Верховного Совета Юрию Воронину.

Было объявлено, что протокол лишает БД оружия и при этом не предусматривает никаких гарантий «политического» деблокирования парламента. Неизвестный аналитик, чьи выводы, видимо, и были озвучены на заседании, писал: «Итого: остается только малость — вышвырнуть депутатов из здания». Исполняющий обязанности председателя «Союза офицеров» подполковник Чернобривко заявил, что разоружаться нельзя, так как в этом случае через полчаса после его сдачи БД будет очищен силовым методом. Кроме того, он отметил, что практически все оружие, находящееся на руках, является табельным и принадлежит Департаменту охраны. На разоружение можно пойти лишь в том случае, если будут разоружены сторонники Президента России Бориса Ельцина. «Силовиков» поддержал и Руцкой, публично заявлявший (и повторивший впоследствии эти заявления в своих мемуарах), что последним мероприятием по «Протоколу № 1» стал бы вывод руководства ВС «в наручниках».

Руслан Хасбулатов также отметил, что съезд пока не требует разоружения незаконно созданных Борисом Ельциным вооруженных формирований, в частности президентского полка, хотя и имеет все основания для этого. Созданная согласно «Протоколу № 1» группа экспертов была прогнана защитниками ВС, грубо заявившими, что никаких условий протокола, подписанного Соколовым и Абдулатиповым, они выполнять не будут, и потребовали, чтобы сотрудники милиции убирались от ДС туда, откуда появились.

Затем Хасбулатов выступил с заявлением, под которым подписались почти все члены президиума. В преам-

буле заявления констатировался факт осуществления в стране государственного переворота и подчеркивалось, что, во-первых, проблема оружия является составной частью урегулирования всего кризиса и решается лишь в соответствии с решениями Верховного Совета и съезда; во-вторых, подключение коммуникаций жизнеобеспечения БД должно быть предварительным условием для ведения переговоров; в-третьих, проблема оружия не является исключительной в общем спектре проблем и, кроме того, оружие защитникам здания Верховного Совета роздано в целях обороны; в-четвертых, кампания по якобы существующей проблеме оружия носит спекулятивный характер и имеет цель переложить вину за кризис в стране с тех, кто совершил переворот, на Верховный Совет и съезд народных депутатов.

Взамен «белодомовцы» предложили свой план:

«I этап

1. От здания Дома Советов отводятся все войска. Отвод считается завершенным к моменту размещения этих войск в казармах постоянного дислоцирования:

— ликвидация инженерных заграждений, снятие заградительных постов ОМОНа у станций метро и на основных магистральных направлениях в городе;

— полный и безусловный вывод всех подразделений внутренних войск, спецчастей и армейских частей, находящихся в территориальных границах г. Москвы по приказам, данным в течение последних 12 дней;

— контроль за отводом и выводом войск осуществляется совместно с представителями Дома Советов России и московских властей с использованием автомобилей и патрульных вертолетов.

2. Дом Советов России подключается ко всем систе-

мам жизнеобеспечения: электроэнергия, теплоснабжение, телефонная, телефаксная и телеграфная связь. Восстановление функционирования правительственной связи:

— обеспечивается беспрепятственный подвоз солянки для создания резервов топлива для внутреннего электрогенератора Дома Советов.

3. Обеспечивается и гарантируется свобода передвижений народных депутатов Российской Федерации, сотрудников аппарата Верховного Совета Российской Федерации, всех граждан, находившихся в блокаде, право свободного входа в Дом Советов и выхода из него. Исключаются попытки физического воздействия на кого-либо из них.

4. Обеспечиваются и гарантируются конституционные и гражданские права исполняющего обязанности Президента Российской Федерации и Председателя Верховного Совета Российской Федерации и их аппаратов.

5. Народным депутатам России предоставляется право проведения коллективных пресс-конференций в прямом телеэфире, а также индивидуальных выступлений в средствах массовой информации с разъяснением их позиции и происшедшего за 10 дней блокады Дома Советов.

6. Возобновляется выпуск всех печатных изданий и работа всех студий радио и телевидения, прекращенная незаконными распоряжениями в связи с попыткой государственного переворота.

7. Создается совместная комиссия с участием представителей от исполняющего обязанности президента, Верховного Совета Российской Федерации, ГУВД г. Москвы и прокуратуры г. Москвы для инвентаризации находящегося в Доме Советов России стрелкового оружия,

его складирования и сдачи под хранение. Табельное оружие сохраняется у личного состава службы охраны Дома Советов России.

8. Руководство Верховного Совета Российской Федерации и исполняющий обязанности Президента Российской Федерации при участии представителей Совета субъектов Российской Федерации приступают к переговорам с целью возвращения политической обстановки в стране в рамки Конституции и действующих законов.

9. X Чрезвычайный (внеочередной) съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации продолжают работу по рассмотрению и принятию решений, направленных на нормализацию обстановки в России и преодоление последствий государственного переворота. В первоочередном порядке рассматриваются проекты законов о парламенте, о президенте, а также по выборам президента и парламента.

II этап

1. Создание трехсторонней рабочей группы в составе представителей исполняющего обязанности Президента Российской Федерации, Верховного Совета Российской Федерации, с одной стороны, Совета субъектов Российской Федерации — с другой, а также Правительства Российской Федерации — с третьей, для рассмотрения комплекса конституционных, политических, экономических и социальных вопросов, решение которых определяется этапом подготовки к одновременным выборам президента и парламента.

2. Указанной комиссии поручается осуществить текущий контроль за доступом объективной информации в печать, а также на радио и телевидение».

Единственное, что можно сказать по поводу этого

плана, — это откровенное бесстыдство. Таким образом Хасбулатов и Руцкой пытались получить все, не отдавая при этом ничего (и это при том, что Ельцин и его окружение фактически согласились на их частичную легитимацию, а Руцкой еще формально оставался вице-президентом). Неудивительно, что «план» был с ходу отвергнут. Президент Ельцин и его пресс-служба возложили ответственность за аннулирование соглашения на парламент, а персонально — на Руцкого и Хасбулатова. Переговорный процесс зашел в тупик, не успев начаться по настоящему.

Его скорое возобновление было связано с усилиями и посредничеством Патриарха Всея Руси Алексия II. Членами новой делегации на переговорах с президентской стороной были назначены Воронин и народный депутат из Ульяновска юрист Домнина. Совет Республики принял решение повторно включить в группу, ведущую переговоры, Соколова. Впрочем, депутаты изначально не были настроены на компромисс. Как выразился один из них: «Какой компромисс, когда мы побеждаем». Показателем того, для чего использовались эти переговоры, может служить анонимный колофон (завершает запись) на подлиннике «Протокола № 1»: «Это опасный документ, хотя сами переговоры дали возможность выиграть время». Похоже, что руководство ВС, да и сам Руцкой, рассматривали переговоры как средство легитимации и возможность потянуть время, не собираясь ни о чем договариваться реально. В ночь на 1 октября, когда начался первый этап прямых переговоров между президентской властью и парламентом, А. Руцкой провозгласил: «Невозможны компромиссы с теми, кто создал в центре Москвы политический концлагерь».

Кроме времени депутаты получили и осязаемый материальный выигрыш. После подписания соглашения 2 октября в ДС включили электричество, отопление. В столовой стали готовить горячую пищу: сначала макароны с сосисками или вареной колбасой, затем даже котлеты и мясо с гречкой или макаронами.

К 10 часам утра 2 октября участники переговоров подписали программу мер по нормализации обстановки вокруг ДС. Она включала в себя:

- взаимное предоставление информации о планируемых действиях, касающихся состава вооруженных сил и их оружия;

- разработку совместного графика сокращения вооруженного потенциала и контроль за его выполнением;

- ликвидацию заграждений вокруг ДС;

- организацию совместной охраны мест хранения оружия;

- либерализацию режима пропуска граждан в ДС.

Последний протокол этих переговоров, № 3, был подписан в 0.40 3 октября. Но «благодаря» нежеланию «белодомовцев» договариваться он получился крайне обтекаемым и предполагал лишь дальнейшую проработку предложений экспертов. Фактически переговоры, шедшие до 16.00 3 октября, когда они были прерваны «для ознакомления с обстановкой», превратились в бесконечные ссоры и арену непомерных требований депутатов. К примеру, Вениамин Соколов, видимо пытавшийся таким образом реабилитировать себя, требовал предоставить парамилитарным формированиям¹ внутри БД статус гарнизона. Основным же требованием Воронина, которого он

¹ Парамилитарные формирования — полувоенные соединения, формируемые из числа гражданских лиц (прим. авт.).

придерживался до самого конца переговоров, стала отмена Указа № 1400 как якобы первопричины всех бед.

Параллельно с переговорами в Свято-Даниловом монастыре шли и переговоры с Черномырдиным. Сохранились их тезисы, написанные, по всей вероятности, Скоковым. «Ельцин правит в Москве, а не в России. Показать, что он не может управлять страной. Применение силы чревато гибелью президента и правительства. У Ельцина нет доверия. Если правительство возьмет на себя функции восстановления законности, то оно повысит свой авторитет. Если Черномырдин воспользуется возможностью, он создаст правительство». Впрочем, были и менее благостные варианты разговоров, предполагалось, что в худшем варианте Черномырдин будет объявлен «персонально сопричастным к государственному перевороту», будет отдан приказ о его аресте и пр.

Параллельно «белодомовцы» пытались вести международные переговоры, ограничивавшиеся контактами с американскими дипломатами, которых они, по своей вере в теорию заговора, считали чуть ли не кукловодами Ельцина. Однако и эти переговоры ни к чему не привели и стали лишь причиной повышенной нервозности дипломатов, опасавшихся начала войны и готовившихся к наплыву беженцев.

«Дубина народной войны»

Второго октября относительно спокойное течение противостояния на небольшом пятачке вокруг ДС внезапно исчезло. На смену ему пришли ожесточенные стычки совсем в других районах города.

Первой из них стал бой на Смоленской площади, начавшийся примерно в 15.00 2 октября на месте двух митингов, организованных Анпиловым и депутатом Виталием Уражцевым. Александр Коржаков описывал это следующим образом: «На перекрестке Арбата и Садового кольца толпа сторонников ВС прорвала заслон милиции и с камнями, палками и металлическими прутьями намеревалась двинуться навстречу президенту [приехавшему на празднование 500-летия Арбата. — С. Ч.]. В толпе мелькали плакаты «Убей Ельцина!», «Убей еврея, папа!». Узкими боковыми улочками огромный лимузин президента пробрался к месту остановки, и Ельцин спешно уехал». Потрясение Ельцина было тем сильнее, что он утром 2 октября по пути в Кремль остановился около здания ВС России и беседовал с сотрудниками милиции, стоявшими в оцеплении. Он интересовался настроением бойцов, их питанием, порядком смены караулов и в целом оценил ситуацию как контролируруемую.

Сами «патриоты» утверждали, что поводом к столкновению послужили действия ОМОНа, якобы убившего некоего «пожилого мужчину-инвалида» (по другой версии — учителя). Однако ни тогда, ни потом никто так и не на-

звал его фамилии. Кроме него, пострадавших с их стороны не было. Потом выяснилась одна пикантная деталь: этот инвалид первым ударил милиционера железной палкой, после чего получил ответный удар и был отвезен в больницу, откуда вышел уже выздоровевшим. Зато для милиции это закончилось шестью ранеными, некоторые из которых после этого были комиссованы. О «зверствах» милиции, которая как раз пыталась минимизировать потери, лучше всего говорит сохранившийся в расшифровках милицейских переговоров приказ не вытеснять демонстрантов на станцию метро «Смоленская» Филевской линии из-за крутых ступенек при входе. И еще одно распоряжение: «Не надо идти на контактный бой! Жертвы будут и у нас, и у них! Лучше примените спецсредства!» Согласимся, что это все же гуманнее, чем удары кирпичом по голове, что практиковала «оппозиция».

В ходе этого боя со стороны «общественности» числом около 5000 человек (по другой версии — полторы тысячи) применялись бутылки с зажигательной смесью, по некоторым данным, из газосварочного аппарата смастерили некое подобие огнемета, в качестве заграждения были подложены автомобильные покрышки. Состоялась рукопашная схватка с применением митингующими железной арматуры и камней. Затем милиция отошла, а Садовое кольцо перегородили баррикады, построенные в том числе и из перевернутых машин. Четыре были повернуты в одну сторону и одна — в другую. Они занимали очень небольшой участок — от выхода с Арбата и до метро «Смоленская». На одной баррикаде вывесили огромный белый транспарант: «Мы русские — с нами Бог!» Баррикады горели, туда все время подбрасывали ящики, это пламя издали было видно, и строители баррикад го-

ворили: «Кидайте больше ящиков, чтобы больше было пламя», — и говорили с суеверным ужасом и суеверным почтением: «Это пламя видят из окон Белого дома!» Все это продолжалось до вечера. На организованном там же митинге выступали лидер комсомольцев Маляров, прибывший на площадь уже после постройки баррикад Константинов, женщины из «Трудовой России». Все выступления носили ярко выраженный экстремистский, конфронтационный характер. Неоднократно повторялись призывы к насильственным действиям, к защите баррикад до победы. Константинов сказал, что находящиеся на баррикадах являются «солью земли Русской», что именно на них вся надежда, что нельзя верить тем политикам, которые за «вашиими спинами пойдут на сговор, на гнилые компромиссы», что бороться такими методами нужно до победы. Его слова встречались с горячим одобрением.

ОМОН все это время стоял на другой стороне площади и не вмешивался. В конце концов все тот же Илья Константинов договорился с ОМОНОм, что в 21.00 демонстранты разойдутся, а до того будет соблюдаться перемирие собравшихся. И действительно, в 21.00 Константинов увел своих сторонников, построившихся в колонны, через Арбат. Отметим, кстати, что если бы тогда «силовики» получили разрешение на применение огнестрельного оружия и бронетехники, то весь этот «очаг всенародного сопротивления» мгновенно исчез бы и на площади началась бы вторая Ходынка. Мы увидим, что когда подобное разрешение все же последует, штурмующая «Останкино» толпа за каких-то 10 — 15 минут превратится в стадо перепуганных баранов. Но разрешения стрелять (а значит, и штурма) не последовало, и «белодо-

мовцы» восприняли это как свою большую победу и слабость власти.

Депутаты отреагировали на побоище на Смоленской площади весьма специфическим образом. Было принято постановление съезда «О Комиссии X Чрезвычайного (внеочередного) съезда народных депутатов Российской Федерации по расследованию фактов физического насилия в отношении граждан в связи с государственным переворотом», интерпретировав таким образом слова митрополита Кирилла «быть мудрыми и спокойными, не допустить кровопролития». Во главе этой комиссии был поставлен депутат Сердюков, нынешний губернатор Ленинградской области. В компанию к нему были приданы не менее известные персонажи — Бабурин, Сергей Глотов, в 1997 году организовавший депутатское объединение «Анти-НАТО», влиятельный в Думе депутат Плотников и т. д. Членство в комиссии было делом достаточно выгодным, поскольку в перспективе давало доступ к закладам компромата буквально на всех и позволяло резко повысить политический вес после близкой победы, в чем депутаты, одурманенные собственной пропагандой, пока еще не сомневались (а если и сомневались, то не показывали). Параллельно было принято постановление «О комитетах защиты Конституции» — «общественных объединениях граждан и общественных организациях для защиты основ гражданского общества и правового государства, конституционных прав и свобод граждан».

С помощью этих организаций они, вероятно, надеялись «взорвать» ситуацию в провинции, разочаровавшись в региональной элите. В последней попытке привлечь к себе военных депутаты приняли предложенное Бабуриным постановление «Об обеспечении прав лиц, высту-

пивших на защиту конституционного строя», в котором предусматривалось, что все военнослужащие, прибывшие с места службы на защиту ДС, будут повышены в воинских званиях. Впрочем, легитимность этих постановлений с любой точки зрения была достаточно спорной — депутатов в здании (и в краснопресненском «филиале») оставалось все меньше. В тот же день, 2 октября, они волевым решением радикально снизили кворум с $\frac{2}{3}$ до 50%. А если учитывать, что более ста из них реально в здании не присутствовали и заранее передоверили свои голоса оставшимся коллегам, то легитимность получается и вовсе невысокая.

Продолжилась и пропагандистская война. Сторонники ДС уверяли москвичей в своих листовках, что среди блокирующих ДС войск, число которых якобы достигло 50 000 (хотя на самом деле, как мы видели, их было в 10 раз меньше), «есть специально подготовленные отряды боевиков, отличающихся особой жестокостью при избивании людей, сотни человек изуродованы и находятся в больницах». Называлась даже цифра в 20 убитых, которую утром 3 октября озвучил лично Хасбулатов. «Теперь древняя земля Москвы облита кровью мирных граждан», — пугала другая листовка. Руцкой же еще утром 2 октября обратился к жене умершего в больнице сотрудника аппарата БД Валентина Климова, пытавшегося пробиться на место работы и попавшего под милицейские дубинки. «Ваш муж и наш соратник стал жертвой насилия и террора, который обрушен на головы россиян ельцинским фашизмом», — вещал Руцкой, сообщавший далее, что от этого же «фашизма» гибнут люди и в «других городах России». Естественно, были обещаны суровые наказания: «Обещаю, что закон, суд праведный обрушит-

ся на головы тех, кто избивал и убил вашего мужа», — говорилось в обращении.

Вечером того же дня Руцкой еще больше усилил «градус» своего обращения. «Окружение Ельцина перешло к насилию», — заявлял и.о. президента, ни словом не осудивший действия своих сторонников на Смоленской площади. Он также пытался вызвать бунт в рядах «противника»: «Солдаты, ваши начальники выполняют волю обезумевшего Ельцина и его окружения, они постараются сравнить вас с такими же, как вы, русскими парнями <...> Мужчины! Час испытаний настал! Встаньте на сторону народа, а не воровского правительства Ельцина, Шумейко и Бурбулиса». В тот же день Руцкой в очередной раз обратился к гражданам России с призывом к гражданскому неповиновению, заявляя, что Кремль-де уже находится «в блокаде народного гнева и протеста» и достаточно сделать последнее усилие для того, чтобы он пал. Особо было подчеркнуто обращение к офицерам с призывом «не замарать офицерскую честь» (то, что в тот же час солдат призывали не верить командирам, оставалось за кадром).

Уличная же оппозиция объявила, что такого рода акции планируется проводить каждый день, вплоть до освобождения БД, а то и «до отставки Ельцина». Со своей стороны, телевидение показало столкновение на Смоленской площади в крайне невыгодном для демонстрантов ракурсе, представив их варварами-фанатиками.

Впрочем, Ельцин не счел ситуацию в Москве чем-то экстраординарным и вместе со многими сподвижниками уехал за город, оставив «на хозяйстве» Черномырдина и «силовики».

Впрочем, некоторые меры все же были приняты. Как

вспоминал позже Анатолий Куликов: «2 октября мы ощутили, что ситуация изменилась, а потому нами был создан резерв, находящийся в 15-минутной готовности, а командующий внутренними войсками Московского округа получил задачу на выдвижение в Москву тех частей внутренних войск, которые называются специальными моторизованными частями и несут службу в форменной одежде сотрудников милиции. Части из Владимира, Тулы, Орехово-Зуева, Сергиева Посада, учебные подразделения из Лунева и Тулы начали выдвигаться к столице. Они шли на помощь тем соединениям оперативного назначения, которые уже несли службу в Москве». Но было уже поздно.

Хотя первоначально ничто, казалось бы, не предвещало, что 3 октября будет ознаменовано отчаянной попыткой прорыва к ДС. Баррикады на Смоленской площади были разобраны, а оппозиция абсолютно не проявляла никакой активности в этом районе. Попытка примерно сотни демонстрантов перекрыть движение на Садовом кольце в 13.00 была мгновенно пресечена милицией. Единственное разрешение на митинг, полученное оппозицией, относилось к площади Гагарина, а местом сбора митингующих должна была служить Октябрьская площадь перед метро «Октябрьская».

Естественно, соответствующим образом были ориентированы московская милиция и ОМОН, выставившие сильные кордоны на пути возможного следования колонны и ограничившиеся небольшой и плохо вооруженной «цепочкой» на Крымском мосту. Однако вместо того, чтобы двинуться к площади Гагарина, колонна под началом депутатов Ильи Константинова и Виталия Уражцева неожиданно повернула назад и пошла к Крымскому мос-

ту, о чем, кстати, упоминают и сами сторонники ВС. Вот как описывал это один из свидетелей: «Вдруг толпа пришла в движение, раздались голоса: «Движемся к площади Гагарина!» Впереди образовалась колонна, которая, миновав шеренги милиционеров, заполнила всю ширину проспекта. Затем, сделав маневр, деликатно обойдя милицию, вернулась на Октябрьскую площадь. Какая-то часть людей поднялась на подножие памятника и начала митинг. Но голова колонны, вбирая все новых и новых людей, потекла вниз, к Парку культуры».

При этом она уже не была обычной мирной демонстрацией. В первых рядах шли боевики (или, если «патриотов» так больше устраивает, дружинники), вооруженные заточками, арматурой и пр. Под натиском этой колонны (там было, конечно, не 200 — 300 тысяч человек, как пишут «патриоты» и сочувствующие им, а раз в десять меньше) цепочка на Крымском мосту, понятное дело, удержаться не смогла и после отказа пропустить колонну была сметена. По многим свидетельствам, милиционеры, а точнее — курсанты Владимирской школы милиции, буквально летели кувырком по идущим с моста лестницам.

Естественно, взгляды сторонников и противников Ельцина на причины этого таинственного перемещения в сторону Крымского моста разнятся. Л. Сигал, к примеру, пишет о том, что сторонники ВС были «вытеснены» на Крымский вал. И им якобы ничего не оставалось, как идти вперед. По «Иванову» так вообще получается, что омововцы сознательно вытесняли «патриотов» в сторону ЦПКиО и Крымского моста, и он видит «странность» в том, что не был заблокирован Ленинский проспект. Хотя что уж тут странного, ведь именно по нему должна была

идти официально разрешенная демонстрация. Сам же «Иванов» пишет, что, когда «неожиданно выделившееся ядро колонны» рванулось в сторону БД около 14.20, «раздались недоуменные возгласы типа: «Вы куда? Мы же так не договаривались. Митинг назначен здесь, на Октябрьской». Но с Садового кольца уже неслись призывы: «Вперед, к Белому дому!..» Да и кроме того, если бы сторонники Ельцина целенаправленно оттесняли колонну к мосту, там был бы поставлен самый сильный заслон, встали бы грузовики с солдатами, а не та редкая цепочка в одну шеренгу, которая там находилась.

Впрочем, МВД начало действовать почти мгновенно. А.С. Куликов отдал приказ отряду «Витязь» выдвинуться к БД, а генералу Баскаеву — готовить все резервы, которые уже прибыли из Подмоскovie и располагались на улице Подбельского. Возможно, толпу смогли бы остановить на Смоленской площади, однако командовавший там В.И. Панкратов не сумел организовать оборону должным образом.

Первоначально все решительные действия руководства МВД не приносили никакой пользы — резервы вводились в действие группами по 100—300 человек, вооруженных в основном дубинками. Максимум, что могла сделать такая цепочка против 20—30-тысячной толпы, — это продержаться 5—10 минут, чтобы потом быть смятой. Колонна рвалась вперед, оттесняя милиционеров и солдат ВВ на Садовое кольцо, Новый Арбат, к станции метро «Баррикадная». Толпа таранила заграждения захваченными грузовиками, отнимала у милиционеров щиты и резиновые дубинки. Водометы, стоявшие на Смоленской площади, просто не успели развернуться на полную мощность. Один за другим таким образом пали заслоны

на Зубовской и Смоленской площадях, и вот демонстранты, или боевики, кому как нравится, увидели свой «Иерусалим».

Оставим их бежать и поговорим о причинах этого неожиданного успеха и дальнейших успехов «руцкистов».

Естественно, что руководство БД отрицает хоть какие-то планы по подготовке мятежа. Так, Хасбулатов пишет в своих воспоминаниях, что узнал о прорыве лишь в 16.00, когда «Уражцев буквально ворвался ко мне в кабинет со слезами и словами: «Прорвались!». Руцкой и вовсе не пишет о том, как он узнал о прорыве. Просто увидели, и все. Зато «белодомовские» лидеры, и среди них тот же Хасбулатов, еще 23 сентября списавший на Ельцина всю пролитую кровь, очень любят порассуждать о том, что демонстрантов, мол, спровоцировали. Говоря о провокации со стороны исполнительной власти, вспоминают отход милиционеров, блокировавших ДС, «забывая» о том, что большинство из них не было вооружено. Что же касаясь невозможности остановить прорывавшихся, то, как мы помним, основные ударные части ОМОНа стояли совсем не там, куда пошли демонстранты, а на переброску сил у милиции элементарно не хватало времени, если судить по радиоперехватам, и прибывали они не туда, куда надо было. Сохранился даже рассказ о трагикомической ситуации, когда автобусы с омонцами въехали в самую гущу этой демонстрации и их пассажирам пришлось выбираться по предоставленному коридору, бросив оружие и амуницию.

Да и неоткуда было перебрасывать значительные силы — как говорилось выше, значительная часть милиционеров стояла у площади Гагарина. А те, кто был не там, оказались прикованы к БД. И по некоторым свидетельст-

вам, баррикадников утром 3 октября держали в готовности к прорыву. Милицейские перехваты свидетельствуют, что утром 3 октября баррикадники демонстративно занимались заливкой бензина в бутылки, демонстрируя готовность к атаке. Эти свидетельства подтверждаются документами. Сохранилась записка, предлагающая Руцкому провести днем 3 октября отвлекающую демонстрацию в виде «митинга народного ополчения» с привлечением «двух взводов охраны в установленной форме одежды, с табельным оружием», чтобы помочь прорыву извне. Интересно, что в качестве пропагандистского прикрытия выступления Хасбулатов примерно в 14.00 распространил заявление о том, что якобы Ельцин «под прикрытием пропагандистской шумихи о «переговорах» <...> готовит нанесение силового удара по защитникам конституционного строя в Верховном Совете и взятие здания штурмом». Впрочем, как раз у сидевших в БД не было намерения завершать переговоры чем-то позитивным. Всего за три часа до обращения Хасбулатова Александр Руцкой охарактеризовал предложения противной стороны как неприемлемые и заявил, что, по его мнению, на «нулевой вариант» идти нельзя, так как это будет означать, что «Борис Ельцин со своими приспешниками останется у власти и о демократических выборах даже не придется говорить».

Вспомним также и завидную организованность «безоружных людей» на Смоленской площади, подтверждаемую, кстати, свидетельствами очевидцев из организованной тогда же «Левой сандружины» — добровольного объединения молодежи левых убеждений, помогавших всем раненым, невозможную без предварительной подготовки. Кроме того, непонятно, откуда у «неорганизованных»

демонстрантов взялись вдруг автопокрышки в количестве, достаточном для организации огненного барьера. Отметим и изменение типа колонны. По воспоминаниям одного из участников прорыва через Крымский мост, Константинов постоянно требовал, чтобы люди шли плотнее, чтобы увеличить ударную силу колонны. Интересно еще одно свидетельство участников этого прорыва: камни, которые демонстранты кидали в сторону омоновцев, были, видимо, принесены с собою, поскольку асфальт перед мостом оставался гладким. При столкновениях применялся следующий прием — пытались сорвать шлем и потом, когда шлем уже удавалось сорвать, били арматурой либо металлическим прутом.

А после прорыва цепочек демонстранты тщательно собирали омовскую и армейскую амуницию, оружие и пр., что вряд ли могло пригодиться мирным манифестантам. Подтверждением тому, что 2—3 числа действовали специально обученные люди, служит уникальное интервью, взятое представителями «Мемориала» у одного из активистов руководящего звена «Трудовой России». Говоря об ударной силе тех событий — дружинниках «Трудовой России» — он заметил: «Ну, будем говорить о том, что дружинники так были обучены, что они с этими омовцами, с этими милицейскими рас..., отобрали у них, по сути говоря у многих, щиты, палки голыми руками, потому что люди были в какой-то степени научены».

А для того чтобы еще сильнее разжечь свирепость нападавших, среди них целенаправленно распространяли слухи, что им противостоит уже не ОМОН, а «личная наемная охрана гг. Борового, Попова, Лужкова, Шумейко и т. д.». Таким образом, получалось, что речь идет не о столкновениях с представителями власти, а о борьбе с на-

емниками. Кроме того, ярость демонстрантов разжигали слухи о якобы более 20 убитых омоновцами сторонниках ВС. По-видимому, именно подобные разговоры привели к тому, что после прорыва цепочки на Крымском мосту раздавались возгласы «сбросить омоновцев в реку».

Все это вместе позволяет предположить, что 2—3 октября Ельцин столкнулся с тщательно спланированным заговором. Поскольку положение «белодомовцев» было куда более отчаянным, чем у Ельцина, и, понятное дело, при «нулевом варианте» прежде всего «разменяли» бы их, переговоры не привели к их легитимизации, а силовые структуры, как это стало ясно к концу сентября, не собирались переходить на их сторону, то единственный способ, которым они могли попытаться взять власть, — это молниеносный путч. Тем более что перед глазами у них уже были примеры Сурета Гусейнова и Тенгиза Китовани с Джабой Иоселиани, сумевших путем молниеносного натиска свергнуть порядок Звиада Гамсахурдиа и Абульфаза Эльчибея, обладая минимальными военными силами. Впрочем, первые наброски подобного плана относятся, вероятнее всего, к 23 — 24 сентября. В это время был подготовлен сохранившийся в архивах проект постановления съезда о введении в Москве и в стране ЧП со всеми его атрибутами — комендантским часом, запретом демонстраций и пр. Сохранились также «предложения», составленные примерно в самом конце сентября одной из групп аналитиков. Среди прочего в них значился п. 5: «Мероприятия исключительного характера: банки, «Останкино», «Шаболовка», «Новокузнецкая». Проводить эти мероприятия, ответственными за которые были назначены, судя по рукописным пометкам, Бовт, Баранников и кто-то еще (к сожалению, фамилия плохо читает-

ся), следовало с помощью отвлекающих маневров. Все эти предложения, вероятно, также легли в основу разрабатываемых планов. Кроме того, руководство ВС, как мы неоднократно упоминали, оказалось в плену собственной пропаганды и верило лишь тому, что ложилось в русло этой пропаганды. К примеру, большое влияние, видимо, оказала аналитическая записка некоего анонимного автора, составленная в БД вечером 2 октября или утром 3-го, который писал, что «сопротивление режиму Ельцина нарастает». Другой аналитик утверждал в записке, составленной около 4 часов утра, что Ельцин готовится вообще снять оцепление из-за нехватки сил и в «течение 3.10.1993 блокада БД будет прекращена».

При этом, похоже, намерения Руцкого наложились на план Анпилова и других радикал-коммунистов — созвать 3 октября «Всенародное вече народов СССР», на котором должны были объявить о реставрации почившего в бозе государства, а затем предпринять решительный штурм основных стратегических точек в Москве, дабы обеспечить успех переворота. Показательным является разговор, зафиксированный одной из опрошенных «Мемориалом» свидетельниц: «Виктор Михайлович, руководитель анпиловской боевой дружины, он с кем-то из соратников, на какой-то короткий эпизод они оказались рядом со мной: «Ну что, завтра драка будет?» — «Будет!». О существовании подобного же плана упоминали и другие интервьюируемые.

Итак, около 15.30 колонна достигла Нового Арбата и повернула к БД. Разогнав оцепление у пандуса мэрии, сторонники Руцкого разобрали «спираль Бруно» и прорвались к своим соратникам внутри кольца. Группы «защитников» пытались завести поливальные машины, по-

ставленные в ряд для прекращения доступа в БД. Как мы только что сказали, оцепление было разорвано. Один отряд МВД со щитами прятался под пандусом на подъезде к мэрии. Другая цепочка МВД стояла поперек набережной со стороны Центра международной торговли. Остальное оцепление пока что не было тронут.

Именно этим временем (15.45) многочисленные сторонники «патриотов» датируют якобы ничем не спровоцированный обстрел сторонников Руцкого из мэрии «из пулеметов и автоматов», который-де и послужил для них основанием для ответных действий. Среди прочего это позволяет им переложить на своих противников семь убитых в это время у БД милиционеров и мирных жителей. Выстрелы действительно были, и звучали они со стороны мэрии. Однако поскольку мало кто реально видел, что произошло, оставалось не ясным, из-за чего вспыхнула стрельба. Называют даже цифры погибших — то ли 6, то ли 7 демонстрантов. Однако, благодаря показаниям непосредственных свидетелей, присутствовавших на месте событий, записанным сотрудниками «Мемориала», можно реконструировать настоящую картину произошедшего. Стреляли солдаты, стоявшие у мэрии, но стреляли холостыми патронами, стремясь разогнать толпу. Еще одно свидетельство сохранилось на Интернет-форуме, посвященном обсуждению тех событий. Звучит оно так: «Самые шустрые перелезают через машины и оказываются между Домом Советов и мэрией. Там стоят БТРы с солдатами, автобусы с милицией. Причем и солдаты, и милиция себя чувствуют пока что еще защищенными от толпы теми самыми машинами. Все, кто перелез через машины, а их пока единицы, направляются к площади перед балконом Дома Советов и не обращают никакого

внимания ни на солдат, ни на милицию. В это время один из демонстрантов поворачивает не к Белому дому, а идет к группе усмехающихся милиционеров и начинает с ними словесную перепалку. Те недолго думая вчетвером или втроем валят его на асфальт и начинают бить ногами, чувствуя себя совершенно спокойно рядом с военным БТРом, на котором сидит солдат с автоматом и весело за всем наблюдает. Все происходит очень быстро. В это время с разных сторон, не сговариваясь между собой, человек десять демонстрантов бросаются на помощь своему товарищу. Милиционеры, до которых демонстрантам бежать метров тридцать, тут же исчезают. А солдат с автоматом, сидящий на БТРе, видит, что к нему бегут с десятков разъяренных мужиков. Он прыгает в люк своего БТРа и дает предупредительную очередь из автомата. Ствол направлен вертикально в небо.

Вот и прозвучал первый выстрел.

Далее происходит одновременно следующее. Мужики, бежавшие выручать товарища, бросаются наутек, а из мэрии выбегают человек тридцать омовцев с автоматами и открывают шквальный огонь поверх голов демонстрантов. Огонь продолжается несколько минут, несмотря на то, что еще в первые секунды все, кому дорога жизнь, уже попрятались. И в тот момент, когда всем становится понятно, что рожки омовских автоматов никогда не иссякнут, вдруг раздается короткая ответная очередь. Да, такая короткая из трех ровно выстрелов очередь из крупнокалиберного пулемета, который находится на одном из верхних этажей Дома Советов. Оттуда все происходившее было видно как на ладони и разобраться, что к чему и как всех угомонить, не составляло труда.

Ровно три выстрела, и на этот раз исчезли все омоновцы. Несколько минут тишины, а дальше Победа».

Большая часть «белодомовской» верхушки, включая и «министров», предполагала остановиться на прорыве и не идти дальше, хорошо понимая, что первый же выстрел со стороны сторонников БД даст Ельцину возможность объявить их путчистами. Журналисты видели министра обороны Ачалова, бегущего куда-то по лестнице и кричащего в передатчик: «Министр обороны приказал никому ни при каких обстоятельствах не стрелять! Это провокация! Занять оборону согласно боевым расчетам!» По другой версии, это был Баранников, который на ходу выкрикивал: «Это катастрофа!» Отметим, что в дальнейшем ни Ачалов, ни Баранников никаких активных действий не предпринимали.

Но кроме них в БД был еще и Александр Руцкой, видимо, решивший стяжать лавры великого стратега. В момент прорыва боевиков Руцкой несколько раз в прямом эфире требовал от милиционеров переходить на его сторону. Судя по сохранившимся записям радиоперехватов, ответы «служивых людей» были недвусмысленными: «Руцкой — чмо... Руцкой, гнида, на тебе не только кровь, не только <...> убитых афганцев... П... ты, Руцкой, козел, ты м..., х... б..., ты...».

Возможно, что силам МВД все же удалось локализовать беспорядки, однако около 16.00 командир Софринской бригады полковник Васильев обратился к Руцкому, опять же в прямом эфире, со следующими словами: «Руцкой Александр Владимирович. Обращается командир бригады Софринской Васильев. Бригада перешла на сторону Белого дома». В результате выступления Васильева около 500 омоновцев, милиционеров и софринцев фор-

мально перешли на сторону Руцкого или же, по другой версии, были взяты в плен, поскольку стояли практически безоружными (вскоре большинство из них бежало из ДС). Сам Васильев говорил позже, что обратился к Руцкому со словами: «Прошу не стрелять, я перехожу на вашу сторону», с одной лишь целью — вывести подчиненных, среди которых появились раненые, из-под огня. Впрочем, затем полковник проявил чудеса переметчивости. Около 18.00 он позвонил А.С. Куликову со словами готовности выполнить любой приказ. Будучи направленным в «Останкино», Васильев предпочел несколько часов отсиживаться в отдалении, вместо того чтобы подвезти оборонявшим телецентр спецназовцам боеприпасы. Позже он был с позором уволен.

А пока что «и.о. президента», обрадованный возможностью проявить полководческий талант и поставить на место чересчур осторожных «силовиков», уже отдавал первый приказ: «Васильев, двигайся в сторону и возьми гостиницу «Мир», положи этих сук, я тебя жду, я тебя прошу открыть огонь по верхним этажам гостиницы «Мир» и мэрии <...> Захватить этих сук, я тебя прошу, милый, дорогой, я тебя прошу, я тебя умоляю, прошу».

Одновременно в 16.05 Руцкой обратился к своим сторонникам с призывом занять мэрию и гостиницу «Мир», видимо, предполагая, что захватом этих двух зданий вся власть Ельцина рухнет. На импровизированном митинге он призвал: «Молодежь, боеспособные мужчины! Вот здесь, в левой части, строиться! Формировать отряды, и надо сегодня штурмом взять мэрию и «Останкино!» К нему присоединился и Руслан Хасбулатов: «Я призываю наших доблестных воинов привести сюда войска, танки для того, чтобы штурмом взять Кремль и узурпато-

ра бывшего — преступника Ельцина <...> Ельцин сегодня же должен быть заключен в Матросскую Тишину. Вся его продажная клика должна быть заключена...» Подчеркнем — демонстрантов бросили на штурм именно эти обращения, а не какой-то якобы имевшийся у них азарт.

При этом большинство стоявших в оцеплении милиционеров, как и большинство сотрудников силовых структур вообще, продолжало сохранять верность Ельцину. Радиоперехваты пестрят матерными ответами на «приказы» Руцкого и агитацию Васильева.

Последним, кто попытался остудить ситуацию, стал председатель Краснопресненского райсовета Александр Краснов, за несколько часов до того назначенный Руцким и.о. мэра Москвы. В прямом эфире он предложил Руцкому «не лезть на мэрию», поскольку-де обстановка и без того сложная. В ответ лишь последовало требование Руцкого взять всех «подонков», находящихся в мэрии и гостинице «Мир», живыми. Повторное обращение Краснова: «Не виноваты ребята, которых поставили здесь на охране, они ж не виноваты. Не надо кровь пускать из-за этого пидораса», — уже вообще ни к чему не привело. Руцкой, который, похоже, твердо уверился, что держит бога за бороду, ограничился коротким приказом: «Немедленно взять».

В 16.26 к Руцкому обращается полковник Васильев с заявлением о том, что его солдат обстреляли, двоих убили и «я знаю, откуда стреляли, я сам с ними сейчас разберусь». Это заявление все однозначно интерпретировали как свидетельство того, что сторонники президента первыми открыли огонь на поражение уже тогда. Но как в таком случае понимать начало этого обращения, которое почему-то опускается: «Я, полковник Васильев, обраща-

юсь к генерал-майору Руцкому. Прошу хладнокровия, не стрелять? Так что вопрос о том, на чьем счету жизни софринцев, остается открытым. Это действительно могли быть сторонники Ельцина, но могли быть также и сторонники Руцкого, вымещавшие на солдатах все свои страхи последних дней. Кстати, к вопросу о раненых. По воспоминаниям членов «Левой сандружины», действовавших у БД 3 октября, было *очень мало* раненых с огнестрельными ранениями, хотя стрельба, по некоторым данным, велась даже из гранатомета.

Впрочем, в какой-то момент показалось, что с гостиницей «Мир» все же разрешилось более или менее мирно. Краснов, завоевывая авторитет у будущих подчиненных, добился того, что гостиница была блокирована местной милицией, а всем находящимся там обеспечили свободный выход. Впрочем, затем в эфир вновь полились приказы взять «Мир» и арестовать всех, выполнявших распоряжения «преступника Ерина».

Пока шли эти переговоры, на штурм мэрии и гостиницы «Мир» во главе примерно 1500 человек рванулся Макашов, видимо уже грезивший о кресле министра обороны вместо «мягкотелого» Ачалова, призвавший «обрезать все телефонные связи» и «чиновников выкинуть на х... на улицу».

Первая попытка взять здание штурмом силами солдат из «полка» баркашовцев (у которых, единственных среди штурмующих, были автоматы) и демонстрантов провалилась — обороняющиеся отстреливались. Но отстреливались, кстати, судя по тому, что убитых при штурме не было, холостыми патронами, в отличие от своих контрагентов, паливших боевыми. Однако затем один из захваченных грузовиков, управляемый членами РНЕ, просто-

напросто разбил стеклянные стены первого этажа, после чего разъяренная толпа ворвалась в здание, а сопротивление его защитников было сломлено. Оборонявшиеся в здании омоновцы, разбив оставшиеся витрины, бежали в сторону Садового кольца (самое смешное, что затем эти витрины демонстрировались по ТВ как показатель бескультурия штурмовавших). Те же, кто не успел сбежать, сдались под гарантии безопасности. Потом Макашову приписали подвиг бескровной сдачи оборонявших мэрию людей. Впрочем, по сохранившимся свидетельствам, через мегафон к ним с обещанием безопасности в случае капитуляции обращался не Макашов, а Дунаев, что все же более логично.

Еще быстрее была взята гостиница «Мир», защитники которой, кстати, также отстреливались холостыми патронами. Там, правда, «белодомовцы» не пошли дальше первых двух этажей. К захвату гостиницы «Мир» относится и странный эпизод с двумя БТРами, которые, видимо, долго не могли определиться — с кем они. Однако брошенная кем-то бутылка с зажигательной смесью предопределила выбор экипажей броневиков. Оба БТРа срочно уехали, предварительно потушив пожар. Когда передовые атакующие, преодолев баррикады, двинулись по направлению к гостинице «Мир», цепочка МВД, охранявшая вход, стала отступать, не вступая в соприкосновение с толпой, и стремительно исчезла во дворе гостиницы и в переулке между гостиницей и посольством США. Солдаты ВВ так же, как и их коллеги из мэрии, бежали к Садовому кольцу, преследуемые камнями и улюлюканьем.

Здание мэрии было отдано под охрану баркашовцам с заданием обыскать его. Однако они так и не удосужились подняться выше пятого этажа, опасаясь засад и того, что

их запрет в лифтах, так что часть офицеров МВД, которые поднялись на верхние этажи здания, смогли отсидеться там. Кроме того, баркашовцы даже не удосужились провести тщательный обыск захваченных помещений. А ведь в одном из них, по воспоминаниям Альфреда Коха, тогда зам. председателя ГКИ, находились ваучеры на несколько десятков миллионов долларов.

С этого момента сторонники Руцкого перестали быть оппозицией и становятся мятежниками. Так мы их отныне и будем называть. Среди тех, кто попал в руки Макашова, был и заместитель Юрия Лужкова Александр Брагинский (сначала мятежники решили, что схватили управделами мэрии Василия Шахновского, но потом разобрались). Естественно, что стороны описывают его пленение по-разному. Согласно «патриотам», «особенно горячие головы, ожесточенные зверствами ОМОНа, пытались выместить злобу на задержанных, но любые попытки рукоприкладства немедленно пресекались. <...> сразу же после беседы с Руцким в его кабинете все задержанные были отпущены на волю». На самом же деле все было совсем по-иному. Впрочем, в воспоминаниях свидетелей и участников этих событий все же мелькают «окровавленные головы» милицейских чинов, курсантов, которых толпа готова была буквально разорвать на клочки, и избитых чиновников мэрии. Что же касается задержанного вице-премьера правительства Москвы, то его избивали долго и серьезно. Видевший его человек в интервью «Мемориалу» потом отметил, что вместо лица у Брагинского была «сплошная кровавая маска».

От смерти от побоев его спас депутат Илья Константинов. Однако Руцкой лишь бросил в адрес Брагинского: «В подвал его!», где несчастный чиновник и просидел до

ночи, когда был выпущен в рамках обмена пленными (более подробно см. в главе «Ночь печали»).

Сразу же после этого Руцкой, окрыленный своими победами, вновь вышел в эфир. «Я обращаюсь к постами милиции, я обращаюсь к ОМОНу, я обращаюсь к частям дивизии Дзержинского. Гостиница «Мир» блокирована софринской бригадой, мэрия сдалась, переходите на сторону народа. Арестовывайте тех, кто отдавал вам преступные приказы, я гарантирую вам защиту закона», — неслось по волнам милицейских радиостанций. Однако ответы на эти обращения были отрицательными и, за редкими исключениями, непечатными:

- Тебя первого, козла, арестовать надо.
- Вы зае...
- Руцкой, ты смертник.
- Руцкой, будь ты трижды распроклят, таракан усатый.
- Ты сам не понимаешь, что творишь. Убийца. Чмо.
- Иди выйди в лес и застрелись.
- Руцкой — убийца.
- Ты предал народ, собака.
- Руцкой — козел.
- Петух гамбургский.
- Руцкой! Что же ты прядешься за спины людей? Не хорошо врать, чего ты врешь — твои люди и стреляют!

Впрочем, к этому моменту рядом с БД уже почти не осталось ни милиции, ни внутренних войск, за исключением людей, которых привел Васильев. Начиная с 16.00 все подразделения уходили из этого района, повинувшись приказу командующего ВВ Анатолия Куликова. Иные же просто разбегались, бросая технику. Мятежники иногда пытались линчевать беглецов, но обычно быстро оставались более умеренными элементами. Некоторых

милиционеров взяли в плен и привели в ДС приднестровцы.

В 16.45 мятежники сделали новую попытку перетянуть милиционеров на свою сторону. Захватив милицейскую рацию, сторонники Руцкого вышли в эфир, используя один из известных им позывных МВД, «Воскресенск», со следующим призывом: «Мы перешли на сторону народа. Обращаюсь к вам — переходите на сторону народа, ребята, мы же все вместе, мы все на стороне народа». Но и эта попытка окончилась неудачей. Поскольку назвать реальную фамилию офицера, имевшего этот позывной, мятежники не могли, то и веры их словам не было. Не способствовали желанию милиции переходить на сторону ВС и многочисленные угрозы Руцкого, вроде предложения к сержантам-постовым: «Переходите, ребята, к нам — офицерами будете. Все равно мы всех выше капитана расстреляем!» — и угрозы о наличии списка из 90 офицеров, которые будут «строго наказаны».

Был также проигнорирован приказ Руцкого о сборе «верных Конституции командиров частей в БД».

Впрочем, для Руцкого это было уже неважно. Он буквально упивался своей полной, как он полагал, победой. На милицейских волнах он издевательски обратился к сотрудникам МВД: «Что, ребята, обкакались? Я тут из Белого дома работаю».

Затем на вопрос «Руцкой, это война?» он ответил следующее, буквально предвосхитив российских генералов в Чечне: «Нет, дорогой, это наведение элементарного порядка согласно Конституции».

В 17.20 к БД подошла вторая колонна, шедшая от Зубовской площади. «Патриоты» оценивали ее численность

в 200 тысяч человек, однако материалы радиоперехватов, не предназначавшиеся для посторонних ушей, говорят о количестве людей в 40 раз меньше. Только что закончивший захват и «очистку» мэрии Макашов, уже, видимо, почувствовавший себя кем-то вроде демиурга, выступил с балкона мэрии с краткой речью, закончив ее выражением, которое запечатлел ряд телекамер: «Больше нет ни мэров, ни пэров, ни херов!», и поставил следующую задачу: «На Останкино!» «Мы не должны успокаиваться, это еще не полная победа, перед нами стоят задачи: взять следующие объекты!» — подчеркнул генерал. А чтобы поднять боевой дух у своих соратников, Макашов приказал поднять на флагштоке флаг СССР, а российский триколор немедля сжечь. Следом выступил Илья Константинов, объявивший, что у мятежников есть «любое оружие вплоть до ракет». Эти хвастливые слова впоследствии будут дорого стоить десяткам людей, нашедших свою смерть или потерявших здоровье в столкновениях с солдатами, уверенными, что им противостоят вооруженные до зубов боевики.

В прямом эфире был отдан приказ арестовать генералов Панкратова и Огородникова. Кроме того, именно в это время был срочно обнародован список тех, кого таможенными органами и пограничникам предписывалось задержать при выезде за рубеж и доставить в БД. В нем фигурировали следующие сторонники Ельцина (порядок следования сохранен по документу): Черномырдин, Шумейко, Полторанин, Чубайс, Шахрай, Филатов, Костилов, Илюшин, Калмыков, адвокат Макаров, Коржаков, Барсуков, Козырев, Собчак, Лужков, Ерин и Голушко. То есть вначале шли члены правительства, активно поддерживавшие Ельцина, потом личные «обидчики» Руцкого

из Межведомственной комиссии по коррупции, а уже потом все остальные. Видимо, документ этот готовился весьма долго, что и объясняет подобные наслоения. В этом списке не было лишь трех человек — Ельцина, Гайдара и Грачева. Как вспоминал позже Гайдар, по слухам, «с этой троицей было приказано разобраться на месте». Кроме того, угрозы в адрес тех, кто не подчинился «законной власти», буквально переполнили эфир. Руцкой обещал «добраться» до каждого, кто, по его мнению, его оскорбил, еще до утра 4 октября.

Вообще среди сторонников БД, по всем воспоминаниям, царила невиданная эйфория. Как говорил один из участников событий, «народ почувствовал, что если не власть, то 50 процентов победы за ними». Прорыв блокады рассматривался рядовыми «белодомовцами» как чудо. Эти настроения заразили и верхушку БД. Вспомним слова Макашова и Константинова.

В том же ряду находится Сергей Бабурин, надменно заявивший (по разным версиям Ачалову или Баранникову), что «восставший народ» теперь сам все сделает без помощи «силовиков». А Илья Константинов объявил корреспондентам: «Мы возьмем все правительственные здания и установим свою власть в России». О царившей в головах каше лучше всего говорят зафиксированные безымянным наблюдателем слова Хасбулатова: «Граждане! Товарищи! Все смешалось в доме Обломовых!»

У этой эйфории были основания — милиция и ОМОН практически исчезли с городских улиц. Впрочем, вот как это исчезновение объясняет А.С. Куликов. По его словам, он принял решение временно вывести ОМСДОН в пункты постоянной дислокации, вооружить и вернуть в Москву. По воспоминаниям Куликова, Ерин, к которому

он обратился с этим предложением, возмутился: «Ты что? Ты представляешь себе последствия? Бросить город на разграбление... Нет, А.С., я запрещаю!» Для того чтобы добиться своего, Куликов схитрил и объявил Ерину, что имеется соответствующее решение военного совета. Отстаивая свою точку зрения, он писал позже в своих мемуарах: «Но, положив руку на сердце, большую ли опасность для боевиков представляли чуть более двух тысяч безоружных солдат, которых любая попавшаяся на пути кучка мятежников готова была растерзать на куски? К тому же были попытки захватить бронетранспортеры, а некоторые даже подожгли, но нам их удалось погасить. Если бы мы тогда не вывели войска, то штурм телецентра «Останкино» и других объектов происходил бы с применением захваченной бронетехники». Мысли, конечно, правильные, если бы не одно «но» — временный уход ОМСДОНа привел к тому, что у многих сложилось впечатление, что все рухнуло.

Руцкой ощущает себя полным победителем, о чем также напишет в своих мемуарах. Там же он упоминает о тут же написанной им листовке с призывом к жителям Москвы соблюдать спокойствие, не допускать самосудов и объявлением об окончательной смене власти. Но он ни словом не упомянет еще об одном документе — обращении, подписанном им и Хасбулатовым и прямо противоположном по тону всяким мирным инициативам. Вот оно: «Дорогие сограждане! Братья и сестры! Настал решительный час борьбы за нашу Родину, за жизнь и будущее наших детей. Клика Б. Ельцина, узурпировавшая власть, рушится. Русский народ не удалось задержать полицейскими провокациями и террором. Под мощным натиском безоружных людей дрогнули специально обу-

ченные цепи боевиков. Народ прорвался к Дому Советов, ставшему символом борьбы за нашу свободу и счастье». После этого вступления следовала часть, свидетельствующая о том, что руководство ДС собиралось продолжать мятеж и было уверено в том, что впереди еще ждут кровавые столкновения. «Дорогие друзья! Победа еще не окончательна. Против вас могут быть двинуты вооруженные формирования под руководством продажных командиров. Их поддерживают прихвостни и приспешники Ельцина. Обращаемся к трудовым коллективам — не выполняйте незаконных указов и распоряжений, объединяйтесь вокруг законно избранных органов власти — Советов народных депутатов, поддержите конкретными делами народовластие и законность». В это же время строились готовившиеся ехать в «Останкино» боевики и пачками выписывались пропуска следующего содержания: «Податель сего имеет право свободного прохода повсюду. Просьба всем гражданским и военным лицам оказывать всяческое содействие предъявителю пропуска», превращавшие их обладателей во всевластных комиссаров.

В 18.07, когда началось последнее реальное заседание съезда, депутаты были в приподнятом настроении. Поскольку блокада была прорвана, к ним присоединились депутаты, работавшие в Краснопресненском районном Совете. Сохранился краткий конспект речи Руслана Хасбулатова, в принципе подтверждающий, что звучала она весьма воинственно — так, как ее и передали присутствовавшие там журналисты: «Мэрия взята. «Останкино» взято. Сегодня же обязательно нужно взять Кремль». Эйфория, впрочем, не помешала депутатам принять последний в их деятельности депутатский запрос. Он был адресован в КС и касался толкования постановления КС от

22 сентября о неконституционности Указа № 1400. Депутаты требовали, чтобы КС издал постановление о конституционности опубликованных в качестве приложений к указу «Положения о выборах депутатов Государственной думы» и «Положения о федеральных органах власти на переходный период». Учитывая то, что представителем от съезда на рассмотрение этих документов был назначен В. Исаков, вердикт ожидался соответствующий — отрицательный.

Впрочем, развитие событий уже не зависело ни от Хасбулатова, ни от Руцкого. Свой шанс они упустили, хотя пока что не знали об этом. Начиналась Ночь печали.

Штосс, или Ночь печали

Если бы сторонники ВС, прорвав блокаду и заняв мэрию, остановились бы на этом, то, вероятнее всего, у них появился бы шанс добиться своей легализации в качестве стороны конфликта. Однако их, как рядовых, так и руководителей, опьянила и совершенно лишила рассудка случайная удача и неготовность «силовиков» к жестким действиям. Видимо, решив, что если повезло в первый раз, то повезет и во второй, и помня о том, что «наглость города берет», Руцкой объявил о необходимости захватить «Останкино» (позже он кокетливо признавал, что «мой порыв не был достаточно продуман»). Потом Бабурин будет утверждать, что штурм мэрии и поход в «Останкино» были, мол, частью тщательно спланированного сценария. По другой версии, отстаивавшейся, в частности, Руцким, пытавшимся снять с себя ответственность за пролитую кровь, это был чуть ли не стихийный порыв, а Макашов уже поехал следом.

На самом деле попытка взять «Останкино» штурмом была отнюдь не стихийной. Фактически с первых же дней противостояния оппозиция стремилась пробиться на телеэфир. Уже 22 сентября пришло решение об отстранении Брагина и замене его В. Лазуткиным. Параллельно депутаты и тот же Руцкой обращались к Брагину, требуя от него выделить им прямой эфир. Неизвестный аналитик из окружения Руцкого и Хасбулатова рекомендовал в записке, составленной 3 октября, «пробить информаци-

онную блокаду любой ценой», в противном же случае «любой ценой реализовать» решение о прекращении вещания из «Останкино». Они надеялись, что после получения эфира смогут переломить ситуацию в свою пользу. И надо сказать, что надежды эти не были беспочвенными.

Тогдашний пресс-секретарь Ельцина В. Костиков, человек, достаточно хорошо знакомый с воздействием печатного слова, писал, что «все эти часы демократия в России висела буквально на волоске». По его словам, «если бы путчистам удалось захватить «Останкино» и выйти в эфир с заявлением о крахе Ельцина и с обращением к войскам, возможно, войска так и не пришли бы на помощь президенту». Кроме того, на сторону Руцкого, возможно, перешла бы часть регионов, решивших, что ситуация радикально изменилась.

Еще одной причиной, по которой сторонники Верховного Совета так и не пошли на штурм Кремля, а двинулись к телецентру, было то, что многие из них разбирали оружие, выдававшееся почти до утра, чуть ли не по водительским удостоверениям, абсолютно не для того, чтобы положить свои головы под огнем солдат Кремлевского полка и ГУО. Часть элементарно продала полученные «стволы». По некоторым данным, уже через 3—4 часа после начала раздачи оружия им торговали на ряде рынков по цене 1000 — 1200 долларов. Многие же из тех, кто оружие не продал, предпочли исчезнуть в неизвестном направлении. Некоторые «стволы» всплывали через несколько лет. Так, в январе 2003 года был арестован некий В. Славгородский, пользовавшийся похищенным в те дни автоматом в течение почти 10 лет, ведя «парти-

занскую войну», а проще говоря — занимаясь грабежами и убийствами.

Кроме того, из возможных стратегических объектов «Останкино», даже не огороженное забором, представлялось наиболее легкой добычей, в отличие от мгновенно ошестившегося оружием Кремля. Многие полагали, что власть Ельцина рухнула и телевидение само откроет ворота, постаравшись умиловить «победителей». Некоторые основания для этого были. В момент деблокирования БД дикторы уже называли толпу «восставшими», а стоявших в оцеплении — «лицами в милицейской форме». Кроме того, Анпилов, как бывший сотрудник Гостелерадио, мог достаточно быстро наладить работу студий. Тогдашний председатель Гостелерадио В. Брагин, похоже, предчувствовал, что в его вотчине развернется война, а потому в 16.00 большинство сотрудников ТВ было отпущено по домам.

Впрочем, «битва за «Останкино» была проиграна еще до ее начала, когда Руцкой назначил командующим генерала Альберта Макашова, который не провел ни одной реальной боевой операции в своей жизни и отличался прямо-таки феноменальной неудачливостью. Не стало исключением и противостояние Ельцина и ВС, когда Макашов получил от Руцкого пост зам. министра обороны. Уже первая акция, в которой Макашов участвовал как командир, окончилась конфузом. 22 сентября он во главе группы из 11 человек ворвался в узел связи ГКЧС. Однако храбрый генерал не удосужился узнать, что связь там была отключена на плановый осмотр. Но особенно сильно его неспособность, бездарность и невезучесть проявились в «Останкино». Вначале генерал держал речь перед своими сторонниками у БД, призывая их садиться

в автобусы и объявляя о походе в «Останкино». Это затянуло посадку почти на полчаса.

Позже «патриоты» обвиняли Министерство обороны и МВД в организации провокации, ссылаясь на то, что, по словам П. Грачева, в «Останкино» было около 500 солдат, а противостояли им всего 100 вооруженных сторонников Руцкого (приднестровских спецназовцев, бывших прибалтийских омоновцев, членов группы «Север» и пр.) и несколько тысяч безоружных демонстрантов. Однако все забывают, что войска, если их и было столько, были рассредоточены по разным объектам. Кроме того, никто не знал, каких размеров будет толпа штурмующих. Да и говорить о безоружности демонстрантов сложно — арматура, заточки, ножи, дубинки, бутылки с зажигательной смесью — тоже вполне пригодное для боя оружие. Тем более что вот еще одно свидетельство члена так называемойлевой сандружины — добровольного объединения молодежи левых убеждений, оказывавших помощь раненым 3—4 октября, записанное «Мемориалом», — о безоружности штурмующих: «Многие были вооружены так: «АКС», гранатомет, пистолет, нож и несколько гранат на поясе». Остается только сказать: «No comments»¹.

Итак, Макашов первоначально потерял много времени, формируя свою группу захвата. Всего в его колонну под красными и черно-желто-коричневыми имперскими знаменами вошли 10 военных грузовиков и автобус, в котором и разместились его боевики. Кроме того, к телецентру подтягивались ведомые Анпиловым демонстранты (около 10—12 тысяч человек). Прибыв в телецентр в 17.45, Макашов прежде всего упустил инициативу. Гене-

¹ Без комментариев (англ.).

рал, опьяненный своей «победой» в мэрии, потребовал от защитников телецентра сдаться без боя, предполагая, что в случае отказа телецентр будет взят штурмом так же, как и мэрия. Эти же настроения подогревал в собравшихся Анпилов, объявлявший, что еще несколько часов — и победа. Однако, пока Макашов предъявлял ультиматумы и митинговал, ситуация резко изменилась. «Дзержинцев» за город сопровождал спецназ МВД «Витязь». Когда же вэвээшники вышли за кольцевую дорогу, А. Куликов приказал командиру «Витязя» С. Лысюку во что бы то ни стало успеть к «Останкино» раньше Макашова. «Витязи», едва не столкнувшиеся по дороге с колоннами сторонников Руцкого на проспекте Мира (Лысюк запросил тогда у Куликова санкцию на то, чтобы открыть огонь на поражение, но Куликов, видимо, предпочел не открывать стрельбы посреди проспекта), вынуждены были для того, чтобы их пропустили, вывесить красные знамена. Отсюда, кстати, среди демонстрантов пошла легенда о переходе на сторону мятежников военных частей. Но, в общем, Сергей Лысюк успел буквально за десять минут до того, как подошли автобусы с боевиками. Кроме того, к телекомплексу стянули остатки еще нескольких подразделений. Пресловутый полковник Васильев также явился было, но затем при первых же звуках стрельбы лег на дно и три часа не давал о себе знать, выжидая, чья возьмет, после чего, по некоторым данным, отошел вообще за МКАД, где и находился до начала штурма БД. Только тогда полковник наконец решился «всплыть».

Общее командование в комплексе принял генерал Павел Голубец, прибывший в «Останкино» в 18.30, на плечи которого и легла задача оборонять широко разбросанный комплекс от неизвестного количества боевиков

(напомним, что по Москве в это время ходили самые дикие слухи). Напомним, что в случае прорыва боевиков в телерадиокомплекс и выступления Рудского могло начаться бегство колебавшихся чиновников и «силовиков», так что задача у Голубца была сверхсложной. О том же, что вещание можно вырубить, просто отключив подачу электроэнергии, в этот вечер никто не вспомнил — и не по злонамеренности Ельцина и его окружения, как то утверждают некоторые «патриоты», — просто забыли в суматохе, как Наполеон при Ватерлоо забыл о своей пехоте.

Напомним, что полтора часа Макашов митинговал и предъявлял руководству телевидения хамские ультиматумы, вроде «если найдутся придурки, которые будут стрелять, мы сделаем так, что им останется только: чемодан — вокзал — Израиль... Если какой-нибудь придурок сделает хотя бы один выстрел, он потеряет свою жизнь, себя, все!». Если бы он попытался бросить на штурм все, что имел, в самом начале, то, возможно, генералу удалось бы сломить сопротивление «витязей» и на крови въехать все же в «Останкино». Однако он, да и большинство его сторонников, увлеченные мифологемой о народном восстании, были свято уверены, что телецентр сдастся без боя, как это обычно бывает в фильмах и книгах о народной революции. Спецназовцы и милиционеры, воспользовавшись этим, тянули время, ожидая подкреплений.

Интересно, что при этом митингующие абсолютно не представляли себе, что все передачи идут не из телецентра, напротив которого они митинговали, а из находившегося неподалеку АСК-3. По заявлениям «Иванова», милицейская охрана этого здания якобы была готова перейти на сторону демонстрантов, но была удержана «витязями», которые перешли туда по подземному переходу.

Впрочем, около семи вечера Макашов понял, что угрозы и угрозы не помогут, и наконец решился на штурм АСК. Предполагалось повторить принесший генералу такой успех при штурме мэрии маневр с выбиванием стекол на первом этаже с помощью грузовика. Вот как описывает дальнейшие события «Иванов»: «Грузовик выдавил только наружные двери в техцентр. Предлагалось распахнуть и отстоящие от них на метр внутренние двери, пожертвовав крышей кабины грузовика, которая уже начала застревать под нависающим полусферой козырьком подъезда. В результате внутренние двери техцентра остались закрытыми, из них только вылетели стекла. Эти двери образовали полутораметровый алюминиевый барьер, представлявший серьезное препятствие в случае штурма техцентра, а с пролета широкой лестницы в нашу сторону выглядывали несколько автоматов и ствол ручного пулемета.

Как только грузовик со скрежетом стал застревать под козырьком подъезда, Макашов приказал отвести его назад и запретил кому-либо лезть в распахнутые внешние двери. Закрытые внутренние двери, способные стать смертельным препятствием, Макашов не стал выбивать, видимо рассчитывая на чисто мирный исход <...> Макашов повторил то, что говорил раньше, и добавил, что дает три минуты на размышление. Эмвэдэшник выслушал и ответил, что ему нужно 10 минут, чтобы связаться со своим начальством. В этот момент кто-то сзади крикнул, что у нас есть гранатомет. Макашов тут же использовал эту информацию и сурово предупредил, что если они посмеют сделать по демонстрантам хотя бы один выстрел, их подавят из гранатомета».

Понятно, что подобные заявления в сочетании с би-

тьем стекол не напугали, а лишь разозлили спецназовцев. Впрочем, по показаниям некоторых свидетелей, Макашов сначала дал три минуты на размышление оборонявшимся и, не дотерпев до конца, приказал грузовику таранить двери. План штурма, видимо, родился на ходу по аналогии со штурмом мэрии. Тяжелые грузовики должны были пробить проходы на первый этаж, а затем толпа, вооруженная железными прутьями, дубинками, бутылками с горючей смесью, могла бы ворваться в АСК.

О том, что случилось далее, версии сторон расходятся. Согласно официальной версии, тот самый пресловутый гранатометчик все же выстрелил в 19.10, после чего «витязи» немедленно открыли ответный огонь, быстро подавив возможное сопротивление. Кроме того, выстрелами из толпы были убиты видеоинженер Сергей Красильников и спецназовец Николай Ситников (последний погиб якобы от выстрела того самого гранатометчика, раненного перед этим).

«Патриоты» предлагают свою версию — согласно ей, обстрел начался беспричинно, после неких взрывов, и велся крайне жестоко — «витязи» якобы расстреливали все живое, БТРы чуть ли не давили людей живьем и пр., а Красильников и Ситников были убиты самими спецназовцами — для оправдания расстрелов. Для доказательства последнего приводят, в частности, мнение следователей, расследовавших события 3—4 октября, согласно которым Ситников мог быть убит исключительно из подствольного гранатомета, которого у штурмовавших якобы не было. Однако не стоит забывать, что среди штурмующих были, по их же собственному признанию, приднестровцы, которые вполне могли привезти подствольный гранатомет, добытый со складов 14-й армии. Что же касаемо

Красильникова, то из материалов следственной группы, публиковавшихся в газете «Совершенно секретно», видно, что он был убит в коридоре на первом этаже АСК в зоне прямой видимости от главного входа в здание, который некоторое время контролировали боевики. Есть и еще одна версия — свидетельство оператора, снимавшего эти события, согласно которому выстрел все-таки имел место.

Сравнение этих версий и показаний свидетелей событий, хранящихся в «Мемориале», позволяет признать справедливой промежуточную версию. Согласно ей, спецназовцы решили подстрелить только гранатометчика, однако тот, падая, все же успел выстрелить в ответ, после чего и началась перестрелка.

То, что большинство свидетелей не слышали выстрела, сразившего гранатометчика, вполне объяснимо — стреляли из бесшумной винтовки, имевшейся на вооружении у спецназа.

Громкий хлопок, услышанный практически всеми участниками штурма АСК, стал началом ожесточенной перестрелки, когда под огонь попали сотни людей. Когда стрельба стала особенно ожесточенной, Брагин в 19.30 по приказу Черномырдина приказал отключить вещание Первого и Четвертого каналов, а также радиостанций «Орбита» и «Маяк» по принципу, «чтоб врагу не доставалось». Подобный информационный вакуум, а особенно появившаяся на телеэкранах надпись «Вещание прервано ворвавшейся в студии вооруженной толпой» привели многих в состояние шока. Остается понять, как же мог отдать подобный приказ Черномырдин, хорошо понимающий, каким будет воздействие погасших экранов на телезрителей. Ответ, похоже, весьма прост. Ведь в эти

часы информирование высших чиновников происходило в основном с помощью рассеянных по всему городу журналистов (см. ниже). Были они, конечно, и у «Останкино». А поскольку в толпе циркулировали самые разнообразные слухи — в том числе и о взятии первых двух этажей АСК, что зафиксировано информаторами «Мемориала», — то нет ничего невероятного в том, что слухи эти были оперативно доложены Черномырдину, и премьер на всякий случай решил перестраховаться. Впрочем, толпе не удалось не то что ворваться в студии, а даже продвинуться сколько-нибудь далеко по АСК.

Казаки пытались забросать «витязей» бутылками с бензином, но неудачно. Они лишь подожгли угол АСК, вскоре, впрочем, потухший.

Но это не сломило оборонявшихся. Солдаты и омовцы, засевшие в здании телецентра, хорошо понимали, что назад пути уже не было — в случае капитуляции их просто разорвала бы на части разъяренная толпа. Но практически ничего не видя в темноте, оборонявшиеся, напуганные разговорами о хорошем вооружении боевиков, с криками «Всех тут убьем!» и похвалой самих мятежников, вроде печально знаменитой фразы И. Константинова, палили по всему, что двигалось, не доверяя никаким словам о нейтралитете и пр. Действовал принцип войны: «или ты — или тебя». Именно поэтому погиб ряд журналистов, снимавших происходившее: блики и звуки их камер были приняты за лазерные прицелы и стрельбу, а также людей, пытавшихся вытащить из-под огня раненых — судя по всему, «витязи» не верили никому из находившихся на площади и в прилегающем парке. А поскольку «вожди» никак не проинструктировали своих соратников о действиях в случае массированного об-

стрела, то недавние самоуверенные «почти-победители» в ужасе заметались по пространству перед АСК, попадая под перекрестный огонь. Результатом этого бега в ночи и «чрезмерно жестких», даже по позднейшим официальным данным, действий оборонявшихся стало 46 убитых и 124 раненых, включая американского юриста Тери Данкана, вытаскивавшего раненых, французского кинооператора Ивана Скопана, режиссера документальных фильмов Александра Синельникова. Часть раненых была вывезена сотрудниками «Скорой помощи», работавшими вместе с членами «Левой сандружины» практически под огнем, а часть — добровольцами на личных автомашинах.

Впрочем, битва за «Останкино» выявила совершенно новую черту жителей Москвы — готовность наблюдать за зрелищем даже ценой риска для жизни. По воспоминаниям членов «Левой сандружины», немалую часть раненых составили местные жители, пришедшие «посмотреть» на занятное зрелище с детьми и собаками. «Патриоты» позже использовали этот факт, чтобы расписать «ельцинистов», «ранивших ничего не подозревавших [а на самом деле, все отлично знавших любопытных. — С. Ч.] мирных жителей» черной краской погуще. Впрочем, российские и западные зрители увидели этих зевак крупным планом на следующий день (см. гл. «Пушки вместо слов»), что, конечно, потрясло западных обывателей до глубины души.

Ориентируясь исключительно на звуки стрельбы, спецназовцы, засевшие в АСК-1 и АСК-3, даже едва не обстреляли друг друга. Приходившие им на помощь БТРы, не обладавшие нужной информацией, также стреляли во все стороны.

Чем дальше, тем больше Макашову, Константинову и

Анпилову становилось ясно, что они проиграли. На помощь оборонявшимся подходили все новые и новые подкрепления. И хотя были они небольшими по размеру — к полуночи Голубец располагал примерно 900 бойцами при 25 БТРах, — их вполне хватило для того, чтобы переломить ситуацию. Последний всплеск надежды у атакующих возник, когда около 21.10 неожиданно появившиеся БТРы обстреляли первые этажи телецентра. Однако активность БТРов вскоре обратилась на самих штурмующих, вызвав у тех новый приступ паники. Подобный кульбит также вызвал ряд легенд с обеих сторон о захваченных сторонниками ВС бронетранспортерах и о желании экипажей БТРов «перейти на сторону народа». Однако на самом деле все было куда более банально. Экипажи, видимо, получили по дороге те же сведения, что и Черномырдин почти за полтора часа до них, — о том, что первые этажи контролируются мятежниками. Именно поэтому БТРы и обстреливали их. Когда же ситуация была прояснена путем радиообмена с большим количеством матерных слов, экипажи развернули пушки и принялись ездить в окрестностях телекомплекса, поливая огнем любое место, где они подозревали сопротивление.

Попытка взять телестудию нахрапом провалилась, боевые качества толпы, привыкшей сминать омовцев и не ожидавшей встретить серьезное сопротивление, резко упали, и очень скоро большинство из этих, как выразился один из свидетелей событий, «люмпен-гегемонов», вначале пытавшихся задавить оборонявшихся числом, разбежалось, а профессионалы из группы «Север» частью погибли, а частью не горели желанием устилать своими трупами путь в телестудию для Руцкого. Попытка загоро-

дуть дорогу для БТРов путем поджога автобусов также провалилась и кончилась лишь смертью от ожогов ее инициатора. Поскольку перед выездом никто не позаботился проработать детальный план операции, особенно при худшем варианте развития, то единственное, что оставалось делать мятежникам, — это предпринимать действия из разряда «что первое на ум придет». Вторая волна штурмующих, которую повел было от ДС депутат Виталий Уражцев, распалась уже в самом начале — быть пушечным мясом не захотел практически никто (см. ниже). А атаковать другие телестудии уже не имело смысла: студии на Ямском поле и Шаболовке также были прикрыты присланными министром путей сообщения Фадеевым, Ериным и Гайдаром войсками и сотрудниками охранных агентств. Около 21—22 часов (здесь мемуаристы расходятся) Макашов, по некоторым свидетельствам, лично пытавшийся с автоматом в руках взять телецентр, уехал из «Останкино». Недавний триумфатор сделал это исключительно тихо — на частной автомашине, предварительно приказав всем разойтись. Приказа, правда, никто не слышал, поэтому сотни людей продолжали оставаться у телецентра в уверенности, что сейчас будет штурм, а часть из них заплатила за эту уверенность жизнью или здоровьем. По другой версии, приводимой Олегом Попцовым, Макашов перед отъездом злорадно заявил о том, что «теперь эта гадина долго не заговорит».

Примерно к 22.00 основное сопротивление, если оно еще существовало к этому моменту, было сломлено очередной группой БТРов, объявивших о том, что они «получили приказ от Верховного Главнокомандующего стрелять на поражение. Через несколько секунд открываем огонь!». Эти БТРы заняли позиции вокруг АСК и полива-

ли все вокруг огнем. Около 00 часов спецназовцы потребовали от собравшихся разойтись в течение 15 минут, объявив, что будет вестись огонь на поражение без предупреждения. Впрочем, стрельба продолжалась аж до 2-х ночи, «зачистки» территории, сопровождавшиеся слухами, транслировавшимися через ТАСС, Интерфакс и иные агентства, о подходе новых групп боевиков, — до шести утра. Было ли это пальбой в пустоту, хорошо известной на примере Чечни, мы так и не узнаем. В ту же ночь Анпилов, раньше всех лидеров мятежа понявший, что дело проиграно, бежал из Москвы.

В то же время, когда Макашов зачитывал свои ультиматумы, на Новом Арбате сформировалась еще одна колонна, примерно в полторы тысячи человек, двинувшаяся к Министерству обороны. Они митинговали у входа, будучи полностью уверенными в том, что сразу же после выступления Макашова по ТВ они займут российский «Пентагон». Однако на штурм МО идти никому не хотелось, особенно тогда, когда стало ясно, что никакого выступления Макашова не будет. Провалилась и попытка разбить их на «двадцатки». Всего удалось сформировать лишь две подобные группы. Как говорил в интервью «Мемориалу» известный петербургский диссидент В. Долинин, «то, что толпа не захотела идти на приступ к Министерству обороны, видимо, озадачило и того офицера, который командовал толпой. Я подошел к нему вплотную, и наши взгляды встретились. И вот в его глазах было, явно присутствовало... Там были усталость и отчаяние. То есть он, как профессиональный военный, понимал — дело проиграно. Ему не удалось организовать людей на приступ. Никто не хочет жертвовать собой во имя вот этих идей путчистов, во имя победы путча. Он

весь как-то съезжился <...> Серое, усталое лицо... Уже каким-то ослабевшим голосом он дал последнюю команду: «Никому не расходиться. Находитесь здесь и ждите подкрепления. Прибудет подкрепление во главе с министром обороны Ачаловым, и мы войдем в здание». Но Ачалов так и не решился прибыть. А затем рота солдат Кремлевского полка, присланная Барсуковым, разогнала собравшихся.

А уже поздно вечером атаке подверглось информационное агентство ИТАР-ТАСС. Примерно в половине одиннадцатого вечера в здание проник отряд сторонников Руцкого. Они прошли в кабинет генерального директора, где попытались потребовать передать «правдивую», с их точки зрения, информацию. В 22.45 «по независящим от него причинам» ИТАР-ТАСС даже прекратило передачу сообщений. Однако боевики так и не сумели передать ни одного сообщения. Поблизости началась перестрелка, и, решив, что пришли верные Ельцину части, сторонники Руцкого покинули здание и более уже не возвращались. Попытки же толпы еще раз взять здание штурмом пресекались омовцами, стрелявшими поверх голов нападавших.

Нападению отрядов вооруженных боевиков подвергались также здания Краснопресненского УВД и Тимирязевского телефонного узла. Однако и эти атаки были неудачными — от УВД нападавшие, прибывшие на четырех машинах, были отбиты к полуночи, а от телефонного узла еще раньше.

Хотя надо отметить, что шансы на успех у Руцкого действительно были — в президентских структурах на некоторое время воцарилась растерянность. Похоже, что большинство представителей власти просто не ожидали

ничего подобного. Даже в СБП не ожидали подобной вспышки и уж тем более не могли ее подготовить. Например, контр-адмирал Геннадий Захаров, заместитель Коржакова, разработавший план штурма БД, 3 октября весь день провел на даче и о том, что идет штурм «Останкино», узнал вечером, когда включил телевизор. В Кремль он приехал на электричке, потратив на дорогу три часа. В городе куда-то стремительно исчезла милиция. Единственным «подвигом», который позже пытались приписать себе московские милиционеры, стала попытка задержать продвижение Макашова к «Останкино» путем разброски «ежей». Однако затем этот «подвиг» не упоминался, как слишком уж притянутый за уши. Продлись эта неразбериха еще несколько часов, и Москва рисковала быть захлестнутой волной грабежей и погромов магазинов.

В самом Кремле в эти часы царил атмосфера неразберихи и легкой паники. Главным образом паника была вызвана не столько боязнью штурма со стороны мятежников (Кремлевский полк в 10 000 солдат справился бы с ними), сколько отсутствием точных данных о настроении расквартированных в столице и около нее войск. Кроме того, большая часть ельцинской команды в это время находилась в самых различных местах. Как вспоминал пресс-секретарь Ельцина В. Костиков, помощники президента узнали о начале волнений из телевизионных репортажей, находясь кто дома в Москве, кто за городом на дачах. Прибыв в Кремль, он, по его словам, получал всю информацию о происходящем от журналистов, которые были рассеяны по Москве и звонили в пресс-службу. Гнетущую атмосферу усиливала безлюдность и затемненность Кремля. На всякий случай даже вертолет, на котором Ельцин прибыл в Кремль около шести часов вечера,

был оставлен «под парами». Почти истерику среди многих чиновников среднего уровня и сторонников демократов вызвали черные экраны телевизоров и надпись: «Вещание прервано ворвавшейся вооруженной толпой». Прошел слух о бегстве Ельцина, аресте Лужкова.

В историю вошел диалог Е. Севостьянова, руководившего тогда московским управлением МБ, и одного из лидеров «Демократической России» Льва Пономарева. В ответ на вопросы Пономарева Севостьянов сообщил, что ОМСДОН перешел на сторону Руцкого, контроль над ситуацией утрачен и т. д. На вопрос же Пономарева, что делать, ответ был краток: «Съе...!» По рассказам некоторых очевидцев, Пономарев воспринял эти слова буквально и в течение нескольких дней его семью было невозможно найти.

В результате появилась масса легенд о том, что была полностью утрачена управляемость, а кто-то из видных политиков-«демократов» приехал и, взяв дело в свои руки, спас ситуацию. Однако это лишь легенда, поскольку во всех версиях «спасителями» выступают разные люди. Да и к тому же ни у кого из них не было возможности лично договариваться с «силовиками» — это мог сделать только Ельцин. А как раз эти договоренности и буксовали (в основном при переговорах с военными — Виктор Ерин и его замы как раз делали все, что могли, и даже больше), несмотря на то, что В. Костиков и помощник Ельцина по международным делам Д. Рюриков несколько раз выходили в прямой эфир с заявлениями о том, что президент контролирует ситуацию. Однако единственное, что сделал в это время президент, — подписал указ о введении в столице ЧП, подготовленный С. Шахраем. Преамбула указа рисовала драматическую картину про-

исходящего: «Требование Совета Министров — Правительства Российской Федерации и правительства Москвы по организованному освобождению Дома Советов не выполнено. Достигнутые соглашения о сложении оружия и снятии блокады Дома Советов сорваны. Переговорный процесс блокирован безответственными действиями Р.И. Хасбулатова и А.В. Руцкого. Преступные элементы, подстрекаемые из Дома Советов, развязали вооруженные столкновения в центре Москвы. Создалась чрезвычайная обстановка. В районе Краснопресненской набережной и Арбата захватываются и поджигаются автомашины, избиваются сотрудники милиции, предпринят штурм здания московской мэрии. «Боевики» ведут стрельбу из автоматического оружия, организуют боевые отряды и очаги массовых беспорядков в других районах столицы России. Тысячи людей, случайных прохожих, не понимающих, что происходит, подвергаются смертельной опасности».

Черномырдину и «силовикам» было предписано «принимать все меры, необходимые для обеспечения режима чрезвычайного положения и скорейшей нормализации обстановки, восстановления правопорядка и ликвидации угрозы безопасности граждан».

Одновременно Руцкой был низложен Ельциным с поста вице-президента. В указе, выпущенном по этому поводу, говорилось, что «Руцкой А.В. не только не прекратил активной политической деятельности, но и встал на путь прямой политической борьбы против Президента Российской Федерации и Совета Министров — Правительства Российской Федерации, на путь противодействия курсу реформ, одобренному на Всенародном референдуме 25 апреля 1993 года, и, нарушив Указ Президен-

та Российской Федерации от 18 сентября 1993 года № 1398, незаконно присвоил себе полномочия Президента Российской Федерации, что было констатировано в Указе Президента Российской Федерации от 2 октября 1993 года № 1410.

<...> организовал активное противодействие выполнению Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», внесшее раскол в общество и уже приведшее к человеческим жертвам.

Основываясь на волеизъявлении народа, выраженном на референдуме 25 апреля 1993 года, руководствуясь статьей 121-3, пунктами 11 и 17 статьи 121-5 Конституции Российской Федерации, статьей 8 Закона Российской Федерации, пунктами 1 и 2 Указа Президента Российской Федерации от 25 сентября № 1452 «Об ответственности лиц, противодействующих проведению поэтапной конституционной реформы», постановляю:

1. Освободить Руцкого А.В. от должности вице-президента Российской Федерации.

2. За действия, порочащие честь военнослужащего и не совместимые с долгом и обязанностями офицера Вооруженных сил Российской Федерации, уволить Руцкого А.В. с военной службы». Этим же указом должность вице-президента фактически ликвидировалась и устанавливалось, что в случае отставки Президента Российской Федерации, невозможности дальнейшего осуществления им своих полномочий, а также в случае смерти Президента Российской Федерации полномочия Президента исполняет председатель Совета Министров — Правительства Российской Федерации».

Костиков вспоминал, что он несколько раз заходил к

Коржакову, чтобы выяснить, когда же придут войска. «Ответа у Александра Васильевича не было, и он не скрывал этого», — пишет экс-пресс-секретарь. На самом деле танки вошли в Москву по Варшавскому и Минскому шоссе уже около 21.00. Вошли и остановились. Так же стала как вкопанная 27-я отдельная мотопехотная бригада, которая должна была прикрыть центр города. Единственной частью, которая после перевооружения сразу вернулась в город, стал ОМСДОН.

По словам Костикова, около часа ночи 4 октября Коржаков, сообщив ему о том, что войска якобы наконец вошли в Москву, даже предложил повести толпу сторонников Ельцина, собравшихся на Красной площади, к БД. Однако люди эти пошли к Моссовету.

Впрочем, здесь Костикова явно подводит память, поскольку речь идет об одном из самых известных эпизодов этой ночи — обращении Егора Гайдара к народу. Первый вице-премьер Егор Гайдар не сбежал за рубеж, как на то, без сомнения, надеялись сторонники Руцкого, а прибыл в Москву и предпринял активные действия для того, чтобы не допустить попадания власти к «белодомовцам». Выступив в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы», он призвал москвичей «прийти на защиту свободы» к зданию Моссовета. Он сообщил о намерении руководства страны «ввести необходимые воинские ресурсы» для того, чтобы стабилизировать обстановку в столице. Гайдар подчеркнул, что чрезвычайные меры необходимы для того, чтобы не дать возможности превратить Россию на ближайшие десятилетия в концентрационный лагерь. Е. Гайдар отметил также, что многое, по его мнению, «зависит от поддержки общества и граждан». В частности,

он надеялся на то, что тысячи собравшихся окажутся той небольшой гирькой, которая сломит нерешительность армейских генералов, отказывавшихся вводить войска в город. «Я верю в наше мужество, я верю в здравый смысл нашего общества, верю в то, что мы просто не можем сегодня проиграть», — этими словами заканчивалось обращение. Кстати, по одной из версий, обращение Гайдара было плодом коллективных усилий собравшихся в ФИЦе журналистов, которые якобы начали ругать гайдаровский текст как беззубый.

Надо отметить, что это выступление стало первым обращением подобного рода. Возникший до того на телеэкранах московский мэр в своем первом телеобращении призвал москвичей к спокойствию и порекомендовал им оставаться дома. Лишь во втором обращении, прозвучавшем после призыва Гайдара, мэр призывал москвичей выйти на Тверскую площадь к памятнику Юрию Долгорукому для оказания моральной поддержки.

Около 22.00, еще до выступления Гайдара, у бывшей резиденции генерал-губернатора Москвы появились первые люди. Затем к Моссовету подтянулись и люди, собравшиеся на Красной площади на Васильевском спуске. В 0.30 на Васильевском спуске выступил Костиков. Он сообщил собравшимся, что президент провел переговоры с командующими военными округами России. По словам Костикова, все командующие заявили о своей поддержке Б. Ельцина. «Мы, демократы, должны извлечь суровый урок из событий этой кровавой ночи. С Советами нельзя идти на компромисс. Нужно сказать решительное «нет» советской власти, особенно во время предстоящих выборов», — заявил пресс-секретарь.

Перед собравшимися также выступил Егор Гайдар,

который отметил: «Сейчас явно обозначился перелом. 3—4 тысячи боевиков, учинивших кровавые беспорядки в Москве, — разрознены». Он попросил собравшихся не расходиться: «Ваша поддержка должна служить источником сил армии, ОМОНу, которые наводят порядок в Москве. Солдаты должны видеть, что действуют не против народа, а против кучки преступников», — заявил Гайдар.

Всего у Моссовета собралось около 40 000 человек. Из их числа были отобраны наиболее боеспособные и разбиты на отряды численностью около 6000 человек. Некоторое количество этих людей отправилось к БД на разведку. Основную массу собравшихся составили люди среднего возраста, осознанно пришедшие на защиту.

Были перегорожены баррикадами Тверская, Пушкинская и все переулки в районе между Моссоветом и Манежной площадью; несколько отрядов отправилось к Кремлю, у которого также выстроили несколько рядов баррикад из всевозможных строительных материалов, бетонных блоков, поваленных фонарных столбов и мусорных контейнеров. Даже деревья в кадках, украшавшие фасад Моссовета, пошли на то, чтобы перегородить улицу. Линии оцепления доходили до Красной площади; не пускали никого. Еще позднее, днем, появились тяжелые самосвалы с песком; Тверская стала полностью непроходимой.

В опрокинутых у здания Телеграфа двухметровых полых будках с эмблемой «кока-колы» защитники президента сложили бутылки с зажигательной смесью. Кроме того, в качестве оружия должны были использоваться булыжники, арматура и т. д. Массовой раздачей оружия, о которой так любили писать «патриоты», экстраполируя на своих противников собственные действия, не было.

Перед собравшимися на Советской площади выступали Егор Гайдар, Иннокентий Смоктуновский, Лев Пономарев, о. Глеб Якунин. Бурные аплодисменты вызвало выступление Юрия Черниченко — он процитировал басню Крылова, в которой определяется единственная возможность мирного сосуществования с волками — «снявши шакуру с них долой».

Подходы к радиостанции «Эхо Москвы» на Никольской улице также были перекрыты баррикадами. К каждой баррикаде прикреплена группа в 20—30 человек. Всего там собралось около 500 человек, которых позвал к радиостанции известный диссидент Кронид Любарский, но почти безоружных. Дружинники, пришедшие от Моссовета, также взяли под охрану ТАСС и издательство «Известия».

Сторонники ВС в своих мемуарах постарались как можно сильнее окаррикуатурить собравшихся у Моссвета, изобразив их толпой пьяниц и халявщиков, которым без разбора выдавались автоматы с полным боекомплектом. Однако, учитывая, что большинство подобных «мемуаристов» несколько дней до того провели в БД, фактически они подсознательно изображают как раз то, что видели реально у защищаемого ими здания (см. выше). И, конечно, непередаваемую зависть у «патриотов» вызвало то, что демократические баррикадники были хорошо обеспечены продовольствием.

Многие, писавшие о «Черном октябре», оценивают призыв Гайдара, который, кстати, сам провел всю ночь у Моссовета, крайне негативно — он, мол, подставил под пули безоружных людей, которые вряд ли могли противостоять «хорошо обученным боевикам Руцкого». Однако надо вспомнить, что сторонники Руцкого в большин-

стве своем были обучены и вооружены не лучше, чем собравшиеся у Моссовета. Тем более что, по воспоминаниям Е. Гайдара, существовала договоренность с министром по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу о том, что «в случае чего» защитники президента из организации «Живое кольцо» (организация защитников БД в 1991 году), также собравшиеся у Моссовета, получают 2000 автоматов из резервов МЧС. А с учетом того, что свою помощь обещали многочисленные охранные агентства, справиться со сторонниками Руцкого было бы не очень сложно. Впрочем, Гайдар все же предполагал, если судить по его мемуарам, что именно подобная угроза — подавить мятеж без помощи армии, силами одних лишь демократических дружинников, с последующими репрессиями в адрес дрогнувших генералов — и заставит Грачева наконец отдать приказ и ему не придется вести людей на ДС.

Впрочем, топтание войск на подступах к Москве (по разным версиям, войска не двигались вперед от двух до пяти часов) было вызвано не колебаниями генералитета — поддерживать ли им президента, а совсем другими причинами. Генералы слишком хорошо помнили красочно описанный позже в мемуарах генерала Лебеда «южный вариант» последних советских лет, когда генералам, выполнявшим устные указания политиков, приходилось платить за это карьерой, а солдатам и офицерам — жизнью. В свою очередь, Борис Ельцин, предполагая, что при подавлении мятежа может погибнуть множество людей, естественно, не хотел брать ответственность на себя. Как вспоминал позже Коржаков: «Я уже понял: пока Павла Сергеевича [Грачева. — С. Ч.] не подтолкнешь, самостоятельно он ничего делать не будет». Это на-

строение позже передалось и Ельцину. Устав ждать, президент примерно в 1.30 ночи 4 октября прибыл в Министерство обороны.

Там и состоялась сцена объяснения между Ельциным и его генералами. Почти двухчасовое заседание Совета безопасности вертелось в основном вокруг одного вопроса — генералы не хотели «южного варианта» и требовали письменного приказа. Первые полтора часа проблему обсуждал узкий круг: Ерин, Филатов, Грачев, Черномырдин, Лужков, генерал-майор милиции Панкратов. Ельцин с Коржаковым присутствовали, но были в личном кабинете Грачева и в дебатах участия не принимали.

Наконец, около трех часов ночи президент вышел к собравшимся. Заседание началось в не самой лучшей обстановке. Тот же Коржаков вспоминал следующее: «Комната прокурена, Грачев без галстука, в одной рубашке. Через распахнутый ворот видна тельняшка. Другие участники заседания тоже выглядели растерянными, понурыми. Бодрее остальных держался Черномырдин».

Высокопоставленные военные пытались уклониться от выполнения неприятной обязанности.

Последней отговоркой Грачева стало заявление об отсутствии плана штурма БД. Но Ельцин предусмотрел и это. Здесь неким чертиком из табакерки выскочил Коржаков, заявивший, что у одного из его заместителей — каперанга Геннадия Захарова — уже разработан план штурма. В принципе план был довольно прост: обстрелом верхних этажей¹ здания заставить его защитников спуститься вниз, а затем, лишив их оперативного простора, обезоружить при помощи десантников и спецназа.

¹ Именно верхних, а не тех, где находились кабинеты Руцкого и Хасбулатова.

Милиция же в это время должна была вместе со 119-м ПДП блокировать территорию вокруг БД и производить фильтрацию задержанных. Позже этот план слегка подкорректировал заместитель Грачева генерал Кондратьев, в том числе и по времени. Предполагалось, что штурм начнется в 6.00, однако из-за типичной армейской неразберихи, особенно рельефно проявившейся через год с небольшим в Чечне, к этому времени далеко не все было готово, и потому начало операции перенесли на 7.00. Впрочем, генералы в последний раз попытались отбиться. По словам Коржакова, начальник Генштаба объявил, что экипажи для танков набрать никак нельзя — все на картошке¹. Тут-то Ельцина и прорвало: «Вы что, на всю российскую армию не можете десять танкистов найти?! — опешил президент. — Пусть офицеры садятся в машины.

— Я сейчас все выясню, — перепугался генерал.

Шеф пригрозил:

— Десять минут вам даю для того, чтобы вы доложили об исполнении, иначе...».

Возможно также, что на генералитет оказали воздействие и усилия Гайдара. Генералов могло подтолкнуть и еще одно обстоятельство. На прошедшем вечером 3 октября заседании правительства Черномырдин, которому, как мы помним, уже неоднократно предлагали власть различные группы, искавшие «компромиссный вариант»

¹ Тогда это не было чем-то необычным. По признанию А.С. Куликова, тот же ОМСДОН был укомплектован всего на 60% из-за отвлеченности большинства солдат на сельхозработы. В то же время еще один радикал-демократ — С. Юшенков, занимавший в то время должность зампреда ФИЦ, сообщил журналистам: «Две дивизии сказали, что не могут прийти на подмогу, потому что их срочно отправили на картошку!»

(последний раз это сделали вечером 3 октября Зорькин и Илюмжинов), решительно поддержал Ельцина. На случай, если бы сторонники Руцкого заняли ЦБ, первому заместителю министра финансов Андрею Вавилову (нынешнему скандально известному сенатору) было поручено получить из главного банка страны несколько миллиардов наличными для разного рода экстренных выплат. Сам премьер прибыл в МО еще до приезда президента, демонстрируя таким образом поддержку Ельцина со стороны элиты.

Обрадованный тем, что план штурма был принят, Ельцин пошел к выходу, но был остановлен словами Грачева о том, что без письменного приказа военные штурмовать ДС не будут. Дальнейшее описывает Коржаков: «У шефа появился недобрый огонек в глазах <...> Около порога остановился и подчеркнуто холодно посмотрел на «лучшего министра обороны всех времен». Затем тихо произнес: «Я вам пришлю нарочным письменный приказ».

Вернувшись в Кремль, тотчас приказал Илюшину подготовить документ. Подписал его и фельдсвязью отослал Грачеву». Уже около пяти утра войска были в центре города.

Президент подписал также Указ № 1578 «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве». Указом № 1578 комендантом района ЧП был назначен почти тезка командующего ВВ — заместитель Ерина Александр Куликов. Он, в свою очередь, сделал своими заместителями Панкратова и Огородникова. Приказом №2 он создал на территории Москвы 10 комендантских участков и ввел в каждый из них по 2 БТРа и по роте ВВ, организовал фильтрационные пункты, выставил усиленные броневые заслоны на

развязках МКАД и добился от ВВ усиленного патрулирования города. Комендант также подписал у Ерина приказ о срочной переброске в Москву 50% личного состава всех региональных ОМОНов.

Этот указ был зачитан по телевидению вместе с заявлением президента. В этом документе действия «белодомовцев» назывались «спланированной заранее акцией» и подчеркивалось, что их организаторы «поставили себя вне закона, вне общества». «Они готовы погрузить Россию в пучину гражданской войны. Они готовы привести к власти преступников, которые обгарили свои руки кровью мирных людей. Им не нужны свободные выборы, им не нужна мирная жизнь <...> Из разных концов России в Москву съехались боевики прокоммунистических организаций. Они творят свои черные дела под красными флагами и творят произвол. Их ведут в бой с мирным городом некоторые так называемые народные избранники, прикрываясь правом депутатской неприкосновенности», — подчеркивалось в заявлении.

Вслед за Гайдаром Ельцин призывал всех граждан России «встать на защиту демократии и свободы».

Выступление самого Ельцина «вживую» не состоялось — текст его обращения зачитывал пресс-секретарь Вячеслав Костиков. Сам он объяснял ситуацию тем, что Ельцин выглядел слишком уставшим и в таком виде вряд ли смог бы ободрить своих сторонников. По телевидению к населению также обратился и Черномырдин. Начав свое выступление словами о том, что «Москва в опасности!», он отметил, что «преступные элементы, подстрекаемые из БД, пролили в Москве кровь. Так называемые боевики ведут стрельбу из автоматического оружия, при штурме зданий используют в качестве таранов тяжелую

технику, захватывают пассажирские автобусы, перевертывают и поджигают машины ни в чем не повинных граждан. Тысячи людей, случайных прохожих, до сих пор не понимающих, что происходит, подвергаются смертельной опасности». Говоря о действиях властей, Черномырдин подчеркнул, что «Правительство РФ вынуждено прибегнуть к силе для обуздания распоясавшихся политических авантюристов. Правительство РФ отдало необходимые распоряжения для пресечения беспорядков».

Параллельно по «Эху Москвы» и российскому телевидению велась массированная пропаганда — страшная в своей талантливости. Апофеозом пропагандистского успеха Ельцина и его сторонников стало появление на экранах Григория Явлинского, одного из основных тогда политических конкурентов Б. Ельцина, заявившего о полной поддержке президента и требующего силовых мер в отношении Верховного Совета. Явлинский потребовал от Ельцина применить все силы и средства, которые есть в его распоряжении, для подавления вылазок «экстремистов, фашиствующих бандитских формирований». Если этих средств и сил недостаточно, то, отметил Г. Явлинский, необходимо рассмотреть вопрос об использовании для наведения порядка в Москве подразделений регулярной армии. «Президент должен проявить максимальную жесткость и твердость», — подчеркнул Г. Явлинский. Он призвал россиян оказать посильную помощь президенту для скорейшего наведения порядка. Впрочем, пропрезидентские пропагандисты не гнушались пользоваться непроверенной информацией. Так, Лужков объявил, что церковь предала Руцкого анафеме, а управделами мэрии В. Шахновский авторитетно заявил

на митинге, что «руцкисты» пытаются захваченных в мэрии людей.

В самом БД первоначальную эйфорию сменило уныние. Сообщения о захвате телебашни, первоначально шедшие из «Останкино» и бывшие столь убедительными, что Руслан Хасбулатов, утратив обычную осторожность, собрался выехать туда для выступления, сменились на прямо противоположные. Предоставим слово очевидцу: «Помнится даже такая сцена: группа молодых парней стояла кружком, и один из них очень громко убеждал других:

— Вы знаете, что происходит в «Останкино»? Я был там и без оружия больше не поеду. Я не хочу быть мясом.

А между тем все чаще и чаще стали прибывать оттуда машины «Скорой помощи», привозя раненых».

Попытка сформировать из «останкинцев» штурмовую группу и бросить ее на штурм Моссовета провалилась — вывезенные из-под огня люди были полностью деморализованы и предпочитали снимать стресс в окрестных киосках, торговавших спиртным и сделавших в этот день чуть ли не месячную выручку. Когда из них попытались сформировать отряд по защите БД, то дело кончилось тем, что выбранные этими людьми командиры куда-то исчезли, вероятно, так и не смогли добиться выдачи оружия, и примерно через час разочарованные добровольцы разошлись.

Куда-то делось огромное количество пьяных, собравшихся у здания во второй половине дня. Впрочем, кроме пьяных разошлись и многие сторонники ВС, которых ужаснули действия толпы и пролитая кровь. В результате уже ночью подавляющее большинство москвичей, ранее бывших нейтральными или даже сторонниками БД, было

на стороне Ельцина. Даже Владимир Жириновский выступил с заявлением о том, что отдает предпочтение «меньшему злу» — Ельцину. Позиция же нескольких известных шоуменов — Александра Любимова, Леонида Ярмольника, Александра Политковского, предложивших населению спокойно отправиться спать, а «верхи»-де сами разберутся, была встречена москвичами с огромным возмущением, в телестудию пошел вал возмущенных звонков. Прочие представители «третьей силы» быстро растворились в воздухе. Неудача Зорькина с предложением власти Черномырдину привела к тому, что ночью шестеро судей из двенадцати потребовали у него обсудить конституционность действий Руцкого. Зорькин отказался, сославшись на усталость, но добился лишь небольшой отсрочки — до 11 утра 4 октября. Усталость, впрочем, не помешала Зорькину провести в 23.00 совещание субъектов Федерации, обратившихся к Черномырдину с требованиями «остановить насилие, не отдавать приказа применения оружия войскам, частям ОМОНа, милиции, отказаться от силовых методов решения политического конфликта». Кроме того, они потребовали «немедленно восстановить действие Конституции РФ в полном объеме», то есть создать условия для деятельности ВС России, обеспечить отражение в государственных СМИ всей полноты общественного мнения по сложившейся ситуации и предоставить прямой эфир представителям субъектов Федерации. Это выглядело особенно хорошо на фоне боев в «Останкино», и, естественно, Черномырдин предпочел никак не реагировать на эти предложения.

Общее уныние в ДС усилило то, что примерно в 21.00 Ельцину удалось обесточить здание, а ехать к Мосэнерго «руцкисты» побоялись. Подконтрольная же БД террито-

рия начала резко сокращаться. Примерно в половине одиннадцатого вечера Юрий Лужков во главе группы вооруженных людей и солдат Кремлевского полка занял Моссовет и арестовал около 40 находившихся там депутатов во главе с Юрием Седых-Бондаренко, ликвидировав таким образом параллельный центр власти на уровне города. Единственное, что успел в этой ситуации буквально накануне ареста сделать Седых-Бондаренко, — это срочно передать полномочия Моссовета «вниз» — райсоветам. Впрочем, большинство из них так и не успело воспользоваться доставшейся властью: те из Советов, которые считались оплотами оппозиции, были также закрыты в ночь с 3 на 4 октября, а те, кого там нашли, были арестованы и доставлены в Моссовет.

Ночью же была осуществлена первая в новейшей российской истории акция по обмену заложниками. Речь идет об Александре Брагинском, которого продолжали держать в подвале БД, угрожая расстрелом в случае штурма. Ответ со стороны «демократов» был «симметричным». В. Боксер предложил считать депутатов, захваченных в Моссовете, а также нескольких председателей московских райсоветов, арестованных им, ответственными за жизнь Брагинского и плененных вместе с ним сотрудников мэрии. Аресты происходили так (из воспоминаний председателя Киевского райсовета В. Полунина): «Я сижу в кабинете, раздается гром, шум, непонятно что <...> несетя по лестнице шайка: разодетая, пестрая, человек, наверное, 50, кто в тренировочном костюме, кто во фраке, кто в есаульской форме — кто в чем. Размахивают пистолетами, размахивают железными прутьями. «Где Полунин?!», значит, кричат. Затолкали меня обратно в кабинет, всем приказали сидеть, из-за спины этой шайки по-

явился Боксер: — «Ну вот, собирайтесь и поехали со мной». Я говорю: «Вы мне объясните, что это такое, задержание? Что это?» — «Там объяснят», — «Документ какой-то покажите». Меня взяли за руки сзади, ударили 2 раза, я все понял, документ ясен. Тут же из-под мышки у меня выхватили, у меня был личный пистолет, личный револьвер, разрешенный. Я говорю: «Револьвер с разрешением, вы бы положили его себе в карман, большинство из этих людей пьяны». Они еле на ногах держались, когда пришли». Арестованные были свезены в Моссовет и размещены в бывшей губернаторской тюрьме, находившейся в здании. Впрочем, по словам того же Полунина, отношение к ним было достаточно сносное: «Бойцы <...> делились бутербродами, чаем нас угощали, воды нам потом принесли. То есть отношение было такое теплое, человеческое».

Посредником при переговорах стал назначенный Руцким «и.о. мэра» Александр Краснов. По его словам, он практически сразу же после ареста Брагинского начал хлопотать о его освобождении. Однако, вероятнее всего, делать это Краснов начал лишь тогда, когда из «Останкино» стали поступать неблагоприятные известия. Он сумел склонить на свою сторону свеженазначенного «министра внутренних дел» Василия Трушина. Бурная деятельность Краснова привела к успеху. Сохранилась записка его однофамильца, Валерия Краснова, возглавлявшего секретариат «и.о. президента» Руцкого, с предложением о проведении обмена, датированная примерно двумя часами ночи.

Ответ Руцкого не сохранился, возможно, он был устным, но сам обмен состоялся — было освобождено 15 человек. Руководивший процедурой освобождения депутат

Ребриков, конечно, опроверг заявления о том, что подобная акция — обмен заложниками, но в реальности здесь в миниатюре был продемонстрирован весь комплекс отношений, который потом развернется в Чечне. Седых-Бондаренко и арестованные председатели райсоветов также были освобождены под утро. А.А. Краснов, тоже отрицающий факт обмена и заявляющий, что делал все исключительно из человеколюбия, в результате даже не был арестован — вероятно, это входило в условия обмена.

Ближе к утру уныние «руцкистов» переросло в панику и началось повальное бегство. Из примерно 500 депутатов, еще остававшихся в здании вечером 3 октября, к утру осталось не более 150. Численность людей, оборонявших баррикады, уже ночью упала до 2000, среди которых, по оценкам наблюдателей, было много празднующихся. Так что утром Руцкой мог с большим основанием повторить известную фразу Шамиля: «Наибы мои изменили мне, а народы мои — разбежались».

Сам «и.о. президента» почти всю ночь пытался добиться поддержки войск, обращаясь к ним по захваченной военной радиостанции с требованиями выдвинуться к ДС, но безуспешно. Не помогло даже сделанное вскоре после полуночи от имени Руцкого заявление о том, что в «Останкино» дан приказ «стрелять на поражение по мирному населению» и что промедление с «помощью» ведет к увеличению числа жертв. Единственным откликнувшимся стал командир небольшой воинской части военных моряков в Подмоскovie Игорь Остапенко. Однако созданная им группа была перехвачена на подступах к Москве примерно в 1.30. Моряки, не подозревавшие о ситуации, сложили оружие, а Остапенко застрелился. В целом же после заседания коллегии МО вся российская

военная машина пришла в действие и готовилась обрушить свой удар на БД. Да еще якобы в ночь с 3 на 4 октября гарантию невмешательства армии сначала депутату Бабурину, а затем и Ачалову «в состоянии сильного смятения» лично подтвердил командующий Московским военным округом генерал-полковник Леонтий Кузнецов. Впрочем, если последнее и было так, то реально слова Кузнецова уже ничего не значили. Операцию «вели» лично заместители Грачева, для которых Кузнецов ничего не значил. Но, скорее всего, это легенда. В отличие от многих других генералов, Леонтий Кузнецов оставался на своем посту до 1999 года, когда был уволен по выслуге лет. По другой версии, Хасбулатов требовал у Кузнецова расставить вокруг здания ДС войска, которые выполняли бы роль «голубых касок», но получил категорический отказ под предлогом того, что армия нейтральна.

Попытки же депутатов остановить ввод войск по опыту 1991 года — посылкой заслона из депутатов к месту расположения частей — закончились неудачей. Наиболее сочно это описано в воспоминаниях председателя Киевского райсовета Полунина, записанных сотрудниками «Мемориала»: «Они приехали с мегафонами, наивно полагая, что можно остановить движение войск, переговорив с командирами. Я на это посмотрел скептически, сказал, что ну я, например, считаю, что это бесполезное занятие.

Если командир получил приказ и привел в движение свои войска — вы его не остановите. Но тем не менее опять же, поскольку у меня машина хорошая, мы сели в мою «ласточку» и поехали.

Ну, доехали до этого поста ГАИ и подъехали фактически к воротам Таманской дивизии — и тут из ворот на-

чали выходить бронемашин. Мы остановили машину, взялись за руки, как в том знаменитом фильме, в мегафон Николай Павлов что-то пытался кричать, а командирский БРДМ переехал бы нас, если бы мы не отпрыгнули в стороны, хорошо, машина была немножко в стороне. Ну, техника пошла, все, ничего не сделаешь. Мы обогнали технику, доехали до поста ГАИ, который на 50-м км, на пересечении Киевского шоссе и кольцевой бетонки, и по наивности я подхожу, там тоже капитан. Я говорю: «Вот, извините, техника пошла, вы можете...» — у него шлагбаум, я говорю: «Закройте шлагбаум, мы хотим с командирами переговорить». Он говорит: «А кто приказал вам с командирами говорить?» Я говорю: «Нас просили Руцкой и Ачалов». Он вынимает пистолет и ведет меня за будку и говорит: «Ну, пошли. Я, — говорит, — теперь вас, скотов, стрелять буду, ну — каждого».

То же самое случилось и с попыткой Ачалова рассылать офицеров со своими приказами. Изменилась ситуация — войска входили в город не для выполнения каких-то неясных задач, как в августе 1991 года, а для штурма здания, в котором засели люди, поднявшие вооруженный мятеж. Неудачей закончились и вояжи Сергея Бабурина. Обещание, данное (если данное) Леонтием Кузнецовым, так и не было выполнено, а больше никто честолобивого депутата слушать не захотел, и, покрутившись у здания Минобороны, Бабурин около двух часов ночи вернулся в БД.

Провалилась и попытка Руцкого в ночь с 3 на 4 октября добиться перехода на свою сторону милиционеров. Высокопоставленные генералы МВД просто отказались разговаривать с ним, а рядовые милиционеры ответили куда более жестко, судя по имеющимся расшифровкам

радиоперехватов: «Мы тебе, скотина, не ребята. Твои ребята в жопу друг друга трахают со страха. А с тобой разговаривают работники милиции. И лучше тебе бежать. Вообще, бежать тебе некуда. Все равно мы тебя поймаем. Ты понял, придурок, бл..? И ты меня не оскорбляй!

— Я, сотрудник милиции, обещаю, что я отомщу за наших ребят, погибших сегодня. Всем защитникам — стреляйте их на месте, мужики! — с растяжкой продолжает второй эмвэдэшник. — Стреляйте, не жалейте! Патронов на всех хватит! Лупи их, бл..ей».

Попытку же Руцкого добиться сдачи оборонявших «Останкино» описал Павел Голубец. По его словам, Руцкой вышел на него по милицейской радиостанции и потребовал капитуляции, угрожая расстрелом. Генерал не стал отвечать сам, а предоставил сделать это Брагину. Председатель ВГТРК, наверное, вложил в своем ответе «в понятных выражениях» все свои страхи последних часов. Больше Руцкой с телецентром связаться не пытался. Практически все остальное «белодомовское» руководство впало в состояние прострации. Вот как описывает обстановку «внутри» один из свидетелей: «Мимо прохромал наверх Ачалов, окруженный охранниками. Его останавливали люди, он пытался вслушиваться, потом ожесточенно махал рукой и рвался дальше в тишь своего кабинета. То, что было написано на его тяжелом, маловыразительном лице, очень походило на отчаяние. Чуть не в первый раз за все это время Илья Константинов был один в освещенном огарком свечи кабинете. На все вопросы он отвечал только одно: «Больше никуда не пойду, все, что мог, уже сделал, буду сидеть здесь и ждать». Ночь с 3 на 4 октября действительно была самой страшной. Все пони-

мали, что руководство — Руцкой, Хасбулатов, Ачалов и другие — беспомощны и растеряны».

Некоторую активность проявлял заместитель председателя Верховного Совета России Валентин Агафонов, который вечером 3 октября обратился к людям, собравшимся перед зданием ДС, с речью, в которой заявил, что для защитников БД впереди еще предстоит борьба, в которой ни в коем случае нельзя упустить победу.

Впрочем, единственное, на что оставалось надеяться сторонникам Руцкого, — это на чудо вроде явления полка десантников или двух танковых дивизий, якобы шедших на помощь парламенту.

Впрочем, некоторые из них еще лелеяли эту надежду и готовы были ради нее бросить под военный каток сотни жизней. Так, вопреки распространяемой позднее легенде о том, что сторонники Ельцина не предложили осажденным сдаться, на самом деле около пяти часов утра 4 октября прошли последние переговоры, точнее попытка к ним. «Белодомовцев» представлял Юрий Воронин, а президента — вице-премьер Олег Сосковец. Единственным требованием, которое выдвинул Сосковец, стала безоговорочная капитуляция. Воронин с ходу отверг эти требования и, в свою очередь, выдвинул совершенно нелепые и, даже можно сказать, хамские требования — признать БД стороной переговоров, отвести войска и пр. Естественно, на этом переговоры прервались. Слово оказалось предоставлено пушкам.

Пушки вместо слов

Итак, в 5 часов утра 4 октября 1993 года Президент РФ издал Указ № 1578 «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве». Коменданту района ЧП было предписано «незамедлительно принять меры по освобождению и разблокированию объектов, захваченных преступными элементами в столице, разоружению незаконных вооруженных формирований и изъятию оружия».

Примерно в то же время зам. министра обороны генерал Кондратьев поставил задачи перед командирами воинских частей, привлеченных к блокированию здания ВС. Всем было приказано подавлять огневые точки защитников, не допускать прорыва из БД и вовнутрь его вооруженных «боевиков», а также обеспечивать выход из здания женщин и детей. В 7 часов через средства массовой информации было распространено заявление правительства, содержащее «последнее предупреждение» защитникам БД и требование немедленно покинуть здание и сдать оружие.

Передовой командный пункт был развернут возле гостиницы «Украина» под руководством Кондратьева и генерала В. Барынькина из Генштаба. Вокруг БД сосредоточились подразделения двух ведомств — Министерства обороны и МВД: Таманская дивизия, 119-й парашютно-десантный полк и дивизия внутренних войск им. Дзержинского. Подразделения Кантемировской дивизии взя-

ли под охрану Калининский мост, блокировали подходы к БД со стороны Нового Арбата. Всего штурмующая группировка насчитывала около 9000 солдат и офицеров.

Им противостояло, как стало известно позднее (тогда же речь шла о цифрах от двух до четырех тысяч человек), от 1000 до 1500 боевиков и баррикадников. Часть из них была вооружена лишь обрезками труб, железными прутьями и бутылками с бензином, остальные — пистолетами, автоматами, пулеметами и гранатометами. Кстати сказать, металлические прутья и обрезки труб — тоже довольно-таки грозное оружие в умелых руках. Так что говорить о полной безоружности мятежников не приходится.

Командиру Таманской дивизии генерал-майору Евневичу была поставлена задача занять позиции на Краснопресненской набережной, включая Глубокий переулочек от Рочдельской улицы до набережной. При этом по приказу Павла Грачева на БТРах дивизии были размещены вооруженные автоматами добровольцы — ветераны афганской войны. Надеялись, что эти люди, имеющие реальный военный опыт, смогут воевать лучше, чем необстрелянные солдаты.

Сто девятнадцатый парашютно-десантный полк перекрыл БД с тыльной стороны Краснопресненской набережной.

Дивизия внутренних войск МВД РФ (в прошлом дивизия им. Дзержинского) должна была перекрыть территорию от улицы Рочдельской и Глубокого переулка до Краснопресненской набережной. По приказу командования группа из четырех БТРов должна была занять Глубокий переулочек от улицы Рочдельской до Краснопресненской набережной.

В 6.55 первые подошедшие к БД БТРы начали его об-

стрел. Этот обстрел не причинил защитникам здания особого беспокойства. И тогда в дело, примерно в 9 часов утра, согласно плану Захарова, вступили танки. Пять танков, вставшие прямо на Новоарбатском мосту, начали методично обстреливать верхние этажи ДС. В результате обстрела в здании начался пожар. И все это транслировалось в прямом эфире телекомпанией CNN, чья камера была установлена прямо напротив здания.

Сам Захаров позже в интервью журналу «Коммерсант-Власть» изложил мотивы стрельбы из танков весьма просто: таким образом засевших на верхних этажах здания ВС боевиков заставили спуститься на нижние этажи. Кроме того, был и еще один мотив — воспитательный, так сказать: чтобы, глядячи на трансляцию танкового обстрела здания, все остальные вели бы себя тихо, примеря подобную ситуацию к своей резиденции при непослушании.

Захаров был прав — после шести танковых залпов остатки «полка», созданного в те дни из различных других формирований, отойдя с верхних этажей, опасаясь потерь, занимали этажи с первого по пятый, а также подвал. Позже для объяснения этого бегства был создан миф об использовании правительственными частями кумулятивных снарядов, «превращающих закрытые помещения в крематорий». Эти слухи время от времени повторяются, и их не прекратили даже официальные документы, согласно которым стрельба велась болванками и иногда осколочными бронебойными снарядами (да как могло помещение, куда влетел снаряд, обычно разбив окно, быть закрытым?). Боевики, которыми руководил Макашов, позже самолично легший на боевую позицию с ручным пулеметом, отстреливались от штурмующих из всего, что

имели (а на руках у них к этому моменту было несколько сотен единиц стрелкового оружия).

Впрочем, стрельба была не слишком активная — рисковать своими жизнями никто не хотел (хотя несколько десятков человек все же погибло), и потому десантники продвигались вперед не очень быстро.

Кроме того, штурмующим мешала собственная некординированность. Министры внутренних дел Ерин, безопасности Голушко и обороны Грачев должны были в соответствии с Указом № 1578 создать к десяти часам утра 4 октября 1993 года объединенный штаб для руководства силами, привлеченными к обеспечению чрезвычайного положения в столице. Однако штаб этот так и не был создан. Возникающие вопросы решались «в рабочем порядке». Неразбериха доходила до того, что многих солдат и омовцев покормили только ночью с 4 на 5 октября.

А поскольку, по позднему признанию А.С. Куликова, многое в этой операции планировалось с ходу, буквально «сшивалось на живую нитку» из-за страшного дефицита времени, связи между частями не было, а по городу все еще гуляли слухи о переходе на сторону ДС отдельных армейских частей или подразделений ВВ, то армейцы и ВВ очень часто сталкивались между собой. Понятно, что, видя перед собой вооруженных людей непонятной принадлежности, которых, согласно ранее согласованным планам, здесь не должно было быть, военные на всякий случай открывали стрельбу на поражение. Оттуда, кстати, пошли и слухи о неопознанных БТРах и провокаторах, намеренно обстреливавших военных, которые затем использовали в построении своих мифологических конструкций «патриоты».

Вот несколько примеров подобной путаницы. В 7 часов

утра БТРы, двигавшиеся по Рочдельской улице, наткнулись на баррикады, защитники которых бросали в БТРы бутылки с зажигательной смесью. Один бронетранспортер загорелся. Командир группы приказал открыть огонь на поражение.

В это же время на перекрестке Глубокого переулка и улицы Рочдельской находились БТРы Таманской дивизии. Услышав стрельбу, ветераны войны в Афганистане спешили и укрылись за деревьями. Экипажи БТРов внутренних войск, увидев вооруженных людей в гражданской одежде, открыли огонь в их сторону. Один из «афганцев» был тяжело ранен в грудь, живот и ногу. Командир подразделения Таманской дивизии, находившегося на перекрестке Рочдельской улицы и Глубокого переулка, доложил комдиву Евневичу, что какие-то бронетранспортеры, ведя интенсивный огонь, двигаются со стороны БД. Евневич приказал не открывать огня, и только это не позволило перестрелке разрастись до умопомрачительных размеров.

Впрочем, на этом злоключения «афганцев» не кончились. Вскоре они опять подверглись обстрелу со стороны внутренних войск, которые приняли вооруженных людей в гражданском за сторонников БД. На сей раз комдив Таманской дивизии поддался слухам о переходе на сторону ВС каких-то воинских частей и решил, что обстрелявшие «афганцев» БТРы принадлежат мятежникам, а потому приказал нескольким БТРа́м таманцев уничтожить «противника». В результате дуэли один БТР был подожжен и погиб вместе с командиром мобильной группы ВВ. Уцелевшие машины ушли во дворы и доложили командованию о бое с... БТРа́ми, поддерживающими Верховный Совет.

Примерно в то же самое время у стадиона «Асмарал» столкнулись разведрота 119-го ПДП и солдаты ВВ, сидевшие в бронетранспортерах. Причем обе стороны были уверены и тогда (и кстати, позже), что столкнулись с противником. Десантники пытались уничтожить БТРы, на что те отвечали огнем. Впрочем, к наградам позже были представлены и те и другие.

Потом, приехавший почти к концу боя петербургский ОМОН неожиданно открыл стрельбу по третьему этажу, где находился в тот момент начальник личной охраны Ельцина Коржаков, принимавший участие в штурме. Еще одна «неожиданная встреча» кончилась для одного из ее участников трагически. Снайпер 119-го ПДП был захвачен «вэвэшниками» и, поскольку не было известно, на чьей стороне полк, расстрелян.

Однако, несмотря на эти «шероховатости», постепенно территория, контролируемая сторонниками ВС, сужалась. Баррикады были разметаны бронетехникой при поддержке «афганцев» из СВА уже в 7 — 8 часов утра. Большинство их защитников бежало — кто в здание, кто прочь от него, а малая часть погибла, пытаясь повторить подвиги героев Великой Отечественной, идя с бутылкой с зажигательной смесью на БТРы. Около 12 часов сторонники Руцкого и Хасбулатова были выбиты из здания СЭВ, в котором к тому моменту также полыхал пожар. Горели и остатки баррикад, и поливальные машины, которыми мятежники пытались преградить путь бронетехнике. В это же время десантникам удалось захватить подвал и первый этаж здания. Впрочем, захват подвалов был весьма условным — именно через подвалы и имевшиеся там подземные ходы удалось бежать значительной части боевиков.

Большинство гражданских лиц примерно в 9.30 утра собралось (а точнее — были собраны) в наиболее безопасном месте здания — зале Совета Республики. Это было одно из немногих помещений, не имевшее окон. Кроме того, зал Совета Республики был сооружен как бомбоубежище, с толстыми стенами. Всего, по оценкам очевидцев, там собралось около полутора-двух тысяч человек. Туда же вскоре, по свидетельствам очевидцев, по подземному ходу перешли те, кто находился в приемной ВС, стоявшей отдельно от здания (это к вопросу о возможности нахождения в здании других больших групп людей, якобы уничтоженных после капитуляции). В этом зале прошло последнее собрание депутатов, пытавшихся найти выход из положения. Выходы предлагались один фантастичнее другого — вроде формирования кабинета министров под главенством Скокова. Впрочем, депутаты так ни до чего и не договорились.

Около 12 часов дня в зал пришел Хасбулатов, попросил у всех прощения, просил не держать на него зла. С этого момента и до капитуляции он, не проявляя никакой инициативы, сидел в темном зале. Впрочем, многих в здании уже не было, ушла значительная часть депутатов, понявших, что дело Верховного Совета проиграно окончательно, многие люди из обслуживающего персонала и даже значительная часть журналистов.

Впрочем, собравшиеся первоначально не собирались сдаваться. Их питала все та же надежда на чудо, которая была присуща защитникам ДС все эти дни. Первоначально надежда была на то, что в 10 утра КС прикажет армии остановиться и она остановится. Но Валерий Зорькин к этому моменту уже был отрезан от любых каналов принятия решений. Затем так же страстно, как манны небес-

ной, принялись ожидать итогов совещания глав регионов, которое должно было пройти в 14.00. Кроме того, ждали некую «миротворческую миссию представителей Патриарха». Выходить все боялись, опасаясь поголовного уничтожения, в котором успели уже убедить себя большинство присутствовавших.

Кроме надежды на чудо предпринимались и практические действия. Руцкой, находясь в своем кабинете, пытался связаться с армейскими частями и побудить их «прийти на помощь законному президенту» или ударить в спину штурмующим, заявляя о массе убитых. В результате периодически возникали самые разнообразные слухи — то о том, что на помощь осажденным идут десантники, среди которых Ачалов был достаточно популярен, то о подходе «верных Конституции вертолетов» (вертолеты действительно прилетали, по одной версии, для корректировки огня штурмующих, а по другой — чтобы понять, насколько возможна высадка десанта на крышу здания). Однако шли часы, и никакая помощь не приходила. Единственная попытка прийти на помощь была предпринята толпой молодежи, собравшейся на Садовом кольце примерно к пяти вечера, однако выглядела она весьма вялой и была пресечена немногочисленными омовцами, стоявшими там же в качестве заслона.

Впрочем, были и более экзотические предложения. Так, используя радиостанцию, Руцкой в прямом эфире обратился к ВВС с призывом разбомбить Кремль и тем «ликвидировать источник народных бед».

Впрочем, Руцкой не забывал и себя. У него родилась безумная идея гарантировать свою безопасность с помощью зарубежных послов. Иначе, по глубочайшему тогдашнему убеждению Александра Владимировича, его бы

расстреляли на месте. Первоначально Руцкой обратился в бельгийское посольство. Но у бельгийцев не было абсолютно никакого желания принимать участие в этой авантюре и признавать Руцкого в качестве субъекта российской политики. Потом с этой же целью он позвонил Зорькину. Сам Руцкой, как, впрочем, и Хасбулатов, предпочитал говорить о том, что это был чисто деловой разговор, когда Руцкой стремился с помощью председателя КС вызвать сотни женщин и детей, попавших в здание. Впрочем, «Комсомольская правда» энное количество лет назад опубликовала этот диалог, и выяснилось, что все было совсем не так: «и.о. президента» панически орал в трубку председателю КС: «Валера, сделай что-нибудь! Ты ж верующий, е.. твою мать! Срочно вези послов!» (Об этих двух звонках Руцкой предпочитал потом не вспоминать.)

Единственное, что мог сделать Зорькин, — это собрать в КС последнее совещание представителей Совета субъектов Федерации, бывшее явно нелегитимным (присутствовали представители лишь 25 регионов из 87, в основном представители Советов). Аман Тулеев, явно почувявший, куда дует ветер, предпочел под благовидным предлогом уклониться от участия в этом заседании. На нем было принято обращение к Ельцину с призывом к... переговорам и выводу войск. Многочисленные буйства сторонников оппозиции и несколько десятков убитых, уже имевшихся к этому моменту, предполагалось, видимо, списать в качестве пресловутых щепок, летящих в процессе рубки леса, — восстановления конституционной законности. А затем у Зорькина начались неприятности уже внутри КС. Прямо на заседании судья КС Тамара Морщякова предложила пересмотреть решение КС по делу о конституционности постановления съезда на-

родных депутатов РФ от 29 марта 1993 года «О Всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума».

Как заявила Морщякова, КС должен признать, что подсчет голосов на референдуме, произведенный в порядке, установленном указанным постановлением, не соответствовал ни действующему закону, ни подлинному волеизъявлению народа. А выраженное на референдуме мнение народа о необходимости проведения досрочных парламентских выборов теперь уже многократно подтверждено в решениях практически всех действующих органов государственной власти и многочисленных общественных структур.

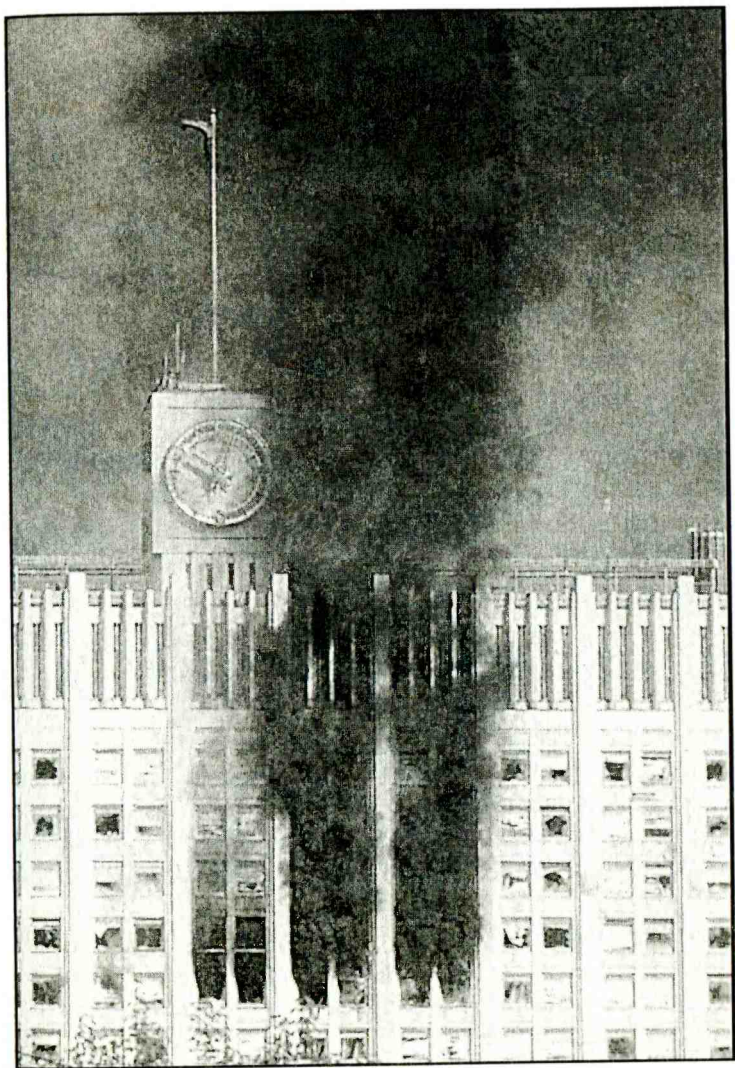
Кроме того, Тамара Морщякова призвала КС немедленно приступить к рассмотрению вопроса о конституционности действий и решений высших должностных лиц РФ, а также правовых актов X Чрезвычайного съезда народных депутатов и ВС РФ, принятых начиная с 21 сентября 1993 года. Среди них — решение о назначении и.о. президента РФ, о кадровых назначениях в правительстве, о дополнениях к Уголовному кодексу. Фактически, таким образом, из-под сидевших в БД депутатов выдерживалась всякая легитимность, они переставали рассматриваться как сторона кризиса, а становились лишь мятежниками. Параллельно, таким образом, закладывалась мина под Зорькина, «продавившего» принятие подобных решений. Политическое влияние главы КС падало, и его последний проект в этой должности — широкая центристская коалиция из КС, Патриархии и региональных советов — приказал долго жить, даже толком не родившись.

Впрочем, переговоры о спасении собственной жизни вел не один Руцкой. По позднему признанию О. Румянцева, он «звонил в посольство Венгрии, накрывшись банкеткой, беседовал с послом и, используя непечатные венгерские выражения, пытался объяснить ему, что необходимо срочно выслать миссию из послов, аккредитованных в Москве, чтобы они составили представление, что здесь происходит».

В 12 часов стрельба прекратилась, было объявлено неофициальное перемирие, вызванное инициативой Илюмжинова и президента Ингушетии Руслана Аушева прибыть с миротворческой миссией в здание. Кроме того, желающим было предложено выйти из здания с гарантией жизни и безопасности. Однако на это предложение почти никто не откликнулся.

Илюмжинов ехал в БД (он прибыл туда в 13.05), пытаясь выиграть время и собрать все-таки заседание ССФ, что сделало бы его практически третьим лицом в государстве. Его высказывания были выдержаны в антиельцинских тонах: «Сегодня Белый дом заглушат танками и вертолетами, а завтра — все регионы. Сегодня за колючей проволокой Белый дом, завтра — Калмыкия, послезавтра — вся Россия». Естественно, эти его пассажи не могли вызвать у Ельцина, да и у Черномырдина, желания общаться с выскочкой из Калмыкии, в одночасье возмнившим себя невесть кем. Его требования о личной встрече с Ельциным, как и предложение Черномырдину принять на себя всю полноту власти, были отклонены, и Илюмжинов покинул БД, теша себя надеждой на то, что на совещании глав администраций и облсоветов он сможет протолкнуть свою идею о посредничестве.

После отъезда Аушева и Илюмжинова бои вокруг БД

Пожар в Белом доме. 4 октября 1993 г.

Капитуляция А. Руцкого.

ДОКУМЕНТЫ

441
58

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О прекращении полномочий Президента
Российской Федерации Ельцина Б.Н.

В связи с грубейшим нарушением Президентом Российской Федерации Ельциным Б.Н. Конституции Российской Федерации - России, выразившимся в издании им Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации", приостанавливающего деятельность законно избранных органов государственной власти, Верховный Совет Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т :**

В соответствии со статьей 121-6 Конституции Российской Федерации - России полномочия Президента Российской Федерации Ельцина Б.Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года.

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации

Р.И.ХАСБУЛАТОВ

Москва, Верховный Совет России
20 сентября 1993 года
№ 5780-1

Постановление Верховного Совета об отстранении
Б. Ельцина.

1-43
8:3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об исполнении полномочий Президента Российской Федерации вице-президентом Российской Федерации Руцким А.В.

В связи с прекращением полномочий Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина на основании статьи 121-6 Конституции Российской Федерации - России, Верховный Совет Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т :**

В соответствии со статьей 121-11 Конституции Российской Федерации - России полномочия Президента Российской Федерации с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года исполняет вице-президент Российской Федерации Руцкой А.В.

Председатель Верховного Совета.
Российской Федерации

Р.И.ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов России
22 сентября 1993 года
№ 5781-1

Эта бумага провозгласила А. Руцкого «исполняющим обязанности президента».

57
641

П РА В И Т Е Л ь С Т В Е Н Н А Я Т Е Л Е Г Р А М М А

Министрам внутренних дел республик в составе
Российской Федерации,
Начальникам УВД краев, областей, автономных
краев, автономной области, автономных округов,
г.Москвы и г.Санкт-Петербурга

Вам надлежит незамедлительно предпринять исчерпывающие меры для обеспечения правопорядка и безопасности граждан, строгого соблюдения Конституции и законов Российской Федерации.

Указом исполняющего обязанности Президента А.В.Руцкого от 22.09.93 г. № 2 Вам предоставляются полномочия для пресечения любых противоправных действий, в том числе, разумеется, и тех, которые могут быть предприняты в связи с антиконституционным Указом Б.Н.Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400.

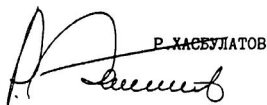
Об исполнении телеграфируйте.

Исполняющий обязанности Президента
Российской Федерации

А. РУЦКОЙ

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации

Р. ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов
22 сентября 1993 года

Телеграмма, с помощью которой А. Руцкой и Р. Хасбулатов пытались склонить на свою сторону «силовиков» и «элиту».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принимая во внимание факты искажения и сокрытия средствами массовой информации решений десятого чрезвычайного Съезда народных депутатов Российской Федерации по оценке действий бывшего Президента Российской Федерации В.Н.Ельцина, Съезд народных депутатов Российской Федерации постановляет:

Должностные лица и граждане, прекратившие свое участие в государственном перевороте и отказавшиеся от выполнения антиконституционных указов, приказов и распоряжений до 00.00 часов московского времени 25 сентября 1993 года, освобождаются от уголовной, административной и дисциплинарной ответственности, если их деятельность в период государственного переворота не привели к человеческим жертвам.

Председатель Верховного Совета
Российской Федерации

Р.И.ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов России
24 сентября 1993 года
№ 5812-1

Еще не взяв власть, депутаты уже объявили амнистию.

Президент Российской Федерации

44

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

№ _____

Товарищ _____ является полномочным представителем X Чрезвычайного (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации и исполняющего обязанности Президента Российской Федерации по осуществлению мероприятий, связанных с преодолением последствий государственного переворота в Российской Федерации.

Податель сего имеет право входа во все государственные и общественные организации Российской Федерации, включая министерства, ведомства, воинские части, флотские экипажи, узлы связи и транспорта. Все должностные лица обязываются всемерно содействовать в выполнении задач, поставленных перед полномочным представителем.

Действительно при предъявлении удостоверения личности.
Выдано сроком до 1 декабря 1993 года.

Исполняющий обязанности Президента
Российской Федерации

А. РУЦКОВ

Москва, Дом Советов

Вооруженные этими мандатами люди должны были стать местными диктаторами.

ВЕРХНИЙ СОВЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

28 сентября 1993

№ 65-3

Москва, Дом Советов России

13

СПРАВКА

Настоящим удостоверяется, что гражданин (ка) *Гасанов Юрие Арифович* являлся участником защиты конституционного строя и законности в Российской Федерации у здания Дома Советов России 24-28 сентября 1993 г.

родился: *24 сентября 1954 г.*
подпись: *Зекман*

Заведующий Приемной
Верховного Совета Российской Федерации

Л. Л. Таболицер

Такие справки защитники Верховного Совета должны были предъявлять на работе.

33 255
32

ВРЕМЕННОЕ РАЗРЕШЕНИЕ N _____ от _____ 09.93г.
на хранение и ношение огнестрельного оружия:

1. автомат АКСУ N _____
выдано Якушникову Владимиру Ивановичу
(Ф И О)
паспорт серия (удостоверение личности) ИП, №018074
номер _____, выданный 7 июля 19 74 г.
Военно-медицинский институт им. С.М.Кирова

МИНИСТР ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.А.Ачалов

...а также — в УВД.

167
21

Президент Российской Федерации

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящее удостоверение дано военнослужащему отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э.Дзержинского в том, что он перешел на сторону конституционных органов власти и отказывается выполнять преступные приказы против народовластия, против Конституции и закона.

Обладатель данного удостоверения освобождается от ответственности за свои действия по выполнению противоправных приказов до момента добровольного согласия не участвовать в акциях по государственному перевороту в Российской Федерации и вручения ему данного удостоверения.

В качестве исполняющего обязанности Президента Российской Федерации гарантирую данные обязательства.

Исполняющий обязанности Президента
Российской Федерации,

Генерал Российской Армии

Александр РУЦКОЙ

Дом Советов России
26 сентября 1993 года

Удостоверение перебежчика.

ПРОТОКОЛ № 1

Полномочные представители сторон в составе: Филатова С.А., Соскозца О.Н., Лужкова Ю.М., Соколова В.С., Абдулатипова Р.Р. в целях снятия остроты противостояния согласились реализовать следующие меры:

1. В целях обеспечения безопасности, сбора и складирования взрывчатого сырья, находящегося в Доме Советов, осуществить его сбор и складирование в Доме Советов и взятие под охрану совместных контрольных групп, организованных из сотрудников ГУВД г.Москвы и департамента охраны Дома Советов. Для этого незамедлительно выключается электроэнергия и теплоснабжение, а также необходимое количество городских телефонов для оперативной связи. Одновременно реализуются согласованные меры по сокращению потенциала сил и средств наружной охраны Дома Советов.

2. После реализации первого этапа стороны приступают к полному снятию вооруженного противостояния, заключающемуся в одновременном выводе из Дома Советов всех охраняемых формирований и снятии наружной охраны ГУВД. Одновременно окончательно решаются вопросы вывоза нештатного оружия из Дома Советов. Исполнение задач второго этапа происходит при согласовании и выполнении правовых и политических гарантий.

Это опасный документ, хотя сами переговоры дали возможность выиграть время.

Д. Абдулатипов 1.10.93г. 2

С. Филатов

Ю.М. Лужков

Протокол №1, подписанный в результате переговоров 1 октября 1993 г. Это опасный документ, хотя переговоры дали возможность выиграть время.

ПРОТОКОЛ

1807

заседания Военного совета обороны Дома Советов России по обсуждению результатов переговоров делегации Съезда народных депутатов РФ с представителями правительства Черномырдина В.С.

Васлушав устную информацию Соколова В.С. о ходе и результатах переговоров с правительством Черномырдина В.С., Военный совет считает:

1. Комиссия в составе Соколова В.С. и Абдулатипова Р.Г. превысила полномочия, данные ей IO чрезвычайным съездом народных депутатов РФ в части подписания I.IO.93г. протокола №I (прилагается) без предварительного согласования его со Съездом.

2. Подписание протокола №I является ошибочным, так как предварительно не были выработаны условия вхождения в конституционное поле в соответствии с решением IO Съезда народных депутатов.

Делегация не учла должным образом решения совещания субъектов Федерации от 20.09.93г.

3. Для обеспечения вхождения в конституционное поле необходимо:

а) до 3.00 01.10.93г. демонстрировать вышеупомянутый протокол №I;

б) до 10.00 01.10.93г. провести руководству Верховного Совета РФ пресс-конференцию об ошибочной позиции, занятой делегацией Съезда на переговорах с правительством Черномырдина В.С.;

в) на утреннем заседании 01.10.93г. Съезду назначить комиссию по выработке тактики и стратегии ведения переговоров с правительством Черномырдина В.С.

«Наш ответ Чемберлену» — протест против «силовиков» Белого дома на Протокол №1.

Условием начала переговоров является безусловное выполнение следующих требований:

обеспечение широких возможностей по изложению позиции Съезда народных депутатов РФ в средствах массовой информации;

подключение всех систем снабжения Дома Советов;

восстановление издания незаконно закрытых газет и соответствующих программ телевидения;

снятие вооруженной блокады здания на ближних и дальних подступах;

вступление в должность министров, назначенных Съездом.

Постановка вопроса о нештатном оружии, находящемся в Дом Советов России, ^{если} неправомерно, так как все имеющееся оружие - штатное и принадлежит Департаменту охраны Верховного Совета РФ

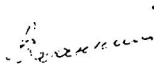
Министр обороны РФ
Генерал-полковник

В. АЧАЛОВ

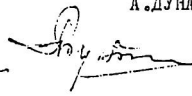

Министр безопасности РФ
Генерал армии

В. БАРАННИКОВ

Министр
внутренних д
Генерал -
лейтенант в/
А. ДУНА

В ночь с 3 на 4 октября 1993 г. А. Руцкой пытался добиться поддержки военных.

Выписка из аппаратного журнала
КШМ Р-142Н 552-80 РЧ

13 95
42

3.10.93 года в 10:00 было получено сообщение
с КШМ в/ч 7456 (подполковник Радом 76) адресованное
в/ч 3641 по МПД ~~№~~ (Голубе 21) и в/ч 7456 по МПД
(пресса 02) в котором Руцкой по каналу
fr:3310 вышел на связь и потребовал
122х (подзвонив командиров частей по ТПДМ)
прессе 02 и Голубе 21 к себе на инструктаж
в Москву на Красноярскскую, если ~~будет~~ или
будет возможность связываться с ним.

Прессе 02 собрать все силы и выдвинуть
на Красноярскскую и 930, старшему
явиться, в штаб.

Через 3 минуты это же сообщение было
передано полковником Акушевич, который
представился представителем правительства.

На вопрос Прессе 02 кто именно вышел
из командиров он назвал ^{гражданско} М. Ердынина, как
работавшего с ним по подзвонив "Белый дом".

В 00ч.25 мин. пришло сообщение. Всем кто
меня слышит в Останкино дана команда
вести огонь на поражение по митингующим
массово имеются жертвы в Останкино
и в Мэрии. Просим помощи
ваше ведомство и увеличьте
в период с 1900 до 1000 часов
раз передавал 122х связаться с ним

Выписка из аппаратного журнала, Руцкой вышел на связь с командирами частей и потребовал явиться им на инструктаж.

возобновились, и десантники стали медленно, но верно продвигаться к третьему этажу, где и сосредоточились к тому моменту основные силы оборонявшихся. Параллельно началась борьба со снайперами из числа сторонников Руцкого. Они в основном концентрировались на Новоарбатских высотках и на крышах окружающих БД жилых домов. Против них направляли мобильные группы милиционеров и омовцев, часто стрелявших во все, что движется, а уже потом слушавших объяснения. Именно так, в частности, погибла группа студентов, решивших с крыши посмотреть, что происходит у ДС — омовцы расстреляли их в упор. Что же касается самих снайперов, то, как позже признал Коржаков, большинству из них удалось уйти, поскольку целенаправленной «охотой» на них никто не занимался.

Около двух часов дня десантники вывели из здания первую партию пленных — всех, кого захватили на первом и втором этажах, включая и значительную часть штаба «полка». При этом сами пленные, часть из которых, видимо, решила, что их расстреляют на месте (сами они, вероятно, так и поступили бы), вели себя свободно, скандируя «Банду Ельцина — под суд!». Впрочем, большинство их было отпущено сразу же по выходе из здания, после непродолжительной «филтрации», сопровождавшейся эксцессами вроде отбирания документов и небольших экспроприаций со стороны солдат. Последние действовали в соответствии со своим стереотипом обращения с поверженным врагом. Даже сами выходившие признают в своих записках, если убрать из них различные украшения, вроде «демократов-путчистов», что с ними обращались довольно-таки корректно по меркам ЧП.

Вряд ли собравшиеся сохраняли бы хоть какую-то на-

дежду, если б им было известно о крайне жесткой позиции, занятой руководством страны. В 9 утра, одновременно с началом танковых залпов, по телевидению транслировалось обращение Ельцина, в котором он, в частности, сказал: «Эта тревожная и трагическая ночь многому научила нас. Мы не готовились к войне. Мы надеялись, что можно договориться, сохранить мир в столице. Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, — преступники. Но это не только преступление отдельных бандитов и погромщиков. Все, что происходило и пока происходит в Москве, — заранее спланированный вооруженный мятеж. Он организован коммунистическими реваншистами, фашистскими главарями, частью бывших депутатов, представителей Советов.

Под прикрытием переговоров они копили силы, собирали бандитские отряды из наемников, привыкших к убийствам и произволу. Ничтожная кучка политиканов попыталась оружием навязать свою волю всей стране. Средства, с помощью которых они хотели управлять Россией, показаны всему миру. Это — циничная ложь, подкуп. Это — булыжники, заточенные железные прутья, автоматы и пулеметы.

Те, кто размахивает красными флагами, вновь облили Россию кровью.

Они надеялись на внезапность, на то, что их наглость и беспримерная жестокость посеют страх и растерянность.

Они надеялись, что военнослужащие останутся в стороне и будут спокойно смотреть, как расправляются с безоружными москвичами, как вновь устанавливают кровавую диктатуру в нашей стране.

Они надеялись на то, что граждане России поверят в их ложь. Они надеялись на скорую победу.

Они просчитались, и народ проклянет преступников.

Им и тем, кто отдавал им приказ, нет прощения, потому что они подняли руку на мирных людей, на Москву, на Россию, на детей, женщин и стариков.

Вооруженный мятеж обречен. Чтобы восстановить порядок, спокойствие и мир, в Москву входят войска.

Их задача — освобождение и разблокирование объектов, захваченных преступными элементами, разоружение незаконных вооруженных формирований.

Я прошу вас, уважаемые москвичи, морально поддерживать боевой дух российских солдат и офицеров. Это — наша народная армия и милиция. И сегодня у них одна задача — защитить наших детей, защитить наших матерей и отцов, остановить и обезвредить погромщиков и убийц.

Москва, Россия ждут от вас мужества и решительных действий.

Общественные объединения, принимавшие участие в массовых беспорядках и иных противоправных действиях, запрещаются на всей территории России.

Центральному банку дано указание немедленно прервать все операции по счетам этих объединений.

Генеральной прокуратуре предписано безотлагательно возбудить уголовные дела и начать расследования по фактам организации массовых беспорядков.

Указ, предусматривающий эти и другие меры, ночью подписан и уже проводится в жизнь».

Содержание и сам тон этого заявления исключали какие-то переговоры, кроме безоговорочной капитуляции «белодомовцев». На попытку Руцкого возобновить

переговоры с присылкой представителей правительства в БД, Черномырдин устами своего пресс-секретаря ответил предельно жестко: «Ни о каких переговорах не может быть речи, речь может идти лишь о немедленной сдаче оружия». В разговоре с Р. Абдулатиповым Черномырдин выразился немного мягче, сказав ему, что «возобновлять какие-либо переговоры уже поздно».

В 15.00 наконец началось столь долго ожидавшееся сторонами совещание регионалов. Илюмжинов и Аушев, вернувшись из БД, попытались было провести на заседании представителей регионов мысль о необходимости переговоров, в последний раз надеясь получить роль посредников. Впрочем, подобные предложения разбились о жесткую реакцию председательствовавшего на заседании Черномырдина: «Сколько можно! Это же нелюди, зверье! На все наши предложения представители Белого дома отвечали наглым отказом, а затем их ответом стали преступные действия, террор, стрельба, смерть ни в чем не повинных граждан. Сегодня утром правительство предложило находящимся в Белом доме вооруженным формированиям немедленно сдать оружие и боеприпасы. Нам снова ответили отказом. Терпению правительства, терпению народа пришел конец. В 8 утра, сегодня, вся территория возле здания на Краснопресненской набережной была блокирована подразделениями Министерства внутренних дел и Министерства обороны.

На протяжении всего этого времени мы неоднократно предлагали и предлагаем прекратить бессмысленное сопротивление, продолжающееся братоубийственное кровопролитие, выйти всем, кто сегодня находится в Белом доме, без оружия. При этом им гарантируется жизнь и безопасность. Но нас не слышали и не хотят слышать

даже сейчас <...> Никаких переговоров больше никто вести не будет!» Кроме того, премьер отметил, что Хасбулатов и Руцкой не использовали прекращение огня для реальных шагов к прекращению конфликта.

После этой жесткой отповеди представители регионов практически единогласно проголосовали за принятие заявления, в котором поддерживались и одобрялись принятые Ельциным «решительные меры»: «Участники совещания с возмущением воспринимают действия этих экстремистов и поддерживают меры, законно осуществляемые органами внутренних дел, российскими солдатами и офицерами». Было также отмечено, что они «разделяют содержащуюся в обращении Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 4 октября 1993 г. к гражданам России оценку событий, происшедших в последние дни в г. Москве». Эти итоги совещания, по воспоминаниям Руцкого, были для осажденных «как удар кувалды по голове». Таким образом, рухнула последняя надежда осажденных на чудо.

Примерно в это же время начинается массовое бегство оборонявшихся через подземные коллекторы. Таким путем из здания выбралась часть офицеров Департамента охраны, большинство баркашовцев во главе с «фюрером», часть окружения Ачалова, личная охрана Хасбулатова, вывезшая часть документов.

Подконтрольная Руцкому территория сузилась до 1—2 этажей здания. Обеим сторонам было ясно, что предстоит решительный штурм. Впрочем, военному командованию было понятно, что этот штурм приведет к большим жертвам с обеих сторон. Это же понимала и «белодомовская» верхушка. Тогда на сцену выступили группы спецназа «Альфа» и «Вымпел», получившие приказ взять ДС

штурмом. Собственно, приказ этот они получили еще утром от Ельцина. Однако руководство групп, понимая, что в результате штурма могут быть многочисленные жертвы, которые потом спишут на спецназ, всеми силами стремилось отказаться от участия в штурме, как и в 1991 году. За отсутствием письменного приказа спецназовцы готовы были довольствоваться решением КС. Но, естественно, подобное решение не могло быть получено.

Барсукову с трудом удалось их убедить хотя бы просто подойти к БД. Как писал в своих мемуарах Борис Ельцин: «Тактика была у Барсукова простая: попытаться подтянуться как можно ближе к зданию, к боевым действиям. Почувствовав порох, гарь, окунувшись в водоворот выстрелов, автоматных очередей, они пойдут и дальше...» Впрочем, «дальше» спецназовцы, получившие в свое распоряжение несколько БМП, пошли лишь после того, как пулей снайпера был убит офицер группы «А» Геннадий Сергеев («патриоты» обвиняли в его гибели «бейтаровцев», которым якобы нужно было заставить группу пойти на штурм). Надо заметить, что в случае полного отказа спецназа от штурма здание было бы взято — просто с большими жертвами, зато группе потом не поздоровилось бы. По некоторым данным, командир «Альфы» генерал-майор Зайцев едва не застрелился от подобной перспективы.

Впрочем, штурмовать здание «альфовцы» и пошедшие за ними «вымпеловцы» не стали (хотя и существовала версия, что спецназ практически без боя занял несколько этажей), предпочтя переговоры с засевшими в здании людьми о сдаче. Разные источники описывают обстановку, в которой были предъявлены эти требования, по-разному, но все сходятся на том, что около 16.00

в зал Совета Республики, куда к тому моменту стянулись практически все, находившиеся в здании (по разным источникам, под контролем сторонников Руцкого и Хасбулатова оставалось от одного до трех этажей), пришел Баранников в сопровождении двух офицеров в форме спецназа — посланцев группы «Альфа». При этом собравшиеся первоначально решили, что группа перешла на их сторону и тем оправдала их надежды на чудо. Но эти предположения быстро развеялись после того, как офицеры начали излагать, зачем они явились.

Заявив о том, что «вы нам в отцы годитесь, мы не хотим никого убивать», и пуганув собравшихся предполагаемыми ракетной и газовой атаками, «альфовцы» предложили им сдаться под гарантии спецназа. При этом всем гарантировался свободный проход к автобусам, которые должны были отвезти людей к метро. Не совсем понятно, насколько этот визит был согласован с вышестоящими инстанциями. Источники в этом отношении расходятся. Но вполне можно предположить, учитывая последующие события, что «альфовцам», выполнявшим приказ об аресте Руцкого, Хасбулатова и их ближайшего окружения, совсем не хотелось терять еще людей, а бескровная капитуляция могла существенно поднять реноме группы. В зале немедля разгорелась дискуссия. Несмотря на то что «анпиловские бабушки» призывали присутствующих героически умереть, большинство депутатов предпочли сдаться, аргументировав это тем, что, мол, тогда они смогут продолжить борьбу с «антинародным режимом».

Последние сомнения собравшихся якобы развеял Баранников, заявивший:

— Мы обо всем договорились. Какие у нас силы — вы сами видели. Прекращение сопротивления — дело вре-

мени. На этих людей можно положиться. А о нас не беспокойтесь.

Часть рядовых боевиков, да и сам Макашов, едва не подняли бунт. Однако, получив личный приказ Ачалова и поняв, что решение принято и изменений не будет, также капитулировали и предпочли смешаться с толпой, бросив по приказу «альфовцев» оружие и снаряжение. Хасбулатов вспоминал по этому поводу, что когда Макашов стал возражать, приводить какие-то аргументы, то он, «зная его роль в «Останкино», жестко прервал его:

— Ваши слова, Альберт Михайлович, уже несвоевременны и неуместны».

Существенным аргументом смогло стать и то, что примерно в это же время прозвучали два последних танковых залпа по верхним этажам здания, напомнившие его защитникам, что их может ждать. По описанию одного из сдававшихся, в результате в коридоре у зала воцарился хаос: «Были набросаны амуниция, пустые рожки, вещмешки». Впрочем, тот же Коржаков оценивал состояние «белодомовских» коридоров еще критичнее: «Мы начали обследовать первый этаж. В нос ударил специфический запах — смесь больничного спертого воздуха и вокзального сортира. Значит, воду действительно отключили. Повсюду валялись обрывки бинтов, повязок, ваты, остатки еды, какие-то коробки. Грязища страшная. Никаких трупов внутри Белого дома я не видел. Коридоры были забиты поломанной мебелью. На полу валялась макулатура. Мне это зрелище напомнило кадры из старых революционных фильмов».

Начался Большой Исход. Руководство ДС спецназовцы собрали в кабинете Руцкого. Выводили их лично зам. командира «Вымпела» полковник Проценко, Захаров и

Коржаков. Интересно, что Руцкой, по-видимому, заранее готовился к возможному тюремному заключению. По крайней мере, по воспоминаниям Коржакова, баул с вещами, который бывший вице взял в тюрьму, был такого размера, «что я подумал, будто генерал в него матрас закатал».

Одновременно вышла большая группа сотрудников аппарата ВС. Очевидец вспоминал этот выход так: «На лестнице в два ряда выстроились одетые в камуфляж люди. Через несколько минут из дверей показались люди из Белого дома, большей частью в штатском. Некоторые из них держали руки за головой. Они спускались по лестнице между двумя шеренгами людей в камуфляжной форме <...> Выход и посадка в автобусы проходили под аккомпанемент редких выстрелов и автоматных очередей, но стрельба шла в основном левее Белого дома (в районе Глубокого переулка).

Всех вышедших подвергли тщательному обыску, и тех, кто был с оружием, задерживали. Длилось это довольно долго — примерно с 17.00 до 18.15. Причем, похоже, «Альфа» получила приказ об аресте лишь строго ограниченной группы лиц (Руцкой, Хасбулатов, Ачалов, Баранников, Дунаев, Макашов), помимо тех, кто окажется с оружием. Так, спокойно прошел кордоны Илья Константинов, объявленный в розыск позже. После же того как были арестованы и посажены в автобусы те, кто интересовал спецназовцев, «Альфа» в 18.15 покинула место событий, предоставив остальным добираться до метро самостоятельно, через кордоны разъяренных омовцев. Большинство арестованных (кроме VIP-персон, проследовавших в Лефортово и расписывавших в своих мемуарах, как они благодарны спасшему их от смерти специа-

зу) распределили примерно по 30 отделениям милиции, где они просидели от нескольких часов до двух суток. В числе других задержанных, согласно данным МВД, были бывший глава администрации Брянской области, первый заместитель председателя Совмина Мордовии (депутат Верховного Совета Мордовии), пять депутатов Моссовета, глава администрации Селивановского района Владимирской области (депутат облсовета), сотрудник Генштаба МО, командир танкового полка Таманской дивизии, сотрудник контрразведки войсковой части, два работника КГБ Калмыкии.

Надо отметить, что Ельцин не забыл этой нелояльности, существенно «почистив» «Альфу» и передав «Вымпел» в МВД. В дальнейшем боевые действия в здании свелись к прочесыванию его помещений солдатами-десантниками.

Помимо телезрителей у штурма были и, так сказать, зрители обычные. Уже с утра на мосту собралась огромная толпа, наблюдавшая за штурмующими. Причем в большинстве своем это были не сторонники Ельцина или Хасбулатова, а просто люди, которым было интересно. И действительно, где еще увидишь войну на расстоянии взгляда. Причем опасность подобного наблюдения их не волновала. Подростки прямо сидели вокруг солдат, которые из-за бордюра у БД вели огонь, и, как азартные болельщики, сопровождали каждый танковый выстрел воплями: «У-у, давай, так их, хорошо!» По справедливому замечанию одного из вице-премьеров правительства, на мосту следовало бы расставить столики и брать доллары за просмотр. Один из очевидцев описывал эту толпу в интервью «Мемориалу» так: «Это была в основном всем хорошо известная молодежь арбатского вида.

— На чьей стороне?

— Ни на чьей.

Они были зеваки. Как потом описывалось, они это переживали как футбольный матч, просто бродили там толпами. Многие из них были тоже уже поддатые. Многие продолжали прямо там пить под выстрелами».

Еще один очевидец отмечал, что люди, находившиеся в 300 — 500 метрах от зоны стрельбы, относились ко всему весьма спокойно — никто не бегал, женщины заходили в магазины, дворники мели тротуар и т. п.

Часть этой толпы составили сторонники Ельцина, которых зачем-то подвозили к месту событий на автобусах. Некоторые из собравшихся, впрочем, стремились использовать свое местонахождение для личного обогащения. Помимо потрясшего всех наблюдения за войной, мир увидел еще одно — мародерство под огнем и при свете дня. Как подростки, так и зрелые люди тащили оружие, запчасти автомашин, личные вещи погибших и раненых, оргтехнику из здания мэрии и даже с первых двух этажей БД.

Впрочем, был единственный момент, когда эта толпа рассеялась. Это произошло около двух часов дня, когда страх перед снайперами смел зевак, отбросив панически бежавших людей в дворики Нового Арбата. Вместе с ними из здания прорвалось примерно 50 человек во главе с командиром полка Марковым. Впрочем, потом толпа достаточно жестоко отомстила за свой страх. По воспоминаниям того же свидетеля: «И в один момент просто кто-то крикнул, что ведут снайпера. Мы стояли в этот момент на ступеньках ресторана «Арбат», оттуда выбежал почему-то швейцар с испуганным видом. Кто-то, может и он, закричал, что поймали снайпера. Сразу бросились туда,

наверное, человек 100 ко входу. К сожалению, я стоял не в самом первом ряду и не видел досконально все, что произошло, но вроде, возможно, это был действительно снайпер, который попытался проскочить, желая раствориться в толпе, возможно, это была какая-то ошибка, кто-то с пьяных глаз крикнул.

В общем, навалились на этого человека. Его просто начали рвать на куски, топтать, примерно такая сцена, как из «Войны и мира» с Растопчиным, несчастным, на Красной площади. Кто-то побежал за омовцами. Кричали: «ОМОН! ОМОН!» Продолжалось это минуты 3 — 4. ОМОНа не было. Потом откуда-то из глубины Нового Арбата, со стороны Арбатской площади, действительно два омовца подбежали. Открыли огонь в потолок прямо, при входе у «Арбата», толпа разбежалась, после этого они просто уволокли это тело, уже безжизненное, кажется, просто уволокли к Садовому кольцу, и все».

Даже после начала штурма в Москву продолжали прибывать войска и ОМОН. Тульская дивизия ВДВ, поднятая по тревоге в четыре утра, совершила двухсоткилометровый марш-бросок до Москвы и к девяти была уже в городе. Псковская дивизия ВДВ была загружена в самолеты, чтобы в случае необходимости десантироваться под Москвой. Тульские и рязанские вэдэвэшники были направлены на смену 119-му ПДП и внутренним войскам, штурмовавшим БД. Именно эти солдаты и стали гарнизоном «Района Чрезвычайного положения». МВД — УВД 53 регионов РФ были даны указания о направлении в столицу подразделений ОМОН. Всего прибыло около 3000 омовцев, помогавших обеспечивать режим ЧП.

Помимо самого здания БД, боевые действия развернулись также в прилегающих районах. Около пяти вечера

центром столкновений ненадолго стала станция метро «Улица 1905 года», в окрестностях которой боевики обстреляли ИПК «Московская правда», и журналисты одноименной газеты долго спорили с журналистами «Московского комсомольца» — в чьи же окна метили? Однако к шести часам, после того как к зданию ИПК подошла бронетехника, боевики рассеялись. Однако затем они вновь вернулись (или это пришла новая группа). Перестрелки в районе метро «Улица 1905 года» прекратились лишь ближе к 24.00. Примерно в 19.00 были полностью выловлены снайперы, базировавшиеся на Новом Арбате. Впрочем, отдельные стрелки-одиночки, по сообщениям СМИ, находились там практически до наступления ночи.

Еще одним объектом нападений стало 43-е отделение милиции. Возможно, боевики пытались освободить своих товарищей, сидевших там в заключении. Впрочем, отделение было скоро отбито и вновь заполнилось арестантами. Перестрелки продолжались и в районе Ленинградского проспекта, Звенигородского шоссе. И наконец, в полночь 4 октября некие вооруженные люди ворвались в ИТАР-ТАСС, но вскоре были отбиты. Это был последний очаг этой скоротечной гражданской войны. Кто это был — непонятно. С одной стороны, появились сообщения о том, что одним из нападавших, погибшим при нападении, был офицер-таманец, командир танкового батальона. С другой — всего было задержано 8 человек, вооруженных прутьями и бутылками с горючей смесью. Еще одна попытка атаки была примерно в час ночи, когда мимо здания на большой скорости пронеслась легковая автомашина, из окон которой автоматчик обстрелял здание.

В «Останкино», напротив, было абсолютно спокойно,

и Первый канал даже возобновил трансляцию. Возможно, что это спокойствие обеспечивали несколько БТРов, стоявших у входа. То же самое спокойствие царило и в редакциях оппозиционных газет, где никто даже не попытался оказать сопротивление приехавшим их закрывать представителям властей. В принципе Москва практически не замечала ведущихся в центре боевых действий. Были лишь закрыты в метро перегоны «Багратионовская» — «Александровский сад», «Парк культуры» — «Белорусская», для входа и выхода не работали станции «Улица 1905 года» и «Баррикадная». Впрочем, на всякий случай день был объявлен не учебным, и заместитель руководителя Администрации Президента РФ Вячеслав Волков обратился с призывом ко всем родителям в Москве не отпускать детей в школу.

В соответствии с приказом коменданта района чрезвычайного положения г. Москвы был установлен особый режим въезда и выезда из столицы, а также передвижения в пределах отдельных участков территории. Для досмотра автомашин было организовано 46 контрольно-пропускных пунктов на основных магистралях. Был введен комендантский час и круглосуточное патрулирование.

В провинции наблюдалось ледяное спокойствие. В митингах сторонников ВС 4 октября приняли участие всего 12 000 человек. Правда, кое-где на всякий случай принимали меры предосторожности. Так, хабаровские коммерсанты решили объединить свои службы безопасности для отпора возможным действиям сторонников ВС. А в большинстве городов России уже после первых информационных сообщений из Москвы была усилена охрана теле-радиокомпаний и военных объектов.

Практически сразу же после капитуляции «белодо-

мовской» верхушки началось тушение пожара. В 19.28 4 октября, «учитывая складывающуюся оперативную обстановку», генерал-майор внутренней службы В. Максимчук отдал приказ о передислокации шести автоцистерн, четырех автонасосов, трех пожарных автомобилей на Краснопресненскую набережную, а пожарного катера — к Новоарбатскому мосту. Через двадцать три минуты высланные подразделения были сосредоточены в районе развивающегося пожара.

К этому времени на 17-м и 18-м этажах БД пожар определялся как «интенсивное горение», распространившись по всему периметру здания со стороны фасада и перебрасываясь на 16-й и 19-й этажи. Штаб пожаротушения в эти минуты возглавил полковник Гречаников, заместитель начальника Управления пожарной охраны. Полковник, видя, что здание блокировано войсками и свободное приближение пожарных подразделений к зданию исключено, передал информацию по радиации и вместе с прибывшим оперативным дежурным подполковником Перепелкиным предпринял попытку установить контакт с войсковыми нарядами. В те же минуты производилось боевое развертывание 25-й роты пожарных по направлению к центральному входу. При этом техника рассредоточивалась в местах, наименее подверженных обстрелу. В 20 часов 13 минут полковник передал по радиации, что рота в сопровождении вооруженной группы провела разведку обстановки с первого по пятый этаж включительно. «Сопровождать дальше в высотную часть здания группа отказалась, мотивируя это сложной планировкой здания, темным временем суток и имеющейся информацией о нахождении там вооруженных боевиков и заминированных участков».

Штаб военной комендатуры по охране БД получил аналогичные мотивировки: пожарным было категорически отказано в военном сопровождении их в высотную часть здания. В 21 час 21 минуту обстрел усилился, и все боевые действия пожарных подразделений были приостановлены. К этому времени огонь бушевал на 19-м этаже. Дальнейшие попытки пожарных потушить огонь сопровождались обстрелом со стороны Нового Арбата, прекратившимся лишь ближе к часу ночи. И лишь в 3.00 прибывший на тушение начальник СПАСР МВД РФ генерал-майор внутренней службы В.Е. Дедиков организовал тушение пожара. К 7.15 5 октября пожар был потушен. Через несколько часов после этого последний из боевиков, еще остававшихся в здании, — 18-летний Вячеслав Бондаренко из Кустаная — застрелился при задержании, став 152-м погибшим в этом конфликте. Гражданская война в центре России закончилась.

Так были ли «Бейтар» и бригада полковника Кенти?

В статьях патриотической прессы, посвященных годовщине «Черного октября», постоянно упоминаются некие «бейтаровцы», якобы воевавшие на стороне президента Ельцина. Слухи об этом попали даже в мемуары спикера ВС Хасбулатова. Наиболее подробно об этом рассказывалось в мемуарах «русского разведчика Ивана Иванова». В его изображении «бейтаровцы» были основной ударной силой Ельцина, а армия была где-то на вторых ролях. А после сдачи Руцкого и Хасбулатова «бейтаровцы» якобы осуществляли массовую чистку, уничтожая раненых и безоружных. Так, «Иванов» писал, что «бейтаровцы» «проходили этаж за этажом, добывая раненых, расстреливая на месте пленных и уничтожая всех оставшихся нежелательных свидетелей».

Этот миф появился из-за необходимости объяснить «патриотическим массам» причины позорного поражения «восставшего народа» от «оккупационного режима», который якобы держался лишь с помощью телевидения, 10 000 — 15 000 омовцев и личной охраны первых лиц страны. На эту удочку попались несколько демократических журналистов. Скандально известный журналист «Московского комсомольца» А. Хинштейн приходил к председателю Ваада России М. Членову и пытался на

полном серьезе выяснить, насколько активно «Бейтар» участвовал в боях 3—4 октября. По словам М. Членова, журналист был очень разочарован, узнав о том, что весь московский «Бейтар» осени 1993 года состоял из 9 девочек школьного возраста.

Так что же такое «Бейтар»? «Бейтар» — «Брит Йосеф Трумпельдор» (Завет Йосефа Трумпельдора) был организован в 1923 году лидером сионистов-ревизионистов Жаботинским и представлял собой нечто вроде еврейских скаутов. В России (тогда еще РСФСР) первые организации «Бейтара» появились в 1989 году (Учредительный съезд состоялся 13—14 мая 1990 года). «Бейтаровцы» обеспечивали работу Второго съезда Ваада СССР — единственной тогда еврейской «зонтичной» организации, помогали отъезжающим собираться. Впрочем, в качестве единой организации «Бейтар» просуществовал весьма недолго и уже в августе 1990 года раскололся. В начале 1991 года численность активистов «Бейтара» составляла около 400 человек. Кроме того, у организации насчитывалось несколько тысяч сторонников. Отделения «Бейтар» были более чем в 50 городах. Однако в конце 1991 года в связи с массовым отъездом членов «Бейтара» за рубеж его активность значительно снизилась. Под вопрос была поставлена вообще возможность продолжения деятельности объединения. Так что при открытии Еврейского университета в Москве в феврале 1992 года его руководители, которым Г. Старовойтова рекомендовала пригласить «бейтаровцев» в качестве охраны, вынуждены были обратиться к услугам частного охранного агентства.

Параллельно с историей реального «Бейтара» развивалась история его виртуального двойника. В 1990 году, практически сразу же после появления «Бейтара» на по-

литической сцене, появляются первые упоминания о еврейских боевиках — «бейтаровцах», якобы убивших известного «борца с сионизмом» Евсева. Это упоминание появилось в так называемом «письме 74-х» (по иронии судьбы количество «подписантов» совпало по численности с номером статьи УК, по которой был осужден единственный оказавшийся в тюрьме антисемит Смирнов-Осташвили), которое пытались сделать антиперестроечным манифестом консервативной интеллигенции. Об общем уровне этого опуса может дать представление следующий пассаж: «Тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации «Огонька», «Советской культуры», «Комсомольской правды», «Книжного обозрения», «Московских новостей», «Известий», журналов «Октябрь», «Юность», «Знамя» и др. вынуждают заключить, что пасынком нынешней «революционной перестройки» является в первую очередь русский народ. Представители трех его ныне живущих поколений, начиная от ветеранов Великой Отечественной войны, спасших мир от гитлеризма, представители разных социальных слоев и профессий — люди русского происхождения — ежедневно, без каких-либо объективных оснований именуется в прессе «фашистами» и «расистами» или же — с сугубо биологическим презрением — «детьми Шарикова», то есть происходящими от псов». «Бейтар» был охарактеризован как военизированные отряды сионистов, «истинные коричневорубашечники», организация, причастная к резне палестинцев в лагерях Сабра и Шатила и «сотням кровавых преступлений».

Можно предположить, что появлению этих слухов способствовала многочисленная «антисионистская» литература, рисовавшая «Бейтар» не с лучшей стороны.

Возможно, что «патриоты» приписали «сионистам» собственные затаенные мечты — иметь хорошо обученных боевиков. Кроме того, исходя из принципа «лучшая защита — нападение», авторы письма защищались от критиков русского национализма и право-левого радикализма. Из окончательного варианта письма, который был опубликован в прессе, пассаж о «Бейтаре» был вычеркнут, но по рукам этот вариант ходил.

Но вскоре «патриоты» были поддержаны с неожиданной стороны — в ноябре 1990 года в «Еврейской газете» (№ 3) было опубликовано интервью с руководителем одной из групп, на которые распался «Бейтар», В. Басом, под названием «Они хотят сражаться, но не здесь». Интервью было немедленно перепечатано «Советской Россией» и придало слухам о грозном «Бейтаре» достоверность. Согласно Басу, в стране насчитывались тысячи «бейтаровцев», обучавшихся владению оружием и боевыми искусствами, со своей разведслужбой. Может быть, в тот момент так и было, но, вероятнее всего, «руководитель «Бейтара», известный в тогдашней «еврейской тусовке» как фантазер, приукрашивал ситуацию, стремясь раскрутить свою организацию и привлечь новых участников. Впрочем, сам Бас позже заявлял, что его высказывания были извращены корреспондентом газеты. Руководство «Бейтара» в лице Е. Фишзона попыталось исправить ситуацию с помощью контринтервью, которое появилось в той же «Еврейской газете» в конце февраля 1991 года. Однако, что интересно, если на интервью Баса регулярно ссылались, то интервью Фишзона оставалось в тени, несмотря на то, что там содержался весьма лакомый для патриотического мифотворчества материал о том, что российские «бейтаровцы» после начала войны в Персид-

ском заливе начали было формировать Еврейский легион по примеру Жаботинского. Возможно, это было вызвано тем, что Фишзон несколько раз твердо заявил, что Бас не является руководителем «Бейтара» и никогда им не был, а все его рассказы о «Бейтаре» недостоверны. Не менее решительно Фишзон отверг любые домыслы об оружии, признав лишь, что «бейтаровцев» готовят к будущей жизни в Израиле — обучают ивриту и преподают уроки рукопашного боя.

Но никакие интервью и опровержения не могли исправить ситуации. Дело было сделано — миф о могущественных «бейтаровцах» обрел плоть. Причем, как это видно из истории открытия Еврейского университета, в это верили не только националисты, но и некоторые демократы. И в дальнейшем, до середины 1990-х годов, именно на интервью В. Баса ссылались для обоснования «реальности» своего изображения «Бейтара» многочисленные «патриоты». В следующий раз «Бейтар» упоминается в мае 1991 года в резолюции II съезда Славянского Собора «О запрещении сионизма и создания сионистских организаций в СССР», где о нем говорится уже как о «всем известном». Можно считать, что с этого момента данная организация прочно занимает свое место в пантеоне патриотической мифологии как некие «еврейские боевики».

Впрочем, до начала 1993 года этот миф не особенно развивали. Изредка его подпитывали публикации в «патриотической» прессе, вроде письма, подписанного «о. Тихон Сельский», напечатанного в одном из номеров газеты «День» в 1993 году, где надрывно проповедовалось спасение от «русского погрома» со стороны «бейтаровцев».

С началом противостояния у БД ситуация изменилась. «Белодомовские сидельцы», начиная уже с 22 сен-

тября, на уровне официальных сообщений пресс-службы Верховного Совета тиражировали миф о поддержке Ельцина некими неофициальными структурами (поскольку, согласно «патриотической» мифологии, силовые структуры должны были если не выступить вместе с «восставшим народом», то хотя бы придерживаться дружественного нейтралитета), готовыми якобы выставить до трех дивизий. Чаще всего в этой связи упоминались некие мифические «отряды Боксера» (В. Боксер — видный демократ «первой волны», почему-то ставший на тот момент символом еврейского всевластия в России). К «боксеровцам» причислили даже собравшихся у Моссовета в ночь с 3 на 4 октября людей. В том, что эти силы очень скоро стали ассоциироваться с сионистами, нет ничего удивительного, поскольку антисемитов среди анпиловцев, составлявших основной контингент «защитников Советской власти», было очень много, а основным виновником своих бед они дружно считали «мировую закулису» (а, например, не собственное неумение приспособиться к изменившимся условиям жизни). В «подручных Сиона» у «белодомовских сидельцев» ходили и московские омовцы (соответствующие стишки были вывешены на одной из баррикад), и отряд «Россия» из участников обороны БД в августе 1991 года. Очень скоро «боксеровцев» отождествили с «Бейтаром», о котором начали ходить самые дикие слухи, разросшиеся к концу противостояния до фантастических размеров. И неудивительно, что, по данным журналистки В. Куцилло, проведенной все время противостояния в БД, 4-го днем там неоднократно распространялись слухи о подходе «бейтаровцев», готовых перебить всех, изнасиловать беременных женщин и выпить кровь из детей, и многие были свято уверены в этом. Кроме

того, осажденные с помощью радиообращений о том, что «по русским стреляют военизированные боевики Боксера из сионистской организации «Бейтар», стремились разбудить среди осаждающих антисемитские настроения и перетянуть их на свою сторону. На благодатную почву многолетних антиссионистских кампаний, во время которых израильтян рисовали едва ли не с рогами и копытами, упали и слухи о помощи «Моссада» Ельцину. Надо отметить, что еще в начале сентября Иона Андронов с трибуны Верховного Совета объявил, что именно «Моссад» заинтересован в дискредитации «русского национального героя» Руцкого (заявившего, кстати, во время своего визита в Израиль, что он является евреем по матери). Да и вообще «белодомовские сидельцы» оказались весьма восприимчивы к разного рода мифам, вроде прибытия на помощь Ельцину пресловутых снайперш, известных как «белые колготки». Так что «Бейтар» вписался в этот ряд весьма органично.

После капитуляции БД тема участия в штурме и вообще в противостоянии 3 — 4 октября неких внешних сил получила новый импульс, о причинах которого сказано выше. Многие его защитники стали говорить об участии в штурме неких спецотрядов. В числе участников штурма назывались даже абсолютно фантастические версии, вроде участия в штурме БД бригады израильского спецназа «Иерихон», 6-й бригады сил быстрого развертывания НАТО под командованием полковника Джейка Кенти и пр. Но лидер праворадикальной организации РНЕ Баркашов, наиболее активно распространявший эти домыслы, вскоре понял бесполезность этого и больше ни о каких иностранных войсках не упоминал.

Понятно было, что бригада — это не иголка в стоге

сена, и если бы она действительно присутствовала, то ее непременно бы заметили москвичи. А настойчивое повторение этой темы лишь обрекало бы «патриотов» на быстрое разоблачение лживости их измышлений. Кроме того, журналисты могли бы достаточно быстро выяснить, существует ли вообще подобная воинская часть, что весьма сомнительно, поскольку у НАТО нет своих вооруженных сил, а есть лишь войска стран — членов блока. Потому «линия НАТО и спецбригад из-за рубежа» была заброшена. Интересно, что «Иванов» осторожно пишет о том, что, конечно, «пока нет достоверных подтверждений информации Русского Национального Единства (РНЕ) об участии в расстреле парламента 4-й бригады спецназа Израиля «Иерихон». Но следующая же фраза тут же отмечает всякую осторожность: «Однако ряд источников утверждает, что такой вывод позволяют сделать имеющиеся в их распоряжении радиоперехваты».

Зато осталась хорошо знакомая «еврейская линия». Уже в октябре в омской патриотической газете появилось описание атаки на БД БТРов некой «Боевой организации сионистов России», разрешенной якобы еще Горбачевым. Но затем, видимо, было решено не тратить усилий на «раскрутку» нового «образа врага», а обойтись хорошо известным патриотическим массам «Бейтаром». В качестве участка бейтаровской атаки был выбран единственный момент, когда атаковавшие БД люди были в гражданском — атака БТРов, которыми управляли «афганцы» из СВА Котенева утром 4 октября. С тех пор для патриотических масс стало аксиомой, что первыми «защитников Конституции» атаковали «бейтаровцы». В мемуарах Р. Хасбулатова приведены фрагменты из его рабочего дневника, якобы написанные 4 октября во время штурма.

Там написано буквально следующее: «В предрассветный час вместе с грохотом танков и танковых орудий вокруг Белого дома стали концентрироваться бронетранспортеры. В некоторых из них находились мужчины, одетые не по форме, позже мне сообщили, что это «бейтаровская гвардия» — из числа еврейской молодежи Москвы». Богатая фантазия Руслана Хасбулатова также первой сделала «бейтаровцев» «чистильщиками», которые якобы должны были вырезать всех, находившихся в здании БД, но не смогли этого сделать благодаря «Альфе». Само заявление о «бейтаровцах» (которых он, впрочем, отделял от «боксеровцев», представавших у него едва ли не личной гвардией Лужкова) приводится им исключительно для опровержения позоривших его слухов о массовом привлечении чеченских наемников к обороне БД. Кроме того, в Москве в 1993 году не было возможности создать никакие, даже невооруженные, еврейские отряды, поскольку еврейская жизнь после массовой эмиграции 1989 — 1992 годов только начинала налаживаться. О неких боевиках «боксеровцах и бейтаровцах», которые якобы должны были уничтожить депутатов, писал Ю. Воронин, бывший в 1993 году заместителем Хасбулатова, но его версия весьма расплывчата, поскольку он даже не сообщает о том, что видел этих пресловутых боевиков.

Наиболее стройную версию выстроил вышеупомянутый «Иванов». Он прямо отождествил СВА (чьим главой, помимо А. Котенева, он сделал... все того же В. Боксера, абсолютно гражданского человека), якобы ставший «крышей» для зловредных сионистов, с «Бейтаром». По его изложению, многие члены СВА — «Бейтара» параллельно являлись сотрудниками «Моссада» и (одновременно!!) находились в прямом подчинении МВД Израи-

ля (г-н «Иванов», видимо, не знал, что в реальности такая подчиненность невозможна, так как МВД Израиля не располагает какими-либо структурами за пределами страны и вообще является структурой сугубо гражданской). Настойчиво повторяемая тема черных курток, как форменной одежды «Бейтара», нужна для того, чтобы протянуть еще одну ниточку — к «евреям-чекистам» первых революционных лет, прямыми потомками которых якобы и являлись «бейтаровцы». При написании раздела, касавшегося «Бейтара» или, как он его называл, «Организации», «русский разведчик» по всей вероятности использовал все то же интервью В. Баса, расцвеченное его богатой фантазией.

Читатели могли узнать о бейтаровских тренировочных лагерях, а также о еврейской «разведывательно-диверсионной и террористической деятельности». Кроме того, «Иванов» не постеснялся использовать информацию о «ритуальных убийствах» (см. ниже). В его писанинах «Организация» представляла основной ударной силой Ельцина, получившей даже БТР. Правда, их легализация приписывалась еще Горбачеву (видимо, лишь недостаток фантазии помешал «Иванову» расписать «зверства» «Бейтара» в период перестройки). Однако в интервью, данном заместителем редактора газеты «Завтра» В. Бондаренко журналу «Столица» в начале 1994 года, последний, кого уж никак не отнесешь к филосемитам, заявил, что помимо солдат и омовцев в атаке участвовало только около сотни бывших «афганцев», и абсолютно не упоминает ни о каких «бейтаровцах». Остальные «доказательства» «Иванова» оказываются построенными на передергиваниях. Так, он пишет, что рядом с Коржаковым находился «неустановленный нами пока человек, который на весьма

важных президентских встречах и различных видеопленках несколько раз зафиксирован рядом с Ельциным. Похожий на интеллигентного раввина, загадочный господин с аккуратной бородкой (назовем его условно «Равви») спокойно стоит у внутренних дверей 1-го подъезда, расположившись справа от них. Влиятельный бородач воспринимается всеми присутствующими офицерами и кремлевскими гостями как должное, и по их поведению видно, что это далеко не рядовой участник событий». Прошу прощения за длинную цитату, но, видимо, «Иванов», как и подобает антисемиту-конспирологу, видит в этом «Равви» то ли резидента «Моссада», то ли руководителя всемирного сионистского центра. Между тем из мемуаров Коржакова мы узнаем, что этим человеком был бизнесмен Владимир Виноградов, руководитель Инкомбанка.

Еще одна тема, разрабатываемая «Ивановым» — бейтаровцы-снайперы. Он ссылается при этом на скандальное интервью, взятое Марком Дейчем в 1994 году у одного из высоких чинов ФСК. Однако, поскольку Дейч не раскрыл своего источника (а следовательно, и реальных намерений этого человека), то достоверность приведенных в этом интервью сведений остается сомнительной. Кроме того, уйти удалось далеко не всем снайперам. Семеро из них были убиты, двое застрелились при аресте и еще 21 человек был схвачен и препровожден в милицию. И видевшие это люди оставили свои воспоминания. Так, в коллекции интервью «Мемориала» упоминается о поимке двух снайперов, которые, по словам интервьюируемых, «выглядели, как обыкновенные люди, только вид у них был, мягко говоря, невеселый». Еще одного снайпера, воевавшего в Хорватии на стороне сербов, видела журналистка «Эха Москвы». На ее вопрос, почему он,

зная о падении БД и капитуляции руководства, продолжал стрелять, «он прохрипел: «Я еще живой»». У большинства убитых боевиков были найдены оплаченные квитанции на покупку гробов и документы, из которых явствовало, что в основном это были «солдаты удачи», воевавшие в «горячих точках».

«Бейтаровцев» сделали ответственными не только за штурм БД. Им приписывали также зверские избиения демонстрантов в последних числах сентября 1993 года (правда, якобы видевшие их «свидетели» одели «бейтаровцев» не в черные куртки, а в камуфляж и черные береты), а также активное участие в закрытии ультраоппозиционной газеты «День», которую на самом деле закрывал экс-депутат Моссовета А. Осовцов.

Отдельную «еврейскую линию» рисовали некоторые «патриотически настроенные литераторы, видевшие в собравшихся у Моссовета людях исключительно приверженцев жидо-масонов. Вот что, к примеру, углядел некий Станислав Золотцев, аттестованный как «известный русский писатель»: «Сразу бросилось в глаза — сколько же там хасидов! Целые толпы. А с моссоветовского балкона кое-кто попросту призывал убивать «этих свиней, называющих себя русскими и православными». Чему удивляться?!». Несмотря на всю фантастичность этих объяснений, они охотно публиковались — надо же было объяснить рядовым «патриотам», что Ельцина поддерживают исключительно евреи, что они были его основной опорой в те дни и лишь счастлирое стечение обстоятельств помогло ему удержаться.

Естественно, не могло обойтись без обвинения в ритуальном убийстве. И вот в «Русском порядке», газете РНЕ, публикуются душераздирающие подробности о му-

чительной ритуальной смерти баркашовца Д. Марченко — крестообразно перерезанное горло, обескровленное тело и т. п., что якобы сделали «бейтаровцы». Однако в следующем номере «Русского порядка» смерть Марченко была описана просто: «был расстрелян оминовцами в ночь с 4 на 5 октября», и всякие упоминания о ее ритуальном характере отсутствовали. То ли баркашовцы поняли, что перегнули палку, то ли родные Марченко обратились к ним с требованием не тревожить память покойного... Интересно, что к теме якобы ритуального убийства Марченко обращался и «Иванов», писавший, что тело Марченко было найдено в морге «со следами зверских истязаний и ритуальных пыток». Причем он тут же зачислил в жертвы этих ритуальных пыток еще троих погибших — видимо, для того, чтобы история о сионистской резне русских смотрелась поинтереснее.

Своего апогея обсуждение темы участия «бейтаровцев» в событиях «Черного октября» достигло в 1994 — 1996 годах. Видимо, радикальная оппозиция, не оставлявшая надежд на приход к власти, пыталась таким образом дискредитировать властные структуры в глазах населения России.

Позже, с маргинализацией радикальных групп и переходом наиболее влиятельных «патриотов» на умеренные позиции, эта тема постепенно сошла на нет и сохранилась лишь в виде обсуждений на «патриотических» Интернет-форумах, граффити на стенах и заборах и среди рядовых «патриотов», многие из которых до сих пор свято уверены, что «бейтаровцы» уничтожали (расстреливали, сжигали и пр.) людей в БД. К сожалению, этот миф так и не был детально опровергнут. Последний всплеск пересудов на эту тему относится к 1998 году, когда газета «Я — рус-

ский» опубликовала антисемитскую статью к пятилетнему юбилею «Черного октября». К статье была приложена фотография московского милиционера с автоматом, выведенного в качестве «бейтаровца». На беду газеты, милиционер, узнав себя, подал на нее в суд. Средству массовой информации пришлось извиниться и заплатить штраф.

Впрочем, пожалуй, лучшей отповедью этой мифологии служит статья одного из тогдашних оппозиционных лидеров — Николая Павлова, появившаяся осенью 1993 года в «Общей газете», где говорилось следующее:

«В первой половине дня 4 октября 1993 года на шестом этаже Дома Советов под звуки канонады танковых пушек навсегда закончился один теоретический диспут. По крайней мере, для меня. Тогда, в моменты относительного затишья, когда можно было говорить и слышать, когда не звенели разбиваемые пулеметными очередями оконные стекла, я, лежа на полу, сказал лежащему рядом коллеге и другу С.Н. Бабурину, что давний спор наш закончен. А суть его была очень проста и одновременно актуальна. В нас, русских депутатов, называемых в прессе патриотами, национал-патриотами, националистами, стреляли русские солдаты и офицеры. Мы их видели собственными глазами. Знаю, что кто-то видел засланных из-за рубежа американских агентов, кто-то видел бейтаровцев, а я видел, как русские стреляли в русских».

Провокация Ельцина

Еще одним важным мифом, изо всех сил раздуваемым сторонниками Руцкого и Хасбулатова, является утверждение о том, что события 3—4 октября были грандиозной провокацией со стороны Ельцина, который-де только таким способом и мог заставить армию встать на свою сторону и выиграть противостояние (ну а еще параллельно уничтожить патриотическую оппозицию, духовность — далее можно подставить все, что нравится). К примеру, публицист Л. Сигал в своих статьях заявлял, что провокация была организована Ельциным, которому «нулевой вариант», к чему якобы склонялись переговорщики в Свято-Даниловом монастыре, был невыгоден.

Зачем делаются подобные заявления журналистами и публицистами-«патриотами», вполне понятно. Сцены штурма мэрии и кричащего: «Вперед на «Останкино»!» Руцкого навсегда лишили «патриотов» множества умеренных сторонников, которых ужаснуло кровопролитие. Естественно, что им хотелось бы вернуть своих сторонников и оправдаться за почти полторы сотни погибших. А делать это легче тогда, когда заявишь, что был якобы невинной жертвой провокации. Кроме того, есть еще один деликатный вопрос. Священный Синод, помнится, обещал обрушить на голову первого, применившего в братоубийственном конфликте оружие, свою анафему. Однако это грозное оружие так и не было использовано. Естественно, что «патриотам», изо всех сил рядящимся в

поборники православия, совсем не хотелось бы попасть под анафему, а вот для рисуемого ими демонического образа Ельцина она будет весьма кстати.

Демократические журналисты, и в частности сторонники Явлинского, подобными рассуждениями должны были заставить читателей поверить в то, что Григорий Явлинский был одним из тех, кто стремился к разрешению кризиса мирным путем, и забыть про его резкое выступление по телевидению в ночь с 3 на 4 октября с призывом к жестким мерам.

Заявления о том, что Ельцин готовил провокацию, опровергаются мемуарами большинства участников событий с президентской стороны. Практически все они, независимо от позднейших политических пристрастий, пишут о том, что никаких экстраординарных совещаний не проводилось и работа президентского аппарата шла обычным ходом. А вечером 2 октября практически все руководство страны разъехалось по дачам. Все шоферы были отпущены по домам. Когда Виктор Илюшин во второй половине дня 3 октября распорядился наконец собрать помощников в Кремль, то долго пришлось разыскивать водителей. Наконец, 2 октября, то есть всего за день до кровавых событий, Ельцин продолжал демонстрировать спокойствие и уверенность. По пути на работу в Кремль он остановил свою машину около здания Верховного Совета и беседовал с милиционерами, стоящими в оцеплении БД. На вопрос корреспондента английской телекомпании «Скай ньюс телевижн», дежурившего возле оплота оппозиции, президент ответил, что, по его мнению, здравый смысл преобладает и уже сегодня может быть достигнуто соглашение о складировании оружия, имевшегося в БД.

Впрочем, можно не верить мемуарным свидетельствам, но это же подтверждает и полная растерянность силовых структур 2—3 октября, что видно из хранящихся в «Мемориале» радиоперехватов, — «силовики» просто не были готовы к радикализации ситуации. Вряд ли это похоже на подготовленную провокацию.

Попытаемся, однако, рассмотреть основные аргументы сторонников версии «провокации», если предположить, что сотрудники МВД не были в нее посвящены. Первый и самый, по их мнению, «убойный» аргумент — материалы так называемого совещания редакторов центральных газет, состоявшегося 29 сентября у вице-преьера Михаила Полторанина, на котором якобы было объявлено, что СМИ должны «с пониманием отнестись к тем мерам, которые предпримет президент 4 октября», и «не драматизировать их возможные последствия». По другой версии, приводимой, в частности, в трудах «Иванова», подобное требование содержалось в письме, разосланном секретариатом министра 1 октября. При этом как-то упускается из вида, что об этом требовании стало известно тогда же, и Александр Невзоров успел продемонстрировать экземпляр этого письма в одном из последних выпусков своей программы «600 секунд». Впрочем, подобное сообщение было тогда не единственным. «Правда» сообщала о «спешных приготовлениях» в «Матросской Тишине»: уплотняются камеры, заключенных с верхних этажей переводят вниз, коридоры тюрьмы нашпигованы «большим количеством атлетически сложенных молодых людей в штатском». В дополнение к этому приводится поступившее в институт Склифосовского 1 октября указание о подготовке коек для 300 раненых. Хорошо, можно предположить, что «кремлевские заговорщики»

нарушили самое четкое правило, вошедшее в плоть и кровь нескольких поколений отечественной номенклатуры, — щекотливые дела обговаривать только устно, а письменные приказы — лишь по исполнению. Но все они «почему-то» забывают одну маленькую деталь: именно 4 октября истекал срок ультиматума, предъявленного правительствами России и Москвы сторонникам Верховного Совета. А поскольку было видно, что «белодомовцы» выполнять этот ультиматум и выходить из здания, предварительно сдав оружие, не собираются, то, понятное дело, планировалась вполне законная силовая операция, которая и должна была начаться после истечения срока ультиматума. Именно к ней относятся и слова Полторанина, и приготовления в московских больницах (что касалось тюрем, то надо учитывать, что «Правда» тогда не столько давала реальную информацию, сколько строила соответствующий представлениям ее руководителей образ противостояния, в котором отрицательный ельцинский режим, естественно, должен был готовить тюрьмы для «патриотов»).

Дополнительный аргумент сторонникам «провокации» даст и неожиданный, по их мнению, прорыв. Публицисты «демократической» направленности концентрируют свое внимание на том, что стоявшие на пути демонстрантов заслоны были чрезмерно слабыми, спецсредства не использовались или использовались самые неэффективные и пр. Однако они предпочитали «забывать» о том, что милиция не готовилась к противостоянию значительным группам боевиков, а несколько захваченных в самом начале машин сыграли, как мы помним, роль таранов. Кроме того, большая часть милиционеров была вооружена лишь дубинками и щитами. На все кордоны было все-

го 40 единиц стрелкового оружия. При этом стрелять в упор, что, вероятнее всего, остановило бы толпу, было невозможно из-за строгого запрета вышестоящих начальников и бури обвинений в «убийствах безоружных людей», которая немедля поднялась бы в СМИ. Подкрепления же просто не успели, а затем руководство МВД на некоторое время утратило управляемость своими частями. Именно поэтому, а вовсе не потому, что была запланирована провокация, мятежникам достались армейские грузовики (опять-таки — не давить же было толпу грузовиками, а по-другому вывести их на тот момент уже было невозможно).

Еще одна группа аргументов связывается с указом Бориса Ельцина о введении ЧП. Прежде всего обращают внимание на его время — 16.00, момент, когда демонстранты только-только подошли к Белому дому, — справедливо указывая на то, что за короткое время указ не может быть подготовлен. Значит, делался «глубокомысленный» вывод: Ельцин готовил этот указ заранее, планируя провокацию (Александр Руцкой в своих мемуарах упоминал даже о том, что проект этого указа был готов уже 1 октября).

Сторонникам теории заговора нехудо бы вспомнить одно постановление Верховного Совета того времени. Принятое в первом часу ночи 22 сентября, оно говорило о принятии Руцким президентских полномочий с 20.00 21 сентября, то есть за три часа до того. Речь шла лишь о легитимации действий Руцкого в эти часы. То же самое мы видим и здесь. Четыре часа дня стали точкой отсчета для ЧП лишь потому, что именно этим временем, по мнению Президента и его сторонников, и было датировано начало массовых беспорядков. Таким образом, Ель-

цин просто легитимизировал свои действия и действия своих сторонников в рамках ЧП. Вероятнее всего, сначала было объявлено ЧП, а уже потом подготовлен и подписан указ, вероятнее всего, уже после возвращения Ельцина в Кремль. Конечно, существует и возможность подготовки проекта указа в более ранние дни, но это не свидетельствует ни о каких коварных намерениях Ельцина, а лишь о том, что президент (или его помощники) предполагал, что при попытке правительства и мэрии добиться выполнения ультиматума могут возникнуть массовые беспорядки.

Еще одна тема, поднимаемая в плане «провокации Ельцина», — вопрос о снайперах. Стремясь отмыться от обвинений в том, что именно их снайперы убили ряд гражданских лиц, сотрудника «Альфы» и ряд солдат выстрелами в спину, и понимая, что лучшая оборона — это нападение, противники Ельцина поспешили объявить, что они к этим снайперам не причастны, а выставляли их «подручные Ельцина» из ГУО, стремившиеся якобы еще больше разжечь конфликт и дать президенту повод к силовому вмешательству. Вот что, например, пишет Руцкой в своих мемуарах «Кровавая осень» о том, кто стрелял в демонстрантов у мэрии (реальную реконструкцию этих событий см. в главе «Дубина народной войны»): «Задержанные сотрудники МВД сообщили: «Это из спецподразделения и еще какие-то люди в гражданском. Первыми из здания ушли через выход на переулок гражданские. Винтовки у них были в чехлах, отход их прикрывало спецподразделение, затем и они ушли, оставив нас». Туда же следует отнести и сообщение «Иванова» о том, что Коржаков якобы получил со склада в Балашихе 127 снайперских винтовок (впрочем, в другой части своего труда «Иванов»

называет другую цифру — 102 винтовки. Свидетельствует ли это об опечатке или о принципиальном невнимании к читателям — судить трудно). Однако это сообщение, несмотря на ремарку «подтверждено документально», практически не поддается проверке. А учитывая апокрифический характер самого произведения и его нацеленность на то, чтобы представить Ельцина и его окружение исчадиями ада, вероятность того, что оно лживо, возрастает на несколько порядков.

При этом наличие снайперов отрицается Руцким и его сторонниками на основании того, что в ДС, мол, было всего две снайперские винтовки, которые были захвачены штурмующими вечером 4 октября в чехлах. Однако с учетом того, что в обороне здания участвовали люди, воевавшие в Абхазии и Приднестровье (причем из последнего, как мы помним, прибыли бойцы батальона спецназа). И те и другие могли принести с собой все, что угодно (интересно, что по другой версии, исходящей из «белодомовских» кругов, снайперских винтовок было 12). Последняя цифра, кстати, примерно соответствует числу реально действовавших снайперов, о которых упоминают различные источники. Кроме того, снайперу, действующему в городе с относительно близких расстояний, совсем необязательно применять снайперскую винтовку, можно стрелять и из автомата.

«Остальные 1350 погибших пока не известны...»

Еще одним мифом, широко распространившимся в изданиях самого разного толка, стало утверждение о значительном занижении числа погибших правительственными структурами. Утверждалось при этом, что подобное занижение было сделано для того, чтобы скрыть якобы имевшие место массовые расстрелы, проводившиеся 4 — 5 октября.

Самым первым местом подобных расправ был назван находящийся по соседству с местом событий стадион «Асмарал», который, как мы помним, некоторое время был занят МВД под место расположения резервов. Вот как это описывается в оппозиционной печати: «Сдавшихся десантникам омовцы расстреливали на стадионе около бассейна за военную форму или подозрительный вид, за одно резкое слово, за отказ держать руки за головой (по ориентировочным данным, на стадионе «Асмарал» расстреляли до 160 человек) [другие «свидетельства» доводят эту цифру до 500, а некоторые и до 1000 человек. — С. Ч.]. Свидетели-очевидцы из БД и окрестных домов показали, как это происходило: примерно до 2.00 5 октября на стадионе расстреливали партиями — сначала 10 — 15 минут дружно били из автоматов взводом или ротой, потом «работали» двумя пулеметами, затем цикл

снова повторялся. Запротоколировано участие в ночных расстрелах неустановленных гражданских лиц с автоматами «АКМ», одетых в кожаные куртки. Расстреливали и сдавшихся под гарантии «Альфы», часть из которых расстреляли и добили ОМОН и ГУО. ОМОН убивал пленных, а перед расстрелом насиловал женщин... Перед расстрелом многих раздевали по пояс — мародеры заставляли снимать куртки и верхнюю одежду, чтобы не попортить добычу».

Конечно, описания леденят кровь. Однако всякое желание верить пропадало после посещения самого стадиона (еще до того, как по «совету» Коржакова оттуда убрали бетонный забор). Во-первых, худшее место для массовых расстрелов найти сложно — стадион почти со всех сторон окружен высотными зданиями, рядом находятся американское посольство и знаменитая высотка на площади Восстания, откуда все отлично просматривается. Так что непонятно, почему же не сохранилось ни единого снимка этих расправ (при том, что большинство подобных массовых экзекуций на постсоветских просторах было отлично задокументировано). Кроме того, стены, у которых якобы проводились массовые расстрелы, были девственно гладкими с 1 — 2 щербинками, что никак не может получиться при массовых расстрелах. Еще один вопрос — достоверность свидетельств. Большинство из них были абсолютно анонимными (вроде писаний «Иванова»), а там, где все же фигурировали имена рассказчиков, реальных людей, речь шла уже не о расстрелах, а о массовых избиениях с инструкцией «Вломить депутатам как следует». Как раз в это поверить намного легче, зная обычную практику российской милиции в обращении с задержанными. По другим данным, на своеобразных «филтрации-

онных пунктах» били только депутатов, считая их ответственными за столкновения. Причем, заметим, били, но не расстреливали, хотя первое время распространялась легенда о том, что Ельцин, мол, собирался уничтожить всех патриотически настроенных депутатов, а спасла их «Альфа», которая на самом деле довольно быстро ушла от здания ДС. Большинство из них живо и по сей день, а если кто и скончался, то от причин естественных. Уцелело и большинство «белодомовских» «военных», включая такую достаточно одиозную личность, как бывший командир вильнюсского ОМОНа Б. Макутынович, находившийся в здании до конца. Легенда же о расстрелах на стадионе возникла от того, что кому-то очень захотелось вбить в головы населения мнение о том, что правительство Ельцина — это режим Пиночета по-русски. А в России о Пиночете помнят ровно две вещи: то, что он провел очень жесткие экономические реформы, и то, что при нем расстреливали на стадионах. Впрочем, отдельных расстрелов, конечно, исключать нельзя, но вряд ли их цифра, по оценкам экспертов, с которыми я разговаривал, может превышать 10 — 15.

Таким образом, расстрел на стадионе, как массовый поставщик трупов, отпадает. Остается другой вариант — БД. И здесь фантазия господ журналистов и литераторов работает на полную катушку. Говорится о пожаре в БД, когда засевшие на верхних этажах здания задохнулись или сгорели живьем, о разорванных на куски танковыми снарядами (при том, что через несколько лет «патриоты» сквозь зубы, но признали, что обстрел велся болванками), о затопленном бункере под существующим рядом с ДС спортзалом, в котором якобы находились сотни людей, и, конечно, о массовых расстрелах, которые прово-

дили «бейтаровцы» чуть ли не до середины дня 5 октября. Журналистам демократического направления о последнем писать неприлично, и они предпочитают сосредоточиваться на якобы имевших место боях в подземельях и разногласиях в первые дни между государственными чиновниками по вопросу о количестве погибших.

Обычно сторонники подобных версий упирают на то, что из здания ДС якобы не было вынесено ни одного трупа. Впрочем, информация об этом была неверной. Медицинскими бригадами, работавшими рядом со зданием, а также вместе со следователями было вынесено примерно 20 — 25 погибших и тяжелораненых. Те, кто упоминает об этом, объявляют подобную численность погибших чрезмерно маленькой. Хотя непонятно, почему она должна была быть больше. Если не брать в расчет фантастических историй с пожарами и разорванными на куски людьми (хоть бы назвали одного такого человека, и не бесформенно — «мужчина средних лет», а четко, с фамилией и т.д.), то, собственно, бои в здании были почти бесконтактными: обе стороны не стремились к прямому столкновению, а затем основная масса находившихся в ДС сдалась «Альфе».

Для того чтобы показать громадное число убитых, приводится свидетельство неких медиков, грузивших тела на грузовик «в три ряда», что, по их словам, составило незначительную часть от штабеля тел. Однако непонятно, какой это был грузовик и сколько, собственно, в него уместилось тел. В машину «Скорой помощи», по свидетельству участников «Левой сандружины», работавших тогда в районе здания, помещалось не более двух тел.

Впрочем, попробуем вычислить, а была ли вообще, так сказать, материальная база для массовых расстрелов?

«Иванов» утверждает, что, по словам Руцкого, слышанным им утром 4 октября, в здании находилось около 10 000 человек. Впрочем, учитывая психологическое состояние Руцкого, он в то утро мог сказать что угодно и кому угодно. У Руслана Хасбулатова встречается две оценки: 400 — 500 и 4000 — 4500 человек. Я полагаю, что более достоверна первая оценка, данная в его мемуарах «Великая российская трагедия», а не цифры, которые Хасбулатов называл уже после того, как в оппозиционных Ельцину кругах утвердилась «каноническая версия». Итак, около 700 вооруженных людей, 500 гражданских, около 150 — 200 депутатов и несколько сотен обслуживающего персонала, подростков и пр., итого, около 2000 человек (и это с учетом всех натяжек, реально людей могло быть и меньше).

По отчетам «альфовцев», им удалось вывести 1700 человек. Сами патриоты признают, что из здания смогли уйти 120 — 150 человек, из которых 50 якобы прорвались с боем поверху (видимо, именно эта группа и вела перестрелку у «Улицы 1905 года»), а остальные спаслись по канализационным коллекторам. Учитывая то, что в «полку» была своя группа разведчиков-диггеров, уйти могло даже больше. Но остановимся на цифре 150 человек. Многим из них для того, чтобы найти выходы, пришлось блуждать по подвалам здания несколько часов. Позже бывшие товарищи по оружию успели попрекать друг друга в том, что, спасаясь в одиночку, каждый забывал подумать о спасении товарищей, закрывая за собой пройденные коллекторы. Еще 42 человека сдались в плен. Получается 1900 человек. Оставшиеся 100 (если они существовали) могли быть как в числе выведенных и вышедших, так и сбежать при первых же выстрелах.

Заявления же о стрельбе, продолжавшейся до утра

5 октября, совсем не обязательно означают, что в это время там шли бои или кого-то расстреливали. По опыту чеченской войны можно напомнить, что ночью солдаты (а в БД, как и в Чечне, они опасались встреч с некими inferнально-страшными боевиками) реагируют на каждый шорох, доносящийся из темноты, морем огня.

Версия же о массе сгоревших отмечается потому, что пожарные, тушившие (и, заметим, потушившие) пожар, практически не обнаружили ни одного погибшего. Тем более, как сейчас выясняется, размеры пожара были здорово преувеличены. То же самое касается и затопленного бункера. Кроме свидетельств «Иванова», который сам там не был и говорит лишь о каких-то анонимных «свидетелях», больше никто этого факта затопления не подтверждает.

Что же касается разногласия с числом погибших, то она, помимо прочего, была вызвана неточной интерпретацией данных. Напомним, что самые высокие оценки числа погибших в БД — 800 и 500 — дали генерал Волконов и телекомпания CNN еще до принятия капитуляции здания. По всей вероятности, они имели в виду общее число людей, оставшихся в здании, не предполагая, что кто-то там остался в живых из-за мифологемы о жестоким бое. Однако сразу же после капитуляции ДС, когда власти получили возможность ознакомиться с реальным положением дел, цифры резко пошли вниз.

Кроме того, существовало несколько списков погибших. В одном, официальном, фигурировали люди, доставлявшиеся в больницы и морги. Другие списки составлялись по опросам свидетелей. Но если в первом обычно четко публиковались фамилия и имя погибшего, то списки, составленные по свидетельствам очевидцев

(назовем их «список неизвестных лиц»), имели такой существенный недостаток, как анонимность. Сплошь и рядом там встречались фразы, вроде «мужчина средних лет», «женщина, примерно 35 лет» и пр. Когда же недобросовестные журналисты объединяли два этих списка, то возникла картина действительно громадных потерь. Впрочем, ко второй половине октября 1993 года, когда в основном была завершена работа по идентификации погибших, «списки неизвестных лиц» резко уменьшились. Оказалось, что сообщаемые разными людьми сведения об анонимном погибшем часто относятся к одному и тому же человеку. По мере того как количество подобных отождествлений росло, численность неопознанных погибших уменьшалась. В результате всего было признано погибшими 152 человека, что один в один совпало со «списком неизвестных лиц».

Миф о боях в подземелье родился из стремления чиновников МБ доказать, что все находилось под контролем и подземные коммуникации были блокированы. В результате усилиями «Новой ежедневной газеты» (позже убравшей из своего названия второе слово) едва не пошел гулять по свету миф о подземных боях с сотнями погибших. Однако в дальнейшем эта тема не получила развития — видимо, ввиду полной бесперспективности.

Еще одна любимая присказка сторонников массовой гибели «защитников ДС» — большинство из них, мол, составляли иногородние, которые не посвящали семьи в свои планы, отправляясь на «защиту конституционного строя». Однако, будь это так, МВД зафиксировало бы резкий всплеск численности пропавших без вести в этот период и не обнаруженных позже. Однако, согласно отчетам МВД, ничего подобного в стране не произошло —

численность исчезнувших продолжала оставаться на одном уровне.

Теперь попробуем понять, откуда же и для чего взялась наиболее распространенная и ставшая практически канонической цифра в полторы тысячи убитых. Начнем с последнего. Небольшое число погибших, тихая капитуляция и роспуск по домам основной массы «защитников» никак не вписывались в спешно создававшуюся мифологии массового героического противостояния «диктатору». Для того чтобы этот миф наполнился реальностью, нужны были свои погибшие герои. А за отсутствием реальных лиц героями сделали лиц вымышленных и даже сочинили от их имени «Завешание». Никто, правда, не задавался вопросом, как же этот документ мог выйти за стены здания, если все его авторы, «не сдавшиеся защитники Белого дома», погибли. А если и задавался, то ответа не получал.

Теперь вопрос — откуда же взялись эти данные? В ноябре 1993 года в «Независимой газете» появилось следующее письмо: «Я офицер внутренних войск, и для меня вопрос чести сообщить все то, что я знаю... Всего в Белом доме было обнаружено 1500 трупов, среди них женщины и дети. Все они тайком вывезены оттуда через подземный туннель, ведущий от Белого дома к станции метро «Краснопресненская», и далее за город, где были сожжены... Убитых там много потому, что по Белому дому стреляли не болванками, как утверждают, а боевыми снарядами кумулятивного действия; возникавшая при их разрыве в здании ударная волна была столь сильной, что у жертв разрывалась голова. Стены были забрызганы их мозгами. Это много хуже фашизма, господа! Это чудовищно, да и словами не выразишь!»

Именно это достаточно странное анонимное письмо, не подтвержденное никакими другими источниками, и стало основой той самой «канонической версии». Что касается кумулятивных снарядов, то, похоже, сколько ни убеждай «патриотов», что стреляли обычными болванками, их не переубедишь — если человек верит во что-то, переубедить его бывает крайне сложно. Что же касается массовых захоронений, то посетившие кладбища и крематории журналисты выяснили, что дальше разговоров, возможно, навеянных слухами о массовом побоище в Белом доме и необходимости срочно прятать трупы, дело не шло. Даже единственный сотрудник столичных кладбищ, уверенно заявивший о том, что действительно хоронил массу неопознанных трупов, так и не смог показать, где же это все произошло, что поставило достоверность его свидетельства под весьма жирный знак вопроса. Зато сами эти разговоры, в свою очередь, вновь порождали слухи о том, что власть срочно ищет места для братских могил. А потом все шло по новой...

А для того чтобы эти измышления выглядели посolidней, их соавторами сделали общество «Мемориал» — старейшую и весьма авторитетную неправительственную организацию, объявив, что «мемориальцы» тоже поддерживают выводы о громадном числе убитых. Однако, судя по предоставленным «Мемориалом» материалам, его сотрудники, занимавшиеся опросом очевидцев, получали лишь информацию типа «он сам не видел, через другие руки» и потому относились к ней с большой осторожностью, хорошо зная, как реальные события могут быть приукрашены человеческой фантазией. Сведения же о высоком числе погибших были особым мнением двух членов

группы, позже опровергнутым материалами, собранными остальными «мемориальцами».

Версия о том, куда делись трупы, была затем подкорректирована. По версии «Иванова», «в тайном уничтожении трупов участвовали следующие коммерческие похоронные бюро: «Аллиер», «Анисмус», «Гранит» <...> часть останков расстрелянных защитников парламента была вывезена и тайно захоронена на одном из военных полигонов в Подмосковье».

Впрочем, некоторые постулаты все же выпали из этой стройной схемы. Так, старательно обсасывавшееся во всех «патриотических» СМИ убийство экипажем БТР (по другой версии — раздавленного танком) православного священника, якобы вышедшего к ним с крестом, тихо исчезло с их страниц после того, как года через два «Московский комсомолец» отыскал и предъявил живого и относительно здорового батюшку. То же самое относится к заявлениям о якобы 22 погибших еще до 3 октября, чьи корни — в «черной» пропаганде сторонников Верховного Совета того времени. Здесь тоже предпочитают упоминать одну-две фамилии да мифического инвалида — то ли войны, то ли просто инвалида, — якобы убитого ОМОНОм 2 октября на Смоленской площади.

Впрочем, коммунистов и националистов подобные нестыковки не смущают. На созданном ими мемориале «павших защитников Конституции» аккуратно вывешены фотографии 150 погибших, имеется нехитрая приписка: «Имена остальных 1350 погибших пока не известны». Это «пока» тянется уже почти 10 лет, и не похоже, чтобы к списку реальных фамилий погибших прибавится хоть одна. По причине отсутствия оных.

«Вожди вспоминают минувшие дни»

После падения БД и подавления последних очагов сопротивления войска стали немедленно выводить из Москвы. Уже к 6 октября из города была полностью убрана тяжелая техника. Впрочем, намного больше неприятностей, чем танки, москвичам причинили региональные омовцы и солдаты, вставшие лагерем на Ходынском поле, энная часть которых восприняла командировку в Москву как исправление социальной несправедливости и поспешила заняться выравниванием уровня доходов москвичей со своим путем изъятия у первых материальных ценностей, а попросту говоря, вымогательством. Параллельно Ю. Лужков использовал ситуацию для того, чтобы начать первую из своих многочисленных кампаний по борьбе с лицами без прописки, предложив москвичам доносить на таких людей. При этом он предполагал использовать войска для того, чтобы «вычистить город». В «очистительном» раже даже начали формировать «добровольные группы помощников», но вскоре одумались.

Однако 18 октября закончилось и это — Ельцин своим указом отменил чрезвычайное положение, и жизнь в столице потихоньку стала входить в обычную колею.

Параллельно силовые структуры занялись самонаграждением. Сотни и тысячи военных и милиционеров были представлены к различным наградам. Только МВД до конца 1993 года наградило около 3500 человек. Но, ко-

нечно, настоящий дождь из наград пролился на генералитет. 8 октября 1993 года Ерин и Грачев получили звание Героев России. Ряду офицеров и генералов были досрочно присвоены очередные звания. При этом стыдливо замалчивалось как отсутствие милиции в центре вечером 3 октября, так и нерешительность Павла Грачева в ночь с 3-го на 4-е.

Практически сразу же после того, как прозвучали первые танковые выстрелы в Москве, вся региональная фронда окончательно исчезла. Региональные бароны вдруг поняли, что проявление непокорности может привести к тому, что следующей целью будет уже их личная резиденция. Из провинции валом пошли верноподданнические речи, губернаторы стремились побыстрее отмежеваться от вчерашних союзников. Областные Советы практически повсеместно отменили свои предыдущие решения о неконституционности Указа №1400 (действие само по себе с юридической и логической сторон достаточно странное); причем, чем раньше состоялась сессия, тем более резко выглядит «откат назад».

Впрочем, речами дело не ограничилось. По воспоминаниям бывшего тогда министром финансов Бориса Федорова, месяцы, последовавшие за 4 октября, были уникальными в постсоветской истории по темпам выплат регионами налогов и налоговых недоимок. В ряде регионов было введено мини-ЧП — запрещены митинги и демонстрации и пр. Основания для страха были, поскольку практически сразу же после того, как на мосту у ДС появились танки, послышались голоса, напоминающие о роли региональных боссов в эскалации кризиса.

Куда-то исчезли и громкоголосые лидеры оппозиционных партий, обещавшие вывести на улицы миллионы

людей. Несмотря на решение X съезда о передаче пятерым депутатам специальных полномочий для возобновления работы съезда и Верховного Совета в случае ареста Хасбулатова и его заместителей, ни один из них не воспользовался своими полномочиями. Слабая попытка руководства РКРП организовать демонстрацию в Санкт-Петербурге и пробиться на телевидение хотя бы там провалилась, не в последнюю очередь благодаря тогдашнему первому заму Собчака Владимиру Путину, приказавшему выставить ОМОН около телецентра.

Все оппозиционеры, в ужасе затаившись, ждали репрессий. Многие из тех, кто не попал в тюрьму, бежали в глушь. Можно вспомнить, в частности, Виктора Анпилова, арестованного в шкафу на даче у знакомых, или Александра Проханова, отсиживавшегося по одной версии где-то в заокских лесах, а по другой — настолько перепугавшегося, что даже сбежавшего в Минск.

И репрессии начались. Приказом коменданта района ЧП А.С. Куликова были запрещены 17 партий и движений, непосредственно участвовавших в событиях «Черного октября»: «Трудовая Москва», «Трудовая столица», «Партия возрождения державы», «Союз офицеров», «Русская партия», «Фронт национального спасения», Российский общенародный союз, Российская коммунистическая рабочая партия, Коммунистическая партия Российской Федерации, Всероссийская коммунистическая партия (большевиков), Российский коммунистический союз молодежи, Фронт патриотической молодежи, Объединенный фронт трудящихся, Русское национальное единство, Русский национальный собор, Национально-патриотический фронт «Память», Союз социально-правовой защиты военнослужащих «Щит». Впрочем, с большей части

этих объединений запрет был вскоре снят. Однако в основном им это уже ничего не дало. Сейчас большинство этих партий либо исчезло, либо существует лишь формально, либо уже успело по нескольку раз поменять лидеров и имидж.

Были также закрыты коммунистические газеты «Правда», «Советская Россия» (по идеологии ближе всего стоят к КП РФ), еженедельник «Гласность», «Молния» (газета РКРП, редактор Виктор Анпилов), «День» (по идеологии ближе всего к ФНС), «Наша Россия», «Красная Пресня» (издание Краснопресненского райсовета), «Путь» (историко-философский ежемесячник Российского христианско-демократического движения), «Рабочая трибуна» (совместное издание Федерации независимых профсоюзов России и Российского союза промышленников и предпринимателей, стоящее на центристских позициях; позднее решение о запрете было отменено), а также «Русская газета», «Пульс Тушина», «Русское воскресенье», публиковавшие материалы с ярко выраженной антисемитской тенденцией (на редакции двух последних газет в суды неоднократно подавались иски с требованием привлечь их к ответственности за разжигание национальной розни).

Кроме того, в Санкт-Петербурге была запрещена еженедельная газета «Народная правда» (издававшаяся членами РКРП), а в Кемерово — газета «Кузбасс» (за публикацию мнения Амана Тулеева с осуждением действий Бориса Ельцина 3—4 октября). Была также введена предварительная цензура.

Впрочем, на этом репрессии по большому счету и закончились. Большинство задержанных 4 октября было отпущено уже на следующий день. Концлагерей на ста-

дионах никто создавать не собирался. Хотя, по рассказам Сергея Юшенкова, в Администрации Президента готовилось некое постановление о выселении активных участников мятежа из Москвы, однако усилиями ряда людей (прежде всего самого С. Юшенкова) его подготовка была блокирована. Да еще из списка на получение депутатских льгот был исключен 151 депутат — вероятнее всего, именно столько их осталось в ДС к 4 октября. А цензура была отменена уже 6 октября, после того как «Независимая газета» демонстративно вышла с белыми пятнами на месте изъятых материалов.

Проведение Совета Федерации стало уже не нужным никому, и вся эта конструкция тихо почилла в бозе. Наиболее оппозиционные региональные боссы были смещены. 5 октября от должности были отстранены В. Муха и А. Сурат. Первый вновь вернулся к власти в 1995 году, победив своего сменщика И. Индинка, а второй канул в политическую безвестность. Отстраненный глава Брянщины Юрий Лодкин также выиграл выборы в 1996 году и рулит областью до сих пор, став, правда, значительно умереннее во взглядах. Кирсана Илюмжинова от смещения, по слухам, спасли громадные взятки своим покровителям в Москве, а Руслана Аушева — нежелание накалять и без того беспокойную обстановку на Северном Кавказе. Впрочем, с Аушевым власть все же рассчиталась сполна — спустя восемь лет ингушский президент и его клан были низвергнуты, а власть перехватил ставленник Центра генерал ФСБ Мурат Зязиков.

Значительные изменения произошли среди представителей судебной власти, ведших двойную игру. Генпрокурор Валентин Степанков, лишь 4 октября выписавший ордера на арест Руцкого и Хасбулатова и распорядив-

шийся о возбуждении против них уголовного дела, уже на следующий день был уволен Ельциным, видимо не простившим ему колебаний, и заменен мало кому известным юристом из Омска А. Казанником. Побыв затем депутатом, бывший генпрокурор вернулся в большую политику сравнительно недавно — после пребывания в должности главного федерального инспектора по Пермской области он был назначен в апреле 2003 года заместителем секретаря Совета безопасности. Подчиненный Степанкова, прокурор Москвы Геннадий Пономарев, пережил своего шефа на полтора года и был убран со своего поста сразу же после убийства Листьева. На следующий день, 6 октября, Валерий Зорькин написал заявление о своей отставке с поста главы КС и превратился в рядового члена этого судебного органа. Сделал он это после разговора с Сергеем Филатовым, который предложил ему альтернативу — отставка или уголовное дело за поддержку путчистов. Зорькин, ясное дело, предпочел первое. Впрочем, не далее как в феврале 2003 года он вновь вернулся на свой высокий пост. Хотя не похоже, что Валерию Дмитриевичу вновь хочется пуститься в авантюры. Затем КС, сделав заявление о том, что «в условиях сложившейся ныне в Российской Федерации правовой ситуации КС Российской Федерации не в состоянии решать дела по проверке конституционности международных договоров и нормативных актов Российской Федерации», на полтора года самоустранился из политики, да и из жизни.

Еще до ареста Руцкого и Хасбулатова Генеральная прокуратура возбудила уголовные дела по захвату мэрии и атаке на «Останкино». Были организованы следственные группы во главе со следователями по особо важным делам Леонидом Прошкиным и Владимиром Казаковым.

В дальнейшем оба дела были объединены в одно уголовное дело № 18/123669-93. Объединенную следственно-оперативную группу, в состав которой входило до 200 следователей органов прокуратуры, МВД и МБ и несколько сотен оперативных работников милиции и контрразведки, возглавил начальник следственной части Генеральной прокуратуры РФ В.Х. Феткулин. Группа состояла из подгрупп, работавших по различным направлениям, и штаба, возглавляемого опытным прокурорским работником, хорошим организатором, Сергеем Аристовым, ранее проводившим расследование по делу о «золоте КПСС».

Следователи буквально обшарили ДС, провели сотни допросов и очных ставок, изъяли ряд документов. Среди прочего, допрашивались и раненые сторонники Руцкого, часть из которых на всякий случай сбежала из госпиталей. Следствие продолжалось до конца февраля 1994 года, вызывая своей «медлительностью» определенное недовольство окружения президента. Александр Руцкой вообще утверждал в своих мемуарах, что Ельцин якобы приказал провести следствие в течение недели и вынести главным обвиняемым смертный приговор. Однако, если такой приказ и был отдан, то лишь в минуту запальчивости, подобной пресловутой сцене с трубкой Хасбулатова¹. Единственное требование Ельцина, зафиксированное в его Указе «О расследовании вооруженного мятежа в Москве», заключалось в том, чтобы «было обеспечено быстрое и полное раскрытие преступлений, а каждый организатор, руководитель и активный участник мятежа

¹ По словам Коржакова, президент, которому трубку спикера ВС принесли в качестве военного трофея, в ярости разбил ее об пол.

понес справедливое наказание и ни один невинный не подвергся уголовному преследованию».

В принципе же недовольство Ельцина и его окружения материализовывалось лишь в заявлениях пресс-секретаря президента о том, что защита обвиняемых умышленно тянет время. Так оно, впрочем, и было — Хасбулатов отказывался отвечать на вопросы и обвинял следствие в том, что оно ведется незаконно, поскольку он, мол, обладает парламентской неприкосновенностью и невиновен. А Руцкой постоянно выдвигал требования, грозившие затянуть процесс следствия до бесконечности — вроде выдачи ему разрешения на ознакомление со всеми актами экспертиз в отношении всех погибших в конфликте.

А на воле постепенно поднимали голову их сторонники, понявшие, что репрессий не будет и власть в очередной раз испугалась быть обвиненной в «охоте за ведьмами». Кроме того, смелости им придали итоги состоявшихся 12 декабря 1993 года выборов в Госдуму, когда на первое место вышли не демократы из «Выбора России», а Жириновский со своей ЛДПР. Тут же из числа патриотических графоманов образовался некий «Комитет Лефортово», который выступил с обращением к нации. В этом заявлении, объявлявшем о создании «правозащитного комитета», впервые был собран ряд мифов, использовавшихся позднее (вроде полутора тысяч погибших или сугубо положительного образа парламента, противостоявшего «горстке лихоимцев»).

Впрочем, в тот же день, 12 декабря 1993 года, пришедшие на избирательные участки люди голосовали и за новую «ельцинскую» Конституцию, покончившую с двоевластием в пользу президентской республики и действующую и по сей день. Независимо от того, проголосовало за нее большинство россиян, пришедших на избирательные

участки, или нет, как это утверждает часть социологов (проверить это невозможно, поскольку все материалы об итогах голосования были сожжены), эта Конституция, благодаря четко прописанной в ней сложнейшей системе внесения поправок, смогла установить стабильность в этом секторе. Впрочем, с Советами было покончено навсегда еще до ее принятия. Уже 6 октября был распущен Моссовет, а 9 октября издан Указ Президента РФ «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», которым положено начало роспуску представительных органов власти по всей России.

В начале января 1994 года к Хасбулатову, Руцкому, Ачалову, Баранникову, Дунаеву, Макашову, Анпилову и Константинову присоединился и Баркашов. «Фюрер» РНЕ, скрывавшийся где-то в Подмоскowie, попал в госпиталь МВД с огнестрельным ранением (как утверждали злые языки, рана была получена то ли во время пьяной карточной ссоры, то ли это вообще был случайный самострел опять же по пьяни).

В конце февраля 1994 года Госдума, в которой значительный процент голосов получили коммунисты и жириновцы, приняла решение об амнистии всех участников ГКЧП (причем один из них сам голосовал за это, сидя на заседании) и «Черного октября». Однако не факт, что арестованных бы выпустили, если бы не то обстоятельство, что Лефортовская тюрьма в тот момент была по распоряжению помощника Ельцина по безопасности Юрия Батурина на короткое время передана под контроль Генпрокуратуры. Коржаков вспоминал, что Ельцин приказал «сделать все, что угодно, но из Лефортова никого не выпускать», однако все испортила принципиальность Казанника, предпочтившего уйти в отставку и оказаться на

обочине большой политики. Как вспоминал начальник президентской охраны, «я лично позвонил в Лефортово, переговорил с ответственным лицом и попросил не выполнять решение Думы хотя бы до согласования с президентом». «Извините, но ничего не можем сделать, мы подчиняемся сейчас Генеральной прокуратуре, — таков был ответ». Затем, однако, президентские структуры успокоились, тем более что в обмен на амнистию была открыта учрежденная было Думой комиссия по расследованию событий «Черного октября», которая могла вскрыть факты трусости и нераспорядительности многих чиновников, которые предпочли пожертвовать чужими жизнями.

Интересно, кстати, что ни один из «узников» так и не решился остаться в тюрьме, чтобы доказать собственную невиновность, — все они с легкостью признали свою вину, дабы выйти из тюрьмы. Зато полковник Васильев, чья измена едва не привела к панике, отделался сравнительно легко — увольнением из МВД.

По выходе из тюрьмы пути «лефортовских узников» разошлись. Все они живы, за исключением скончавшегося от рака в 1995 году Баранникова. Руслан Хасбулатов по-прежнему преподает в столичных вузах и пытается вернуться в большую политику в качестве миротворца в Чечне. Александр Руцкой за прошедшее десятилетие предложил свои услуги всем, кому возможно. Он побывал и сторонником «патриотов» (его движение «Держава» набрало в 1995 году, кажется, около 2% голосов), и губернатором Курской области (прославившейся в ту пору количеством арестованных вице-губернаторов), и даже основателем движения «Единство». Впрочем, это не спасло его от снятия с выборов осенью 2000 года. Формальным поводом послужила утайка части имущества в предвыборной декларации, после чего политик и автор нескольких

книг мемуарного характера сошел с политической сцены. РНЕ Баркашова еще несколько лет служило всероссийским пугалом, пока в 2000 году не раскололось на несколько частей. Неплохо устроился Андрей Дунаев. Ныне он занимает пост председателя совета директоров банка «Глобэкс», входящего во вторую десятку крупнейших российских банков. Генерал Макашов тоже успел побывать депутатом Думы, «прославиться» на всю страну резкими антисемитскими речами и с треском проиграть выборы в 1999 году. Ныне он на пару со «спецпрокурором» Виктором Илюхиным возглавляет «Движение в поддержку армии». Остальные «водители» «Черного октября» тоже при деле — у кого свой фонд, кто-то служит на непыльной должности советника, а кто-то (вроде Ильи Константинова) даже занят строительством российской социал-демократии вместе с так проклинаемым им десять лет назад Горбачевым.

Впрочем, больше всего выиграли от всего этого два человека, которые до сих пор не могут внятно объяснить, где они были и что делали 3 октября. 12 декабря Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский во главе, соответственно, КП РФ и ЛДПР прошли в Думу и с тех пор официально представляют националистов и коммунистов в высшем законодательном органе, фактически торгуя этими брендами.

Что же касемо здания ДС, то оно было отреставрировано (а во вспыхнувшем во время реставрации скандале впервые всплыло имя Пал Палыча Бородина) и с начала 1994 года стало резиденцией Кабинета министров. А чтобы правительство не беспокоили докучливые демонстранты, здание обнесли решеткой. Могли бы и забором, да только тогда он бы точно стал местом приложения сил поклонников граффити.

В первые годы вожди оппозиции вспоминали о «Черном октябре» часто. У БД даже появилось нечто вроде мемориала погибшим со специальной часовней. Правда, мемориала, замешенного на густом вранье (см. главу «Остальные 1350 погибших пока не известны...»). Бетонный забор стадиона «Асмарал» был весь покрыт граффити. Причем, когда их закрасили, на их месте появились новые. Впрочем, решение проблемы было быстро найдено. Вот как описывает его все тот же Коржаков: «О содержании заборного фольклора я как-то рассказал Ю.М. Лужкову и его заместителю В.И. Ресину:

— Мужики, сколько можно терпеть? Вы, наверное, не обращаете внимания на надписи потому, что там нет ваших фамилий.

Намек они поняли. За неделю по личному распоряжению мэра Москвы бетон разобрали и установили ограждение из железных прутьев — на них ничего не напишешь. Заборами мне никто не запрещал заниматься.

Однако чем дальше, тем меньше лидеры крупнейших оппозиционных групп, пытавшиеся стать легитимными и добропорядочными, предпочитали вспоминать о своем участии в противостоянии. В 1998 году, к пятилетию событий, лишь ФНС, превратившийся в свою тень, учредил специальный орден Октябрьского восстания для всех, кто участвовал в событиях «Черного октября». Сколько народу польстилось на эту побрякушку и сколько из них действительно делали что-то помимо сотрясения воздуха пустыми лозунгами — неизвестно.

Зато в «патриотических», а иногда и в «демократических» СМИ появился ряд мифов о «Черном октябре»...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЦИК — Центральная избирательная комиссия
ВС — Верховный Совет
ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению
РКРП — Российская коммунистическая рабочая партия
ФНС — Фронт национального спасения
СБ — Совет безопасности
КС — Конституционный суд
ОМСДОН — Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения
МО — Министерство обороны
МБ — Министерство безопасности
ГМК — Государственная медицинская комиссия
ВВ — Внутренние войска
ДС — Дом Советов
БД — Белый дом
СНД — съезд народных депутатов
МБР — Министерство безопасности России
СО — «Союз офицеров»
ЦБ — Центробанк
РНЕ — Русское национальное единство
ФНПР — Федерация независимых профсоюзов России
ССФ — Совет субъектов Федераций
ОВС — Объединенные вооруженные силы
ГУООБ — Главное управление обеспечения общественной безопасности
СВР — Служба внешней разведки
ГКИ — Госкомимущество

ГУО — Главное управление охраны
ГКЧС — Госкомитет по чрезвычайным ситуациям
«АКС» — автомат Калашникова скорострельный
СБП — Служба безопасности президента
ФИЦ — Федеральный информационный центр
БРДМ — бронированная десантная машина
ПДП — парашютно-десантный полк
СВА — Союз ветеранов Афганистана
БМП — боевая машина пехоты
ИПК — издательско-печатный комплекс
СПАСР — Спасательный центр России
ФСК — Федеральная служба контрразведки
«АКМ» — автомат Калашникова модернизированный
КРДМС (Б) — Комитет за рабочую демократию и между-
народный социализм (группы Бийца)
Ваад - совет федерации еврейских организаций и общин
России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i>	
СОРАТНИКИ — СОПЕРНИКИ — ПРОТИВНИКИ	11
<i>Глава 2.</i>	
«РОВНО В 20.00, 21 СЕНТЯБРЯ»	27
<i>Глава 3.</i>	
БИТВЫ ЗА ЛЕСТНИЦЫ И МОЗГИ. ВОЙНА В ТОЛПЕ	50
<i>Глава 4.</i>	
БОЛЬШАЯ ИГРА БОЛЬШОГО СУДЬИ, ИЛИ КАК ТРЕТЬЯ ВЛАСТЬ ПЫТАЛАСЬ СТАТЬ ПЕРВОЙ	84
<i>Глава 5.</i>	
СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ, ИЛИ ЖИЗНЬ ВНУТРИ КОЛЬЦА ..	90
<i>Глава 6.</i>	
ЦАРЬ БОРИС И 87 БОЯР	100
<i>Глава 7.</i>	
«ВЫДАВАТЬ ПО 50 000 В ДЕНЬ» (РУЦКОЙ, ХАСБУЛАТОВ И «СИЛОВИКИ»)	117
<i>Глава 8.</i>	
НЕОКОНЧЕННЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ	135
<i>Глава 9.</i>	
«ДУБИНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ»	147
<i>Глава 10.</i>	
ШТОСС, ИЛИ НОЧЬ ПЕЧАЛИ	176
<i>Глава 11.</i>	
ПУШКИ ВМЕСТО СЛОВ	214
<i>Глава 12.</i>	
ТАК БЫЛИ ЛИ «БЕЙТАР» И БРИГАДА ПОЛКОВНИКА КЕНТИ?	241
<i>Глава 13.</i>	
ПРОВОКАЦИЯ ЕЛЬЦИНА.	255
<i>Глава 14.</i>	
«ОСТАЛЬНЫЕ 1350 ПОГИБШИХ ПОКА НЕИЗВЕСТНЫ...»	262
<i>Глава 15.</i>	
«ВОЖДИ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ»	272
Список сокращений.	284

Семен Чарный
ТАЙНЫ ОКТЯБРЯ 1993

Издано в авторской редакции
Художественный редактор С. Силин
Компьютерная верстка Г. Клочкова
Корректор Р. Годгильдиева
Ответственный за выпуск А. Светлова

ЛР № 065715 от 15.03.1998
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский бр.-р., 15
Контактный тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр.-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр.-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр.-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр.-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:
Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**
ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деневооблечная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИКЦ «ДИС», г. Челябинск, ул. Братская, д. 2а. Тел. (8512) 62-22-18.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.
Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.11.2003.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 15,21.
Тираж 4100 экз. Заказ № 2066

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Семен
Чарный

ТАЙНЫ ОКТЯБРЯ 1993

Книга рассказывает о событиях 21 сентября – 4 октября 1993 года – одном из самых ярких моментов в истории постсоветской России, определившем дальнейший путь ее развития – к президентской республике и управляемой демократии. Эти события стали также источником различных политических мифов.

Уникальные, чудом сохранившиеся документы из государственных архивов, депутатские дневники, материалы общества «Мемориал», свидетельства очевидцев, впервые использованные автором в этой книге, позволяют по-новому взглянуть на события «черного октября» 1993 года и закрыть многие «белые пятна»

ISBN 5-87849-149-4

9 785878 491495 >